

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Авдеева Юлия Николаевна

**ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ МИГРАНТОВ ДЛЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры (культурология)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук
профессор Н.П. Кошчева

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Концептуальные и методологические подходы к исследованию этнической самоидентификации мигрантов	22
1.1 Понятие этнической самоидентификации.....	22
1.2 Этническая самоидентификация мигрантов	61
2 Роль культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов на территории Красноярского края	92
2.1 Культурная память как предмет современных научных исследований....	92
2.2 Культурная память мигрантов Красноярского края и процессы этнической самоидентификации.....	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	149

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования связана с необходимостью изучения воздействия культурной памяти на процессы этнической самоидентификации, адаптации и интеграции мигрантов в инокультурной среде. Миграция населения на фоне современных процессов глобализации является объективной социокультурной реальностью. Степень открытости, демократичности общества определяют характер миграционных потоков. Различные этнокультурные группы представляют собой социокультурные локальности, в которых каждый переживает причастность к культурным, социальным, религиозным и другим ценностям своей социальной группы. В контексте данной проблематики крайне актуальным является вопрос самоидентификации мигрантов, поскольку этнические и культурные группы находятся в постоянной динамике.

Красноярский край наряду с другими регионами Российской Федерации представляет собой межэтническое и межконфессиональное пространство, отличается высокой степенью культурного и языкового разнообразия народов. На сегодняшний день на территории Красноярского края проживает 159 этнокультурных групп. Население Красноярского края, расположенного в центре России и отдаленного от государственных границ, отличается большой миграционной подвижностью. Следует также отметить, что, если в результате обмена с другими субъектами РФ происходит отток жителей, то вследствие международной миграции численность населения увеличивается.

Культурная память, рассматриваемая в контексте данной проблематики, оказывает воздействие на механизмы адаптации, этнической самоидентификации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество, является непрерывным процессом, в ходе которого любая культура и любое общество формируют и стабилизируют собственную идентичность через

реконструкцию своего культурного прошлого. Науки о культуре начала XX века сходились в понимании культуры как отражении ментальности, форм мышления, духовной деятельности отдельных личностей и сообществ в языке, искусстве, символах, формах организации жизни. Культурная память в этом контексте понимается как форма передачи и актуализации культурных смыслов. Вместе с тем культурная память является отражением всего «знания», управляющего действиями, переживаниями и всей жизненной практикой индивидов. Исследования культурной памяти имеют большую традицию в современной теории и истории культуры.

Степень научной разработанности темы исследования.

Теоретическая и методологическая основа исследования миграционных процессов, этнической самоидентификации, адаптации, интеграции и культурной памяти мигрантов представлена в многочисленных работах отечественных и зарубежных ученых.

Основополагающие теории в области миграционных процессов сложились преимущественно в XIX-XX вв. в демографии (Т.Д. Иванова¹, В.И. Староверов², В.И. Переведенцев³), экономике (Е. Равенштайн⁴, М. Пайоре⁵, А. Портес⁶, С. Сассен⁷), политике (Р. Румбо⁸, Б. Юськив⁹, Ф. Дювель¹⁰), социологии (М. Вебер¹¹, Г. Зиммель¹², Т. Парсонс¹³, П.

¹ Иванова Т. Д. Эмиграция и иммиграция // Население России. Четвертый ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 155-158.

² Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975.

³ Переведенцев В. И. Миграция населения и демографическое будущее России (научно-аналитический доклад). М., 2003.

⁴ Ravenstein E. The Laws of Migration / E. Ravenstein // Journal of the Royal Statistical Society, 1889. Vol. 52. P. 241–301.

⁵ Piore M. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies. London, 1979. 217 p.

⁶ Portes A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities // International Migration Review. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in the Making of Americans [Ed. by J. DeWind, C. Hirschman, P. Kasinitz]. Center for Migration Studies, 1997. Vol. 31, № 4. P. 799–825.

⁷ Sassen S. The Mobility of Labor and Capital. A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge, 1988. P. 224.

⁸ Portes A. Immigrant America. A Portrait (Third edition. Revised, Expanded and Updated). Berkeley, Los Angeles, London, 2006. P. 460.

⁹ Юськів Б. Глобалізація і трудова міграція в Європі. Рівне, 2009. 479 с.

¹⁰ Brettell C. Migration Theory: Talking Across Disciplines. New York, 2007. 304 p.

¹¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.

¹² Simmel G. Conflict and the Web of group affiliations. Glencoe, Ill., 1955.

¹³ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 2004.

Штомпка¹⁴). Данные исследования обозначили базовое содержание термина «миграция» как территориального перемещения индивидов, значительно изменяющего социальные условия как отдающей, так и принимающей стороны.

Интерес к проблемам миграции, самоидентификации и интеграции мигрантов возрос у социологов (Л.В. Корель, Т.В. Юдина¹⁵, Д.С. Григорьев¹⁶, Л.М. Дробижеева¹⁷), философов, культурологов и теоретиков искусства (Ю.С. Замараева¹⁸, А.В. Кистова¹⁹, А.А. Ситникова²⁰, К.В. Резникова²¹, С.Н. Скоринов), экономистов (С.В. Рязанцев²², Н.И. Кожевникова²³, Л.Л. Рыбаковский²⁴, В.А. Ионцев²⁵), этнографов (П.М. Полян²⁶, В.Н. Земсков²⁷, М.И. Бережнова²⁸), историков (Л.Н. Мазур²⁹, М.М. Ибрагимов³⁰), географов (Л.Б. Карачурина³¹, Ж.А. Зайончковская), психологов (А. Маслоу³², Дж.

¹⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.

¹⁵ Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102-109.

¹⁶ Григорьев Д. С. Влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. сер.: Акмеология образования. Психология развития. Саратов, 2015. Т. 4, № 1 (13). С. 63–66.

¹⁷ Дробижеева Л. М. Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.

¹⁸ Замараева Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. Красноярск, 2014. № 4.

¹⁹ Кистова А. В. Влияние этнических миграционных процессов на самоопределение коренных малочисленных народов Сибири (на примере этнической группы «Чулымцы» Тухтетского района Красноярского края // Современные проблемы науки и образования. Красноярск, 2015. № 1(1).

²⁰ Ситникова А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессей, Суринда, Фарково, Носок, Караул) // Современные проблемы науки и образования. Красноярск, 2015. № 1-1.

²¹ Резникова К. В. Образ мигрантов в представлениях современных студентов (на материале анализа Красноярского края и Сибирского федерального университета) // Социодинамика. 2016. № 2. С. 77–88.

²² Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., 2007. 18 с.

²³ Рыбаковский Л. Л. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. М., 2010. 296 с.

²⁴ Рыбаковский Л. Л. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. М., 2010. 296 с.

²⁵ Ионцев В. А. Международная миграция населения: Россия и современный мир. М., 2000. Вып. 5. 161 с.

²⁶ Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

²⁷ Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930-1950-е гг.). Население России в 1920-1950-е годы. Численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. М., 1994. С. 145–194.

²⁸ Бережнова М. И. Миграция как средство развития территорий: исторический пример Колымского края // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. 1888 с.

²⁹ Мазур Л. Н. Художественное кино и сельская миграция: источниковедческий анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 2(102).

³⁰ Ибрагимов М. М. Миграционные процессы в России и на постсоветском пространстве. Саратов, 2001.

³¹ Карачурина Л. Б. Миграционные процессы // В кн.: Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. М., 2016. Вып. 37, Гл. 5.2. С. 320–332.

³² Maslow A. H. Motivation and Personality. New York, 1954.

Берри³³, Н.М. Лебедева³⁴, А. Фарнхем, С. Бочнер³⁵), лингвистов и специалистов по двуязычию (С. Гэл, И.И. Халеева³⁶, З.В. Поливара³⁷), специалистов по когнитивной и антропологической лингвистике (В. Баранова³⁸, Э. Бенвенист³⁹, В. Фон Гумбольдт⁴⁰). Акцент на междисциплинарном характере исследований миграции делали Дж. Холлифилд⁴¹, К. Бреттел⁴², М. Каслс, Д. Мейсси⁴³.

Исследователи, обращаясь к теме миграционных процессов, интересуются, прежде всего, вопросами сохранения этнической самоидентификации мигрантов, межкультурной адаптации и интеграции с новым социокультурным пространством, этнической толерантности, правосознания и маргинализации мигрантов.

Интерес к феномену «память» прослеживается еще с античной философии, где она представляется явлением индивидуального сознания, локализованным в голове индивида и представляющим собой некое статичное хранилище информации. Такое представление сохранялось до самых первых сторонников экспериментальной психологии XIX века. С начала XX века сформировалось новое понимание памяти как динамической системы, которая функционирует не только внутри субъекта. Первые концепции, связанные с новой интерпретацией феномена памяти, отражены в

³³ Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. Т. 4, № 3.

³⁴ Лебедева Н. М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 271–289.

³⁵ Ward C. A. The psychology of culture shock. London, 2001. 367 p.

³⁶ Халеева И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995. С. 277–286.

³⁷ Поливара З. В. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении: монография. М., 2013. 152 с.

³⁸ Баранова В. Языковая социализация детей мигрантов. Журнальный клуб Интелрос. Антропологический форум. 2012. №17.

³⁹ Горнунга Б. В. Индоевропейское именное словообразование. Лингвистическое наследие XX века. М., 2004. Изд. 2-е, стереотип. 264 с.

⁴⁰ Гумбольдт В. Ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 156–180.

⁴¹ Hollifield J. Migration, Trade and the Nation-State: The Myth of Globalization // Journal of International Law and Foreign Affairs, 1998. Vol. 3 (2). P. 595–636.

⁴² Brettell C. Migration Theory: Talking Across Disciplines. New York, 2007. 304 p.

⁴³ Massey D. An Evaluation of International Migration Theory // The North American Case. Douglas Massey. Population and Development Review, 1994. № 20. P. 699–751.

работах А. Варбурга⁴⁴, Л.С. Выготского, М. Хальбвакса⁴⁵, Э. Дюркгейма. В 1920–1930 гг. отечественные психологи А.Р. Лурия и Л.С. Выготский выделяли понятие «культурной памяти», формулируя социальную концепцию памяти. К проблемам памяти в последние десятилетия XX века стали активно обращаться историки (Ж. Ле Гофф⁴⁶, Р. Коллингвуд⁴⁷, И. Олабарри⁴⁸, Й. Рюзен⁴⁹, Дж. Тош⁵⁰), открыв более широкое поле для исследования – историю культуры. В конце XX века термин «культурная память» был наиболее подробно описан немецким египтологом Яном Ассманом, который в своей работе «Культурная память»⁵¹ развивал теорию коллективной памяти Мориса Хальбвакса. Многие зарубежные ученые занимаются изучением литературных и художественных произведений, с точки зрения того, как последние отражают специфику и сложность культурной памяти (М. Ширвани⁵², Коллин М. Конуэй⁵³, Кэрол Бунч Дэвис⁵⁴, Э. Коресаар⁵⁵ и др.). Руководитель школы культурологии НИУ ВШЭ В. Куренной⁵⁶ рассматривает проблемы культурной памяти, связанные с влиянием на нее новой медийной ситуации.

Метод фокус-групп, задействованный в данном этнокультурном исследовании, впервые был применен социологами Р. Мертоном и П.

⁴⁴ Warburg A. M. *Ausgewählte Schriften und Würdigungen*. Baden-Baden, 1992.

⁴⁵ Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М., 2007. 264 с.

⁴⁶ Ле Гофф Ж. *С небес на землю // Одиссей*. М., 1991. 26 с.

⁴⁷ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 231.

⁴⁸ Olabarrri I. *History and Science // Memory and Myth: towards new relations between historical science and literature*. 18th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Montreal, 1995. 178 p.

⁴⁹ Рюзен Й. *Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М., 2003. Вып. 10. 48 с.

⁵⁰ Тош Дж. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. М., 2000. С. 11–32.

⁵¹ Assmann J. *Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und Politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich, 1992.

⁵² Shirvani M. *Configurations of the Polyphonic Self-Consciousness: The Complexity of Cultural Memory in Philip Roth's The Plot Against America // Multicultural representations. Literature and Discourse as Forms of Dialogue 4th edition edited by Iulian Boldea, Cornel Sigmirean*, 2016. P. 647–658.

⁵³ Colleen M. C. *Gender and Cultural Memory in A. S. Byatt's «Jael»: A Cultural History of a Biblical Story. Sex and Slaughter in the Tent of Jael*. 2016. P. 146–160.

⁵⁴ Carol Bunch Davis. *Be Loyal to Yourselves: Jim Crow Segregation, Black Cultural Nationalism, and US Cultural Memory in Ossie Davis' Purlie Victorious // In book: Critical Insights: Civil Rights Literature, Past & Present*, 2017. P. 36–52.

⁵⁵ Koresaar E. *Life story and cultural memory on the role of the textual community in post-1989 memory work // Cultural Patterns and Life Stories*, 2016. P. 104–129.

⁵⁶ Куренной В. *Цифровые медиа и культурная память: парадоксы новой медиасред / YouTube Video Editor*. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=L-w33mE0F80>.

Лазарсфельдом в 1944 году, а первое теоретическое описание было осуществлено и представлено Р. Мертоном, П. Кендаллом, М. Фиске в учебнике «Фокусированное интервью» в 1946 году. На сегодняшний день метод фокус-групп широко применяется в социологии, культурологии, психологии, политологии, экономике и т.д. Наиболее признанными популяризаторами данного метода в стране стали авторы специализированных пособий С.А. Белановский⁵⁷, Н.Н. Богомолова, О.Т. Мельникова и Т.В. Фоломеева⁵⁸.

Основательное изучение метода фокус-групп проводит С.А. Белановский в книге «Метод фокус-групп». Е.В. Дмитриева⁵⁹ рассматривает возможности применения метода не только в области маркетинга, а также изучает метод фокус-групп в контексте методологии эмпирической социологии, в рамках которой он позволяет раскрыть латентные социальные проблемы, опираясь на всевозможные теории определения специфики метода в подходах Р. Мертона, И. Голдмана, Р. Крюгера. И.В. Чеховский⁶⁰. Е.А. Брянцева изучает особенности формирования и использования метода фокус-группы в социологических исследованиях⁶¹, а также особенности применения этого метода как инструмента анализа потребительской социализации в современной России⁶² и в социологическом исследовании ценностей матерей новорожденных детей в условиях медицинского учреждения⁶³.

⁵⁷ Белановский С. А. Метод фокус-групп. М., 1996. 272 с.

⁵⁸ URL: <http://www.soc.pu.ru/inf/courses/350100/etnsoc.shtml>.

⁵⁹ Дмитриева Е. В. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 133–138.

⁶⁰ Чеховский И. В. Методология социологических исследований / Метод фокус-групп в контексте групповых интервью. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=814>.

⁶¹ Брянцева Е. А. Особенности формирования и применения метода фокус-группы в социологическом исследовании / Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. Ломоносова. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=q-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about-%f4%ee%ea%f3%f1--00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=lomon&cl=search&d=HASH3d10941bdc94efd0acf613.2>.

⁶² Брянцева Е. А. Метод фокус-группы как инструмент анализа потребительской социализации в современной России // Будущее России: стратегии развития. Материалы Межд. научн. конф. Ломоносов-2005. Сб. статей молодых ученых. М., 2005.

⁶³ Брянцева Е. А. Фокус-группы в социологическом исследовании ценностей матерей новорожденных детей в условиях медицинского учреждения // Перспективные разработки науки и техники. Сб. ст. VII международной научно-практич. конф. Психология и социология. 2011. Т. 31. С. 86–90.

За последние десятилетия отечественными и зарубежными учеными накоплен не только большой теоретический материал, но и значительный исследовательский опыт применения качественных методов среди гуманитарных наук. С помощью метода фокус-групп в интеграции с другими методами исследуются вопросы миграции, межэтнических и межконфессиональных отношений⁶⁴, этнической и гендерной идентичности⁶⁵, мультикультурализма⁶⁶, этнополитики⁶⁷ и т.д.

Проблема исследования

На основании актуальности и степени изученности темы исследования проблему можно сформулировать следующим образом: если для каждого социокультурного сообщества характерны специфические механизмы формирования этнокультурной идентичности, то каковы механизмы формирования этнической идентичности мигрантов в контексте их адаптации и интеграции в принимающее сообщество? Одним из основополагающих процессов этнической идентичности мигрантов является их культурная память. В современной отечественной и зарубежной науке воздействие культурной памяти на этническую идентичность мигрантов различных российских регионов является недостаточно изученным и требует рассмотрения с помощью наиболее эффективной методологии. В связи с широким многообразием методологических подходов к изучению проблем миграции, этнической самоидентификации и культурной памяти в качестве проблемы исследования стоит отметить также выбор и обоснование наиболее эффективной методологической модели для исследования культурной памяти в процессе самоидентификации мигрантов Красноярского края.

⁶⁴ Роббер М. А. Групповое интервью // Хрестоматия по социальной психологии. М., 1995. С. 189–193.

⁶⁵ Московский центр гендерных исследований / Фокус-группа: изучение гендерной идентичности. URL: <http://www.gender.ru/pages/resources/catalogue/index.php?prgid=18&id=2&subid=2>.

⁶⁶ Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / Социологические исследования. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit02.php>.

⁶⁷ Гаврилов К. Невозможность диаспоры. Русские и русскоязычные в странах Евросоюза / Политический журнал. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=8304&issue=222>.

Объектом диссертационного исследования является этническая самоидентификация мигрантов.

Предметом диссертационного исследования выступает значение культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов (на материале Красноярского края).

Цель исследования – выявить и проанализировать значение культурной памяти для самоидентификации, адаптации и интеграции мигрантов в инокультурной среде (на материале Красноярского края).

Достижение поставленной цели связано с реализацией следующих **задач**:

- провести аналитический обзор концепций и систематизировать знания о феноменах «этничности», «этнической идентичности», «этнической самоидентификации»;
- раскрыть интеллектуальную историю и актуальные тенденции культурных исследований в области миграционных процессов, в частности, исследований специфики этнической самоидентификации мигрантов;
- провести аналитический обзор классических и современных концепций и исследований культурной памяти;
- раскрыть возможности метода фокус-групп для региональных культурных исследований;
- провести эмпирическое культурологическое исследование культурной памяти мигрантов Красноярского края с применением метода фокус-групп и сделать интерпретацию полученных результатов.

Теоретико-методологическими основаниями для проведения исследования выступают значимые идеи, методологические возможности, которые раскрывают классические и современные концепции «этничности»,

«этнической идентичности», «этнической самоидентификации». Теория этничности, основанная на модели ассимиляции, была выдвинута социологом Робертом Э. Парком в 1920-е гг. Позднее М. Оми и Х. Уинант также развивали теорию этничности. М. Вебер, придерживаясь убеждения о социальных основаниях этничности, утверждал, что этнические группы представляют собой социальные конструкции, поскольку они основаны на субъективной вере в общее *Gemeinschaft* (сообщество). Многие культур-социологи, такие как Ф. Барт и Э. Вольф, не считают этническую идентичность универсальным явлением. Они рассматривают этничность как продукт конкретных видов межгрупповых взаимодействий, а не существенное качество, присущее человеческим группам. Ф. Барт описывает важность роли распространения использования термина «этничность» в социальных исследованиях. Он развивает идеи М. Вебера о сконструированном характере этнической принадлежности и полагает, что этничность изменчива, она постоянно пересматривается под воздействием внешних факторов и внутренней самоидентификации. Теоретико-методологическими основаниями изучения этнической идентичности выступают концепции западных и отечественных ученых. В социологии основателем теории этнической идентичности принято считать Э. Эриксона, который трактовал идентичность как самоидентификацию, осознание целостности личности и наделял ее адаптационными функциями. Дальнейшее развитие эта теория получила в работах Дж. Бэрри, Дж. Де-Воса, П. Найта, К. Окампо, М. Бернала, Х. Тэйфеля, В.Н. Павленко, С.В. Рыжовой, Дж. Тернера, В.С. Собкиной, Г.У. Солдатовой, Ю. Чернявской, Т.Г. Стефаненко. Сторонник междисциплинарного подхода Э. Смит выделил такие научные парадигмы в изучении национализма и этнической идентичности как модернизм, примордиализм, перенниализм и этносимволизм.

Концепции, сформулированные в области миграции и этнической самоидентификации мигрантов, позволяют понять специфику и многочисленные аспекты этих процессов. Основополагающие теории в области миграционных процессов сложились преимущественно в XIX-XX вв. в самых различных отраслях научного знания. В этот период определялось базовое содержание термина «миграция» как территориального перемещения индивидов, значительно изменяющего социальные условия как отдающей, так и принимающей сторон. Позднее стали развиваться новые теоретические подходы, возрос интерес к проблемам адаптации, интеграции и этнической самоидентификации мигрантов. В рамках этой проблематики ученые стали оперировать понятиями «аккультурация», «аккультурационный стресс», «культурный шок».

Первые концепции, связанные с феноменом памяти, отражены в работах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Л.С. Выготского, А. Варбурга. В 1920–1930 гг. отечественные психологи А.Р. Лурия и Л.С. Выготский выделяли понятие «культурной памяти», формулируя социальную концепцию памяти. Культурная память стала областью интересов историографии (Пьер Нора, Ричард Тердиман) и культурологии (Сьюзен Стюарт), поскольку память не есть исключительно личный, индивидуальный феномен, но и коллективный. Культурную память активно исследовали с точки зрения психологии, семиотики, филологии.

В современной мировой гуманитарной науке существует широкое разнообразие методологических подходов (аксиологический, структуралистский, функциональный, герменевтический, генетический, кросс-культурный, лингвокультурологический и т.д.) и различные качественные и количественные методы, такие как наблюдение, описание, полевые исследования, эксперимент, контент-анализ, нарративный анализ, обоснованная теория, фокус-группа и т.д. Каждый из них может быть эффективно использован для проведения исследований культурной памяти этнических групп мигрантов. Теоретические методы применены в первой

части исследовательской работы, а вторая глава, в свою очередь, основана на применении практических междисциплинарных методов. Для этнокультурного исследования этнических групп мигрантов привлечен метод фокус-групп, который дает возможность непосредственного знакомства с современным отношением людей разных этнических групп к собственной этнической культуре и культуре других групп, увидеть и зафиксировать динамику развития этнической группы.

Методологическим основанием данного исследования стал метод фокус-групп, представляющий собой глубинное интервьюирование представителей целевой аудитории, который в последние десятилетия нашел широкое применение среди гуманитарных наук, в частности в этнокультурных исследованиях (исследования этнографии, межэтнических и межконфессиональных отношений, миграционных процессов и т.д.). Это обусловлено возможностью непосредственного знакомства с современным отношением людей разных этнических групп к собственной этнической культуре и культуре других групп, увидеть и зафиксировать динамику развития этнической группы. Отечественная традиция использования данной методики находится в стадии становления, практически полностью основываясь на достижениях западной науки. Наиболее признанными авторами, популяризирующими эту методику в стране, стали С.А. Белановский, О.Т. Мельникова, Н.Н. Богомолова и Т.В. Фоломеева.

Кроме того, в работе были использованы общенаучные теоретические и эмпирические методы исследования: наблюдение, анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, экстраполяция – в аспекте культурного исследования.

Основные результаты и научная новизна диссертационного исследования. В диссертационном исследовании получены следующие результаты:

1) Сделан аналитический обзор классических и современных концепций, выстроенный на основе изучения феноменов «этничности», «этнической идентичности», «этнической самоидентификации», позволяющий понять специфику механизмов формирования этничности и этнической идентичности.

2) Представлен обзор актуальных концепций и исследований в области миграционных процессов, позволяющий выделить основные проблемы и определить факторы, воздействующие на специфику этих процессов. Миграция сегодня стала одним из важнейших механизмов общественного преобразования и развития. В этой связи, исследователи, обращаясь к теме миграционных процессов, анализируют, прежде всего, процессы сохранения этнической самоидентификации мигрантов, межкультурной адаптации и интеграции в новое социокультурное пространство, этнической толерантности, правосознания и маргинализации мигрантов.

3) На основании критического анализа теорий и исследований отечественных и зарубежных ученых определена специфика формирования культурной памяти и ее значение в процессе становления этнической самоидентификации мигрантов.

4) Обоснована эффективность метода фокус-групп для исследования культурной памяти мигрантов, в том числе для экспертного сопровождения диалога культур в Красноярском крае.

5) Проведено культурологическое исследование значения культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов (на материале Красноярского края) с использованием качественного метода исследования – фокус-группы. Представлена интерпретация результатов исследования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Аналитический обзор концепций и систематизация знания о феноменах «этничности», «этнической идентичности», «этнической самоидентификации» позволили понять специфику механизмов формирования этничности и этнической идентичности, определить факторы, влияющие на процессы их становления. Представлены значимые идеи, методологические возможности, которые раскрывают классические и современные концепции в контексте данной проблематики. Самоидентификация предопределяет становление самосознания личности, идентификацию себя в отношении других индивидов. Она становится основополагающим фактором удовлетворения потребности людей в приобщенности, укорененности в общности, системе ориентаций. В сфере культурологии и этнографии процесс самоидентификации может быть рассмотрена как один из культурно- и личностнообразующих факторов, позволяющих в большей мере осмыслить сущность индивида (мигранта). Современные исследователи указывают на то, что в условиях процессов глобализации осознание человеком своей принадлежности к той или иной этнокультурной группе не есть явление самопроизвольное, оно в большей мере обусловлено общественными интересами и потребностями (политическими, экономическими и культурными). Таким образом, этническая идентичность испытывает посредственное или непосредственное влияние факторов глобального уровня.

2. Изучение концепций, сформулированных в области миграции и этнической самоидентификации мигрантов, позволили понять специфику и многочисленные аспекты этих процессов, раскрыть интеллектуальную историю и актуальные тенденции культурных исследований в области миграционных процессов, в частности, исследований специфики этнической самоидентификации мигрантов. На сегодняшний день существует неоспоримое положение о том, что миграция стала одним из важнейших

факторов общественного преобразования и развития на всех территориях мира. Каждый человек является частью общества и, видоизменяясь в большом количестве модификаций, выступает точкой роста определенного общественного системно-структурного образования. Этносы, нации и народности представляют собой социокультурные локальности, в которых каждый испытывает ощущение со-бытия с культурными, социальными, религиозными и другими ценностями своей общности. В контексте данной проблематики крайне актуальным является вопрос самоидентификации мигрантов, поскольку этнические и культурные группы находятся в постоянной динамике. Исследователи, обращаясь к теме миграционных процессов, интересуются, прежде всего, вопросами сохранения этнической самоидентификации мигрантов, межкультурной адаптации и интеграции с новым социокультурным пространством, этнической толерантности, правосознания и маргинализации мигрантов.

3. Культурная память, будучи формой передачи и актуализации культурных смыслов, является одним из главных механизмов формирования самоидентификации мигрантов. Она представляет собой отражение всего «знания», управляющего действиями, переживаниями и всей жизненной практикой индивидов. Аналитический обзор классических и современных концепций и исследований культурной памяти позволил определить специфику формирования культурной памяти и ее значение в процессе становления этнической самоидентификации мигрантов. Изучение социокультурных явлений и процессов, включающих такие феномены как коллективная мемориализация, коллективная амнезия, *memory studies* приобрели междисциплинарный характер, с начала 80-х годов XX века и за последние десятилетия достигли организационной и теоретико-методологической зрелости. Процессы глобализации привели к тому, что сфера коллективных идентичностей стала одной из ведущих среди наук о культуре и обществе. В связи с чем формируется новая парадигма социально-

гуманитарных исследований, включающая понятия «память», «воспоминания», «забвение», «рессентимент», «ностальгия». Понятия «память» и «идентичность» неотделимы и взаимозависимы друг от друга. Идентичность закреплена в памяти, а идентификация является одной из основных функций коллективной памяти. Коллективная память содержит образы событий, которые превращаются в символы групповой идентичности.

Отечественные и зарубежные ученые с конца XX века активно обращаются к проблемам памяти и рассматривают различные значения терминов «историческая память», «социальная память», «культурная память», вступают в дискуссии относительно трудностей перехода от индивидуальной к коллективной памяти. Современное понимание природы культурной памяти уходит от двух крайностей: понимания ее как хранилища устойчивых образов и представления о коллективной памяти как о пластичном и податливом к любым манипуляциям явлении. Культурная память представляется как надиндивидуальный механизм хранения и трансляции культурных смыслов, а пространство культуры при этом является пространством некой общей памяти. Исследователями подчеркивается безусловная связь культурной памяти с самоидентификацией: коллективная память содержит образы событий, которые преобразуются в символы групповой идентичности. На основе разных форм исторической памяти и разных культурных сообществ формируется сложная многосоставная этническая идентичность. Связь памяти и идентичности подтверждается и тем, что память является нарративом, а идентичность по своей природе нарративна. Кроме того, одно и то же событие может сформировать разные нарративы идентичности, в зависимости от сложившихся условий вокруг него. Культурная память имеет сложный механизм своего формирования и во многом подвержена влиянию внешних факторов. Специфика исследований культурной памяти заключается в их междисциплинарном характере и использовании опыта зарубежных ученых в изучении проблематики *memory studies*.

4. Анализ современных концепций и исследований с применением качественного метода – метода фокус-групп позволил раскрыть возможности и обосновать эффективность метода в контексте культурных исследований, в частности для исследования культурной памяти мигрантов. Метод фокус-групп, представляющий собой глубинное интервьюирование представителей целевой аудитории, в последние десятилетия нашел широкое применение среди гуманитарных наук, в частности в этнокультурных исследованиях (исследования этнографии, межэтнических и межконфессиональных отношений, миграционных процессов и т.д.). В процессе интервьюирования исследователям удается собрать субъективные мнения респондентов о различных объектах исследования (товары, услуги, виды деятельности, продукты деятельности и т.д.). Иначе говоря, метод фокус-групп является групповой дискуссией, участники которой по возможности освободившись от идеологических установок, ощущают себя комфортно и раскованно в своих ответах, тем самым повышая ценность получаемой исследователями информации. Отечественная традиция использования данной методики находится в стадии становления, практически полностью основываясь на достижениях западной науки. Наиболее признанными авторами, популяризирующими методику в российской науке, стали С.А. Белановский, О.Т. Мельникова, Н.Н. Богомолова и Т.В. Фоломеева.

Эффективность метода в этнокультурных исследованиях обусловлена возможностью непосредственного знакомства с современным отношением людей разных этнических групп к собственной этнической культуре и культуре других групп, увидеть и зафиксировать динамику развития этнической группы. Использование метода фокус-групп в подобных исследованиях позволяет глубинно осмыслить и проанализировать ситуацию межэтнических отношений, самоидентификации, интеграции и адаптации этнокультурных групп. Фокус-группы необходимы для экспертного сопровождения диалога культур, их применение позволяет понять глубинные

процессы этого диалога, выявить сложные ситуации и смоделировать способы разрешения возможных противоречий и деструктивных противостояний.

5. Проведенное эмпирическое культурологическое исследование значения культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов (на материале Красноярского края) с использованием качественного метода исследования – метода фокус-групп позволило сделать следующие выводы. Применение качественного метода фокус-группы в изучении этнокультурных процессов помогло зафиксировать наличие четкой этнической идентичности у старшего поколения, сформированной в специфичной культурной среде: принадлежность человека к определенному этносу, отождествление себя с его представителями и культурой (традициями, ценностями, нормами, памятью), обособление от других этнокультурных групп. Человек, идентифицируя себя со своей этнической группой, реализует культурную память в этнической культуре. Этническая идентичность достигается на основе формирования определенного мировоззрения и определенной модели мироотношения – как с внешними, так и с внутренними факторами, обуславливающими его бытие. Молодое поколение, напротив, отождествляет себя с российской культурой. Социальное наследование молодежи отличается от этнического наследования: происходит этническая ассимиляция, но об этнокультурной консолидации говорить пока не приходится.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования заключается в том, что расширено понимание специфики механизмов формирования этничности, этнической идентичности, этнической самоидентификации мигрантов, определены факторы, влияющие на процессы их становления. Представлены значимые идеи, методологические возможности, которые раскрывают классические и современные концепции в контексте данной проблематики. Раскрыто содержание и специфика одного

из главных механизмов формирования самоидентификации мигрантов – культурной памяти. На основании теорий и исследований отечественных и зарубежных ученых определена специфика формирования культурной памяти и ее значение в процессе становления этнической самоидентификации мигрантов. Кроме того, результаты диссертационного исследования раскрывают возможности и эффективность применения метода фокус-групп в культурологических исследованиях, в частности, в исследованиях миграционных процессов. Теоретические положения данной исследовательской работы могут быть применены в преподавательской и научно-исследовательской деятельности, а также могут быть использованы при составлении учебных программ по теоретическим и прикладным дисциплинам.

Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы учеными в области социологии, культурологии, культурной антропологии, психологии, философии. Зафиксированные концептуальные и методологические аспекты формирования этнической идентичности мигрантов и значения культурной памяти в рамках данного процесса могут применяться в исследованиях, имеющих подобную проблематику.

Данная исследовательская работа способствует формированию интереса к изучению этничности, этнической самоидентификации, этнической идентичности мигрантов, миграционных процессов, процессов интеграции и адаптации, значения культурной памяти для этнической идентичности мигрантов в принимающем обществе. Кроме того, данное исследование может быть полезным при осуществлении государственной национальной политики, деятельности некоммерческих организаций для предотвращения мигрантофобии, ксенофобии, националистических настроений и анклавизации.

Апробация результатов исследования

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Результаты исследования обсуждались в докладах диссертанта в ходе работы международной научно-практической конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы» (2016 – 2017 гг.); круглого стола «Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Красноярского края: современное состояние, перспективы развития» в рамках Всероссийского учебно-научно-методического семинара «Теория и практика прикладных культурных исследований» (2017 г.), международной научной конференции SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts; 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences & Arts sgem.

Результаты диссертационного исследования опубликованы в виде статей, три из которых в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, таких как журнал Сибирского федерального университета серии «Гуманитарные науки», «Социодинамика», а также в журналах, индексируемых РИНЦ, в том числе в «Сибирском антропологическом журнале».

Структура и объем диссертации. Диссертация содержит введение, две главы, четыре параграфа, заключение, список используемой литературы, включающий 273 наименования.

1 Концептуальные и методологические подходы к исследованию этнической самоидентификации мигрантов

1.1 Понятие этнической самоидентификации

В первом параграфе представлен обзор научных исследований феноменов «этничности», «этнической идентичности» и «этнической самоидентификации». Хронологический период анализа теорий: от начала XX века, захватывая историю становления теории этнической идентичности до настоящего времени. Анализируются современные дефиниции этнической самоидентификации российских и зарубежных авторов, раскрывается их основная структура и содержание.

Проблема этнокультурных различий интересовала людей с древнейших времен. Первые идеи о различиях племен и народов с описанием их внешности, образа жизни и быта прослеживаются в трактатах Геродота, Гиппократа, Платона, Аристотеля и др.⁶⁸ Идеи, которые стали предпосылкой примордиализма в этнологии можно проследить в трудах Платона и Тацина. Культурное объяснение особенностей народов отражено у Демокрита и Лукреция.⁶⁹ Межэтнические различия связывались с причинами исключительно природного характера. К. Багрянородный⁷⁰ занимался описанием народов, проживающих по соседству с Византийской империей, и размышлял, как применить их особенности в интересах государства. Однако он не предполагал, что этнокультурная специфика динамична, может меняться под воздействием целенаправленной политической деятельности, что не остается без внимания среди современных исследователей, которые допускают конструирование этничности.

⁶⁸ Нехвядович Л. И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3.

⁶⁹ Токарев С. А. История зарубежной этнографии: учебн. пособие. М., 1978. 352 с.

⁷⁰ Багрянородный К. Об управлении империей. М., 1991.

Более серьезный интерес исследователей к этнической проблематике имел место с начала XX века. Феномен «этничность» имеет множество трактовок, единого определения этого понятия не существует, на что указывает в своей работе антрополог М. Бэнкс⁷¹. Он отмечает, что на протяжении многих лет этничность является в большей мере понятием социологии и антропологии, однако по-прежнему остается смутным его содержание, использование и взаимодействие с другими понятиями. Отечественный социолог Н.Г. Скворцов⁷² представил научному сообществу три парадигмы отражения этничности в современной этносоциологии:

- атрибутивная (этничность понимается как отражение культурных качеств группы, которые выступают базой для формирования общности);
- субъективно-символическая (этничность есть переживание человеком своей принадлежности к конкретной группе);
- интеракционная (этничность есть форма взаимодействия между этническими группами).

В. А. Тишков предлагает выделять некий набор характеристик, определяющий «этничность» и позволяющий обозначать общности этническими, приводит следующие характеристики:

- «представления членов группы об общем историческом и территориальном происхождении, общие характеристики духовной и материальной культуры, единый язык;
- политически сформированные представления о родине и определенных структурах, таких как, к примеру, государственность, считающихся частью понятия «народ»;
- ощущение отличия, т.е. осознание представителями этнической группы своей приобщенности к ней, и основанные на этом формы солидарности»⁷³.

⁷¹ Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London, 1996.

⁷² Скворцов Н. Г. Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты: автореф. дис. ... доктора соц. наук / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 1997. 42 с.

⁷³ Тишков В. А. Этнос или этничность? // Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 240

Необходимо различать понятия этничности и этнической идентичности, где первое – это социологическая категория, некие социальные маркеры, которые выступают инструментом дифференциации групп: географическое положение, физический облик, язык, культура, религия, хозяйственной специализация, кухня, одежда). Для индивида этнос является психологической общностью, а этническая идентичность является его характеристикой, поэтому в действительности отнесение индивидом себя к какой-либо этнической группе, далеко не всегда совпадает с общепринятой этничностью.

Теория этничности была выдвинута социологом Робертом Э. Парком в 1920-е гг. Согласно этой теории, раса, являясь социальной категорией, представляет собой лишь один из многих факторов в определении этнической принадлежности. Среди других критериев называют религию, язык, обычаи, национальность и политическую идентификацию. Эта теория была предшественником биологического эссенциализма, где доминирующей парадигмой является определение этнической принадлежности по признаку расы. Биологическому эссенциализму присуще убеждение, что белые европейские расы биологически превосходят другие не белые расы. Такая точка зрения возникла как способ оправдания рабства африканцев и геноцида коренных американцев в обществе⁷⁴.

Теория этничности была основана на модели ассимиляции, в которой Парк предлагает выделять четыре этапа: контакт, конфликт, приспособление и, собственно, ассимиляция. Вместо того чтобы объяснить маргинализированный статус цветных людей в Соединенных Штатах с присущей им биологической неполноценностью, он говорит, что это была несостоятельность ассимилироваться в американскую культуру, которая вела людей назад. Они могут быть равны до тех пор, пока не утратили свою культуру, которая была несовершенна по сравнению с белой культурой.

⁷⁴ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ethnic_group

М. Оми и Х. Уинант⁷⁵ в теории расового формирования рассматривают обе предпосылки и практики теории этничности. Они утверждают, что в расовом формировании этнической принадлежности Соединенных Штатов эта теория была основана исключительно на иммиграционных характеристиках белого этнического населения, при этом не учитывался уникальный опыт небелых в этой стране. Кроме того, эти различные стадии теории идентичностей в иммиграционном процессе - контакт, конфликт, борьба и ассимиляция – применялись только в отношении белых этнических групп. Парадигма этнического происхождения упускает из внимания вероятность того, что само использование самого понятия «раса» может осложнить социальные и основные взаимодействия сообщества с политическими структурами.

М. Вебер⁷⁶ утверждал, во-первых, что этнические группы представляют собой социальные конструкции, поскольку они основаны на субъективной вере в общее *Gemeinschaft* (сообщество). Во-вторых, эта вера в общее *Gemeinschaft* не создает группу, а группа создает веру. В-третьих, формирование групп происходит в результате стремления монополизировать власть и статус. Это противоречит господствующему натуралистическому убеждению того времени, согласно которому социально-культурные и поведенческие различия между людьми обусловлены наследственными признаками и тенденциями, приобретенными от общего происхождения, которые тогда назывались «расовыми».

Этнические группы не представляют собой изолированные друг от друга сообщества и не имеют иерархии. Ф. Барт делает акцент на взаимосвязанности этнической самобытности групп. Он пишет: «...категорические этнические различия не зависят от отсутствия мобильности, контактов и информации, а влекут за собой социальные процессы исключения и включения посредством дискретных категорий,

⁷⁵ Omi & Winant. 1986, p. 17.

⁷⁶ Banton Michael. Weber on Ethnic Communities: A critique // Nations and Nationalism 13 (1), 2007. P. 19–35.

которые сохраняются, несмотря на меняющиеся участие и членство в процессе индивидуальной истории жизни»⁷⁷.

Научными исследованиями проблем этнической идентичности занимались такие зарубежные и отечественные ученые как Дж. Бэрри⁷⁸, Дж. Де-Вос⁷⁹, П. Найт⁸⁰, К. Окампо⁸¹, М. Бернал⁸², Х. Тэйфель⁸³, В.Н. Павленко⁸⁴, С.В. Рыжова⁸⁵, Дж. Тернер⁸⁶, В.С. Собкин⁸⁷, Г.У. Солдатова⁸⁸, Ю. Чернявская⁸⁹, Т.Г. Стефаненко⁹⁰.

В социологии понятие этнической идентичности связывают с работами Э. Эриксона⁹¹, который трактовал идентичность как самоидентификацию, осознание целостности личности и наделял ее адаптивными функциями. Он рассматривал особенности проявлений идентичности в динамике, в условиях общественных трансформаций, в результате чего выявил взаимосвязь идентичности с социальной действительностью и функционированием культуры. Э. Эриксон объяснял идентичность с точки зрения интеграции всех предшествующих идентификаций и «Я-образов»⁹². Процесс становления идентичности представляет собой реструктуризацию прежних идентификаций в рамках смысловой перспективы предполагаемого будущего.

⁷⁷ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей. М., 2006. 200 с.

⁷⁸ Бэрри Дж. В. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков, 2007.

⁷⁹ Де-Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001.

⁸⁰ Bernal M. E. The development of ethnic identity in Mexican American children / *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 1990. Vol. 12. P. 3–24.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Павленко В. Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине. Этническая психология и общество. М., 1997. С. 88–97.

⁸⁵ Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011. 280 с.

⁸⁶ Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. Chicago, 1986.

⁸⁷ Собкина В. С. Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования. М., 1998. 270 с.

⁸⁸ Солдатова Г. У. Этническое самосознание и этническая идентичность // Этническая психология: история и методы. Социализация и идентичность. Общение и конфликты: хрестоматия. СПб, 2003. С. 189–196.

⁸⁹ Чернявская Ю. В. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. Минск, 2008. № 8. С. 198–226.

⁹⁰ Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. М., 2009. № 2. С. 3–17.

⁹¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М., 2006. 342 с.

⁹² Там же.

Согласно идеям Э. Фромма⁹³ идентичность формируется в процессе индивидуализации человека, реализуя потребность в самоидентификации, и предполагает творчество и свободу. О. Надлер⁹⁴ рассматривает идентичность как базовую потребность личности, альтернативой которой является дезорганизация и смерть.

М. Бернал, К. Окампо и П. Найт особое внимание уделили такому аспекту развития этнической идентичности как этническая константность (возникновение ощущения стабильности и устойчивости этнических особенностей у индивида). Согласно их концепции, этнические константы, укореняясь в сознании подростков, способствуют становлению этнической идентичности, а также процессу постепенного осмысления неизменности базовых психосоциальных особенностей.

Поскольку при рассмотрении феномена этнической идентичности, безусловно, речь ведется о самоидентификации человека, подходы к его изучению основываются на психологии или социологии. Исследователи выделяют три таких подхода: 1) психологический, где личность рассматривается в качестве носителя этнокультурной специфики, а этническая идентичность – как составляющая структуры личности и ее самоназвания; 2) социологический, в рамках которого основным объектом исследований является этническая группа, или общность, а этническая идентичность выступает одним из базовых феноменов этнического самосознания; 3) социально-психологический, где индивид определяется как представитель этнической группы, а этническая идентичность выступает компонентом идентичности социальной.

Основными параметрами этнической идентичности принято считать следующие:

– значимость (субъективную важность этнической идентичности для индивида);

⁹³ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 280–282.

⁹⁴ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 12 с.

- актуальность;
- валентность (этническая идентичность может быть позитивной или негативной).

Г.У. Солдатова⁹⁵ исследуя длительное время феномен межэтнической напряженности, указывает на одну из важнейших форм идентичности – этнокультурную идентичность. Она пишет: «Неудовлетворение этничности превращается в глубинную причину затяжных ситуаций межэтнической напряженности, агрессивности и насилия в отношениях между народами». Г.У. Солдатова предлагает различать три вида модификаций этнической идентичности: размывание (неопределенность) этнической идентичности; отчуждение от своей этнической группы (гипоидентичность: этнонигилизм); гиперболизация этнической идентичности (гиперидентичность: этнофанатизм, этноигоизм, этноизоляция).

Научные парадигмы в изучении этнической идентичности, нации и национализма Э. Смита

Современный британский этнолог Э. Смит⁹⁶ дает следующую трактовку понятия «этнос»: «это общность людей, имеющих имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающей чувством солидарности». Ученый предлагает рассматривать внешние и внутренние функции этнической идентичности. Внешние функции заключаются в том, что с помощью этнической идентичности очерчивается территориальное пространство этноса и легитимируются политические и экономические институты. Внутренние функции предполагают, что посредством этнической идентичности осуществляется процесс социализации (связь между индивидами, классами и этносом) и самоопределения.

⁹⁵ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 12 с.

⁹⁶ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 188.

Э. Смит, являясь сторонником междисциплинарного изучения национализма, выделяет такие научные парадигмы в изучении нации, национализма и этничности, как модернизм, примордиализм, перенниализм и этносимволизм⁹⁷.

В рамках концепции модернизма, нации и национализм понимаются как историческое явление, продукты Нового времени, связанные с развитием капитализма и усилением государств. Этническая принадлежность определяется современным государством, а символы этнической идентичности отвечают интересам элит, являются средством достижения групповых интересов, политической и экономической борьбы. Модернизм имеет ряд направлений, представители которых по-своему объясняют происхождение наций: социально-экономическое, социокультурное, политическое, идеологическое, конструктивистское.

Социально-экономический аспект модернизма связывает зарождение национализма и нации с социальными конфликтами, региональным неравенством (навязывание неразвитым местностям образцов развития центра) и последующим за ним этнонациональным конфликтом, возникновением индустриального капитализма. К этому направлению можно отнести М. Гектера и Т. Нэйрона, которые указывают на проблему изменчивости социально-экономического развития, неравномерной модернизации. Экономическое неравенство между разными этническими группами, воспринимаемое как коллективное угнетение, приводит к становлению этнической солидарности.

Социокультурная сторона модернизма предполагает, что национализм и нации являются производными образованности, транслируемой через высокую культуру. Среди представителей таких убеждений стоит выделить английского социолога и философа Э. Геллнера⁹⁸ с его концепцией «нациестроительства». Согласно его взглядам, нации являются продуктом

⁹⁷ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. 188 p.

⁹⁸ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

деятельности государства, а не просто результатом саморазвития. Ученый выделяет два идеальных типа обществ: аграрное, которое не склонно к национализму, и индустриальное общество, в котором только национализм может быть организующим началом. Индустриальное развитие формирует новые общества, «высокую» культуру, стандартизированное образование, духовные и культурные ценности. Всякая «высокая» культура имеет своей целью приобрести собственное государство, поскольку только оно способно защитить интересы нации. В широком смысле, национализм, по Э. Геллнеру, представляет собой «политический принцип, который рождается для образования нации, ее защиты и удовлетворения высокоразвитых чувств национального достоинства».

Политический аспект предполагает, что национализм является необходимым элементом государственного суверенитета. Э. Гидденс⁹⁹ пишет о глобализации, как о тенденции, внутренне присущей модерну, которая осуществляет интенсификацию социальных отношений мирового масштаба. Глобализация связывает удаленные локальности, образует систему международных отношений между нациями-государствами. Э. Гидденс указывает на то, что идея государственного суверенитета является рефлексивной, то есть суверенитет над какой-либо территорией определяется признанием территориальных границ этого государства другими государствами. Е. Холмогоров¹⁰⁰ в рамках данной проблематики обращает внимание на тот факт, что если национальная идентичность отражает собой прошлое сообщества, то национализм есть настоящее, определяющее право на самоопределение и суверенитет, которые становятся некой политической программой с помощью конкретных действий, определяющей будущее нации и позволяющей обрести территориальную целостность.

Современные политические процессы глубоко противоречивы: с одной стороны, нации, требующие для себя политического суверенитета и

⁹⁹ Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge, 1990.

¹⁰⁰ Холмогоров Е. Русский националист. М., 2006. 432 с.

разделения границ, существуют до сих пор, но с другой – прослеживаются факты угасания национализма и процесса «нациестроительства», о чем свидетельствует наднациональный Европейский Союз. Согласно убеждению М. Манна¹⁰¹, национальный суверенитет зачастую был скован рамками капиталистического и культурного транснационализма.

Особое место в работах Э. Смита¹⁰² отведено этносимволической концепции. Этносимволизм формировался в условиях неприятия Э. Смитом взглядов конструктивистов, которых он обвиняет в модернизме, стремлении объяснить появление наций и национализма путем модернизации традиционных обществ. Модернизм не признает роли этнических и культурных связей в формировании современных наций, преемственности между национальными идентичностями.

Идеологический вариант модерна обращается к уникальным европейским корням националистической идеологии, ее квазирелигиозной основе и роли в формировании новых наций. Э. Геллнер полагает, что становление идеологии национализма происходило на фоне индустриализации, которая привела к существенным территориальным перемещениям. Поэтому идеология, построенная на родстве, не может эффективно осуществлять мобилизацию людей. Развитие промышленного производства требует формирования комфортных условий, способствующих взаимозаменяемости трудящихся, которые, в связи с этим, должны овладеть одинаковыми умениями.

Именно поэтому возникает необходимость в идеологии, способствующей внутренней связности индивидов. Такой идеологией стала идеология национализма, который имеет политическую эффективность и выражает интересы нации. Идеология национализма нацелена на восстановление и поддержание связи с прошлым, ощущения исторической непрерывности и целостности.

¹⁰¹ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах // Нации и национализм. М., 2002.

¹⁰² Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. 464 с.

Э. Смит определяет национализм как «идеологическое достижение и установление автономии, сплоченности и индивидуальности социальной группы, часть членов которой видит себя реальной или потенциальной нацией»¹⁰³. К. Янг называет национализмом политическую идеологию, в рамках которой нация определяется как «сформировавшееся сообщество, к которому люди испытывают чувство высшей преданности, и оценивающую легитимность политического режима с точки зрения его приверженности этому принципу»¹⁰⁴.

Этносимволизм Э. Смита включает в себя идеи теории идеальных типов М. Вебера, который предполагает формирование синтетических мыслительных конструкций, сочетающих в себе конкретные характеристики явлений действительности. Сформированный образ представляет собой идеализированную абстракцию, лишенную внутренних противоречий. Так, согласно Э. Смицу, нация является абстрактной идеей, но, вместе с тем, реально существующей общностью индивидов. Ученый выделил три идеальных типа национальных объединений:

- 1) «вертикальный» (возникновение аристократических и бюрократических коллективных идеалов и последующее распространение идеологии «этнического ядра» в массы);
- 2) «горизонтальный» (народная мобилизация под влиянием местной интеллигенции);
- 3) «смешанный» (наблюдается в сообществах, где значительный вес имеют колонисты-иммигранты).

В терминологии этносимволизма является отличительным понятие «этно», которое подчеркивает приоритет общности культуры над общностью биологического родства. Данный термин трактуется как самоопределившееся сообщество, имеющее самоназвание, миф об общем происхождении, общие воспоминания, элементы общей культуры (символы,

¹⁰³ Мельвил А. К. Категории политической науки : учебник. М., 2002. 564 с.

¹⁰⁴ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // В кн. Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. 115 с.

ценности, традиции, обычаи). Он введен в терминологию этносимволизма с целью сравнения современных наций и сообществ прошлого.

Формирование нации в рамках данной концепции представляется длительным процессом, в котором обретение самоназвания является первым и главным этапом. Для нации так же характерно территориальное самоопределение, складывающееся на месте родной земли.

Э. Смит помещает этносимволизм между конструктивизмом и перенниализмом, поскольку, по его мнению, нации зачастую являются продуктами Нового времени, однако в их основе лежит многовековая история. Положения теории этносимволизма схожи с идеями представителей примордиализма, но Э. Смит отказывается считать их тождественными. Принципиальное расхождение взглядов коренится в понимании мифологического оформления «этни». Ученый работает не с «реальными» этносами, а с культурными конструктами. Этническая преемственность при этом всегда является результатом переосмысления, реконструкции.

Другую концепцию происхождения наций, национализма и этничности Э. Смит обозначил неологизмом «перенниализм». Данная концепция не была принята научным сообществом, которое полагало, что перенниализм не вносит ничего нового в дискуссии о национализме. В начале можно было предположить, что идеи этого подхода противостоят «примордиализму и инструментализму», однако, в результате критики и самокритики обе стороны усовершенствовали свои убеждения. Э. Смит в рамках перенниализма заявляет, что нации и этнические сообщества не являются естественными феноменами, это такое же социальное явление, как и любое иное. Вместе с тем нации приписывается извечный характер, этнические объединения присущи всей писаной истории. Согласно перенниализму, нации возникали спонтанно, они не планировались и не конструировались. Нация представляет собой явление, существующее за пределами социальных связей, бытующее в природном мире, имеющее естественно-биологический (расовый) аспект.

Подходы к изучению этничности и этнической идентичности Д. Лейка и Д. Ротшильда

Иначе подходят к определению природы этничности и этнической идентичности исследователи Д. Лейк и Д. Ротшильд, выделяя три подхода: примордиализм, инструметализм и конструктивизм. Позиции отечественных и зарубежных ученых по отношению к данным подходам различны. В рамках первого подхода исследователи определяют этносы как действительно существующие биологически воспроизводящиеся группы, первичное органическое социальное образование, изначальная характеристика индивида. Это прослеживалось в работах Г. Айзеке, Э. Шилза¹⁰⁵, Э. Смита¹⁰⁶, П. Ван ден Берге¹⁰⁷, Дж. Гиртца¹⁰⁸ и др. В рамках примордиализма различают два основополагающих течения: социобиологическое и эволюционно-историческое. Сторонники социобиологического направления С.М. Широкогоров¹⁰⁹, Л.Н. Гумилев¹¹⁰, Ван ден Берг, А.Ю. Коркмазов¹¹¹, М.О. Мнацаканян¹¹² понимают этничность как изначальную существующую действительность, подчеркивая глубокую эффективную привязанность людей, «расширенную форму родственного отбора и связи»¹¹³. В качестве примера стоит отметить определение этноса с акцентом на его биологическую составляющую С.М. Широкогорова: «этнос – группа людей, говорящих на одном языке, принимающих свое общее происхождение,

¹⁰⁵ Shils E. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties: Some Particular Observations on the Relationships of Sociological Research and Theory // The British Journal of Sociology, 1957. Vol. 8, N. 2. P. 130–145.

¹⁰⁶ Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002.

¹⁰⁷ Van Den Berghe P. L. The ethnic phenomenon. Greenwood publishing Group, 1987. 318 p.

¹⁰⁸ Geertz C. Old societies and new states. The Quest for Modernity in Asia and Africa. Glencoe, IL, 1963. 310 p.

¹⁰⁹ Широкогоров С. М. Исследование основных принципов этнологии и этнографических явлений // Академия фундаментальных исследований: этнология. Владивосток, 2012. 138 с.

¹¹⁰ Гумилев Л. Н. Этнос – состояние или процесс? (Ландшафт и этнос: XXI) // Вестник ЛГУ, 1971. Т. 2, № 12. С. 86–95.

¹¹¹ Коркмазов А. Ю. Проблема этноса и этничности в науке: в поисках парадигмы // Сборник научных трудов. Ставрополь, 2004. Вып. 1 (11). Серия Гуманитарные науки.

¹¹² Мнацаканян М. О. Интеграл и национальная общность: новая этносоциологическая теория. М., 2001.

¹¹³ Арутюнян Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освещаемых традицией и отличаемых ею от таковых других»¹¹⁴.

Эволюционно-историческое направление подразумевает под этносом «социальные, а не биологические сообщества, глубинно связанные с социально-историческим контекстом»¹¹⁵. Главными сторонниками этого направления выступали И.Г. Гердер¹¹⁶, считающийся основателем направления, который понимал народ как общность, возникающую на основе единства «крови и почвы» и Ю.В. Бромлей¹¹⁷, рассматривавший этнос в узком и широком значении. В узком смысле этнос – «исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, имеющих общие, относительно стабильные черты культуры (в том числе язык), а также сознание своего отличия от других таких же совокупностей». Это определение соответствует понятию «национальность». В широком смысле этнос – этническая общность («этносоциальный организм»)¹¹⁸.

Еще одной составляющей примордиализма является так называемая информационная концепция этноса, которую развивали С.А. Арутюнов¹¹⁹, Н.Н. Чебоксаров, и А.А. Сусоколов¹²⁰. Основная идея данной концепции состоит в том, что этническая принадлежность человека является априорной данностью, ее невозможно навязать или создать искусственно. Этнос представляет собой неизменное объединение людей с неизменными признаками. Согласно концепции С.А. Арутюнова, в основе образования и самосохранения этносов лежат потоки коммуникационных и информационных связей, этнос близок виду у животных и стремится к расширенному воспроизводству. Вместе с тем возможно образование новых

¹¹⁴ Широкогоров С. М. Исследование основных принципов этнологии и этнографических явлений // Академия фундаментальных исследований: этнология. Владивосток, 2012. 138 с.

¹¹⁵ Арутюнян Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

¹¹⁶ Gerder I. G. Idei k istorii filosofii chelovechestva. M., 1977.

¹¹⁷ Бромлей Ю. А. Очерки теории этноса. М., 1983.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Арутюнов С. А. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы, 1972. Т. 2.

¹²⁰ Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М., 1990. Т. 20. С. 5–39.

этносов путем концентрации информационных связей в какой-либо неэтнической общности¹²¹.

Один из представителей примордиализма Ю.В. Арутюнян¹²² предложил рассматривать четыре так называемых «этнических источника», которые формируют этническое самосознание: «родовой» (объединяющий индивидов по роду и племени), «психологический» (объединяющим фактором являются духовные идеалы от религиозных до социальных), «социальный» (объединяющий социальными интересами) и «этнокультурный» (представлен культурными интересами, языком, спецификой обычаев и пр.). Также автор говорит о функции этноса как «информационного фильтра», возникающего в обществах переходного типа, когда прежняя система ценностей разрушается, а новая еще не сформировалась.

Российский социолог Л.М. Дробижева, которую относят к примордиалистам, является сторонником полипарадигмального подхода в изучении этнической идентичности. По мнению Л.М. Дробижевой, такой подход позволит «преодолеть ограниченность теорий, исходящих из жесткой детерминации представлений людей внешней средой, включить в изучение концепции символического интеракционизма, шире применять концепцию социальных ролей, в том числе элит, в итоге использовать эффект полипарадигмального подхода»¹²³. Кроме того, исследователь обращается к проблеме взаимодействия этнической, гражданской и государственной идентичности, которые в равной степени испытывают влияние государства и политических элит.

Сторонники инструменталистского подхода, возникшего в США в 70-х гг. XX века, занимались изучением не генетических или эмоциональных аспектов этнической идентичности, а роли этноса в культуре. В рамках

¹²¹ Арутюнян Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

¹²² Там же.

¹²³ Дробижева Л. М. Этническая идентичность: советское наследие и современные подходы / Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_024.html.

данного подхода этничность понимается как средство реализации каких-либо потребностей (политических, экономических, культурных, общественных). Для инструментализма характерно положение: «Раз этносы и этничность существуют, значит, они служат определенным целям и конкретным интересам человека, облегчая его жизнь в обществе»¹²⁴.

Представителями инструментализма являются западноевропейские ученые Г. Вулп, ю

Д. Белл¹²⁵, Н. Глезер¹²⁶, Д. Мойнихен¹²⁷, Дж. Дэ-Вос¹²⁸. С точки зрения инструменталистского подхода этническая идентичность является осознанным выбором индивида или группы людей, осуществленным для достижения каких-либо целей. Такое понимание этноса сформировалось в большей степени в рамках политологии и социологии и наиболее характерно для политологических исследований межэтнических отношений. В инструменталистских концепциях прослеживается ряд направлений, ориентированных на те или иные цели, субъекты и аспекты функционирования этносов: мобилиционистское, гедонистическое, ситуационистское, экономическое, элитарное и др. Обращаясь к проблеме межэтнических отношений и этнических конфликтов, Н. Глезер и Д. Мойнихен заявляют, что этничность является «более фундаментальным источником стратификации»¹²⁹, относительно классовой природы общества, а значит, этничность и этнический конфликт сейчас и в перспективе не утратят своей актуальности.

Конструктивизм возник в этнологии и культурной антропологии в конце 60-х гг. XX века, наибольшее распространение получил в США и иных эмигрантских странах (Канада, Австралия). Представители конструктивизма

¹²⁴ Садохин А. П. Этнология: учебн. для студ. высш. учебн. Заведений. М., 2000. 52 с.

¹²⁵ Bell D. Ethnicity and Social Change // Ethnicity. Theory and Experience. New York, 1989.

¹²⁶ Glazer N. Ethnicity: Theory and experience. Cambridge (Mass), 1975. 17 p.

¹²⁷ Тишков, В. А. Этнополитология: политические функции этничности // Учебник для вузов (Библиотека факультета политологии МГУ). М., 2011. 376 с.

¹²⁸ De Vos G. A. Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation // The Role of Ethnicity in Social History. Ethnic identity, 1995.

¹²⁹ Тишков В. А. Этнополитология: политические функции этничности // Учебник для вузов (Библиотека факультета политологии МГУ). М., 2011. 376 с.

(Б. Андерсон¹³⁰, Э. Геллнер¹³¹, Э. Хобсбаум¹³², Дж. Армстронг¹³³, Р. Брубейкер¹³⁴, М. Бэнкс¹³⁵, Ф. Барт¹³⁶, К. Вердери¹³⁷, В. Тишков¹³⁸ и др.) уделяют особое внимание значению сознания и языка, как ключевого аспекта, посредством которого складывается понимание этнической отличительности. Этнос понимается как искусственно сформированное социальное явление, «процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории»¹³⁹. А. П. Садохин в рамках концепции конструктивизма определяет этнос как «общность людей, формирующаяся на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностями, с которыми она находится в фундаментальных связях»¹⁴⁰.

На заре исследований национализма Б. Андерсон сформулировал концепцию нации как «воображаемого сообщества». Для того, чтобы данный термин не был неправильно интерпретирован, Б. Андерсон дал ему следующее разъяснение: сообщества являются «воображаемыми», «поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности»¹⁴¹. Такие сообщества отличны от реальных по той причине, что не

¹³⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества // Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

¹³¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

¹³² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. М., 1998.

¹³³ Armstrong J. Nations before Nationalism // Chapel Hill, 1982. 411 p.

¹³⁴ Brubaker R. Ethnicity without groups. Harvard, 2004.

¹³⁵ Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London, 1996.

¹³⁶ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей. М., 2006. 200 с.

¹³⁷ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002. С. 297–307.

¹³⁸ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. 552 с.

¹³⁹ Садохин А. П. Основы этнологии. М., 2003.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991. 224 p.

могут быть основаны на повседневном личном общении. В сознании членов сообщества удерживается ментальный образ их сходства.

Ф. Барт¹⁴² предлагает основным признаком этничности считать способ определения этнических границ группы. Он полагает, что такие границы должны устанавливаться самой группой, игнорируя при этом культурное содержание внутри этих границ, поскольку культурные черты имеют очень изменчивый характер.

Б. Е. Винер¹⁴³ определяет этничность как социальное конструирование общностей, которое основывается на вере в общность происхождения, представлениях об общей культуре и о существовании биологических связей. Ученый занимается анализом постмодернизма в отечественной этнологии и трудов одного из представителей данного направления С.В. Соколовского¹⁴⁴. Б.Е. Винер указывает в работах С.В. Соколовского на «тезисы о том, что этнографические факты конструируются этнографами, существование этнических общностей выводится исследователями из научного дискурса, а также что этнические общности – явление сравнительно новое и в прошлом они не существовали»¹⁴⁵, и делает вывод, что «для С.В. Соколовского «этнические признаки» - это нечто иное, как элементы «этнических фреймов» и «архетипов», которые вложены в определенную группу (конфессиональную, расовую, культурную, территориальную, языковую, сословную, и т. д.). Между тем этнических общностей не существует, а за них принимают «языковые и культурные ареалы»¹⁴⁶.

В 2007 году идей конструктивизма стал придерживаться один из крупнейших идеологов российского патриотического лагеря С.Г. Кара-

¹⁴² Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей. М., 2006. 200 с.

¹⁴³ Винер Б. Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3. С. 119–145.

¹⁴⁴ Соколовский С. В. Современные концепции этнической идентификации и проблемы атрибуции археологических памятников // Этничность в археологии или археология этничности? Доклады Всероссийской конференции Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013.

¹⁴⁵ Винер Б. Е. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии, 2005 Т. 8, № 3.

¹⁴⁶ Там же.

Мурза¹⁴⁷, который объявляет себя сторонником «гражданского российского национализма», имеющего своей целью конструирование гражданской российской нации. С.Г. Кара-Мурза подчеркивает, что речь идет о традиционном национализме, продолжающем и развивающем советский национализм, не стирающем этнические границы между сообществами. Интеллигенции современной России необходимо создать и укоренить в сознании людей гражданский нелиберальный российский национализм.

Таким образом, идеи конструктивизма в целом подразумевают, что «порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство, и, формулируемые в его контексте представления и «доктрины», представляют собой интеллектуальный конструкт писателей, ученых, политиков»¹⁴⁸. Это значит, что этничность складывается под воздействием внешних факторов и представляет собой скорее субъективную конструкцию, а не объективную реальность. Исследователями особенно отмечается значение широко доступного образования и развитых СМИ для распространения такого интеллектуального конструкта. Представитель конструктивистского подхода В.А. Тишков, определяя этническую общность через тот же набор признаков, которые были выделены Ю.В. Бромлеем¹⁴⁹ (происхождение, историческая память, общее название, культура), полагает, что все это является «результатом особых усилий, особенно процесса нациестроительства»¹⁵⁰. В.А. Тишков отмечает, что «этническая ...принадлежность носит подвижный и чаще всего множественный и многоуровневый характер. ... Человек может на протяжении своей жизни менять свою этническую идентичность или делить ее между несколькими культурами»¹⁵¹. Определяя этничность как пространство представлений о культурных различиях, В.А. Тишков говорит о ней как о крайне размытом и трудно воспринимаемом образе.

¹⁴⁷ Кара-Мурза С. Г. Кто такие русские. М., 2011. 288 с.

¹⁴⁸ Арутюнян Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

¹⁴⁹ Бромлей Ю. А. Очерки теории этноса. М., 1983.

¹⁵⁰ Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М., 1996. 40 с.

¹⁵¹ Тишков В. А. Этнология и политика: Научная публицистика. М., 2001.

А.М. Юсуповский¹⁵² видит необходимость в интеграции подходов примордиализма и конструктивизма как взаимодополняющих. Ученый определяет нацию как сложноструктурированную самовоспроизводящуюся целостность, которая имеет свою динамику, циклический характер своего развития. Для понимания сложного процесса развития нации А.М. Юсуповский предлагает три уровня анализа¹⁵³:

1) Процесс воспроизводства нации как этнокультурной общности. Это сложный процесс воспроизводства этнической идентичности, менталитета, этоса, духовное освоение культурного наследия и актуализация его ценностей в соответствии с задачами времени. На данном уровне насущными проблемами являются проблемы ассимиляции, сохранения языка и идентичности;

2) Процесс воспроизводства нации как социального организма. Каждый социальный организм сложно структурирован, занимает определенное место в международном и региональном разделении труда, имеет определенный уровень развития. Проблемы этнического и социального уровней тесно связаны между собой в полиэтническом обществе: проблема дефицита рабочих мест, борьба за выгодные позиции в социально-профессиональной структуре, формирование национальных и этнических элит;

3) Процесс воспроизводства нации как этнополитического организма. Значимой составляющей в организации власти стала этническая принадлежность. Этническое сознание становится основополагающим при подборе кадров, формировании трудовых коллективов (этническая, клановая, земляческая солидарность).

А.М. Юсуповский призывает различать «естественную» этничность, формирующуюся в результате этногенеза и «вторичную», индуцированную политикой.

¹⁵² Юсуповский А. М. От национального кризиса к национальному созреванию: в поисках адекватной модели // *Общественные науки и современность*, 1994. № 5. С. 102–112.

¹⁵³ Там же. С. 103–106.

Стоит отметить, что некоторые ученые современности различают лишь два основополагающих подхода к рассмотрению природы этничности, которые являются противоположными: примордиализм и конструктивизм. Среди отечественных ученых это Н.П. Копцева¹⁵⁴ и Н.Н. Середкина, которые дополнили существующие социально-философские и социально-антропологические практики систематизированными данными о культурно-семиотическом характере этничности и этнической картины мира, предприняли попытку решения проблем конструирования позитивной идентичности этнокультурных групп посредством искусства в условиях поликультурного общества.

К.В. Резникова¹⁵⁵ дает оценку перспективности социального конструктивизма в рамках этнических исследований, потому как большинство современных ученых исследуют этнос как конструкт. Автор проводит критический анализ современной научной литературы, поддерживая те направления, которые связаны с использованием теоретического и методологического подхода в рамках социального конструктивизма.

В современном мире проблема этничности остается актуальной темой для научных обсуждений как зарубежных, так и отечественных этнологов, социологов, социальных антропологов, философов, культурологов, психологов, политологов. Сегодня в гуманитарных науках этническая самоидентификация исследуется различными отраслями знания, наблюдается увеличение количества исследований междисциплинарного характера, касающихся данного феномена.

¹⁵⁴ Копцева Н. П. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография. Красноярск, 2013. 183 с.

¹⁵⁵ Резникова К. В. Этничность как категория социального познания // Социодинамика. 2015. № 1. С. 101–111.

Современные концепции этнической идентичности

Т. Г. Стефаненко¹⁵⁶ представляет этническую идентичность как осознание своей принадлежности к определенной этнической группе и, одновременно с этим как переживание отделения от других этнокультурных групп. Этническая идентичность рассматривается как один из элементов социальной идентичности, выступает результатом «когнитивно-эмоционального процесса идентификации человека в социальном пространстве относительно других этносов. Это не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание своей принадлежности к этнической общности»¹⁵⁷.

В. Н. Павленко¹⁵⁸ выделяет когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие этнокультурной идентичности. Исследователь подчеркивает, что этнокультурная идентичность – это не только отнесение, осознание индивидом себя к конкретной этнической общности, это и «проживание» в качестве представителя этой общности, разделяя принятый в ней образ жизни.

Идею, связанную с этнической идентичностью как разновидностью социальной идентичности поддерживает и Л.Г. Почебут¹⁵⁹, который так же выделяет три вышеуказанных компонента этнокультурной идентичности, регулирующие поведение человека в собственной или другой этнической среде.

М.В. Зубачевский¹⁶⁰ определяет этническую самоидентификацию как «один из важнейших маркеров, позволяющих отделить один этнос от другого, определить значимость тех или иных культурных традиций и культурных смыслов, исторических и семиотических мотивов формирования этноса». Автор обращается к философскому осмыслению понятия

¹⁵⁶ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М., 1999.

¹⁵⁷ Стефаненко Т. Г. Поведенческий компонент этнической идентичности: за и против // Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества. Ярославль, 2003. С. 127–134.

¹⁵⁸ Павленко В. Н. Общая и прикладная этнопсихология. М., 2005.

¹⁵⁹ Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. СПб, 2012. 336 с.

¹⁶⁰ Зубачевский М. В. Этническая самоидентификация и ее объективация в культуре. Омск, 2010.

этнической самоидентификации как архетипа, анализируется понятие архетипа и определяются его черты. Так же исследователь классифицирует формы внешних проявлений этнической самоидентификации:

- рождение этнической идентичности;
- супранационализация (укрупнение) этнической идентичности;
- смена этнической идентичности;
- исчезновение этнической идентичности;
- упрочение (актуализация) текущей этнической идентичности.

А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева¹⁶¹ изучают различные характеристики этнической идентичности, представляют современные методики, направленные на изучение определенных этнопсихологических явлений. В связи с тем, что современная научная литература предлагает рассматривать этнокультурную идентичность как один из сегментов социальной идентичности или же как разновидность последней, вышеуказанные ученые выделяют основные подходы к анализу социальной идентичности и этничности. Они дополняют ряд ранее рассмотренных подходов (примордиализма, инструментализма и конструктивизма) психодинамическим, ситуационным и когнитивным подходом.

В психологии разработано несколько методов, выявляющих социальную и этническую идентичность. Одним из первых методов, который определяет идентичность личности, был тест под названием «Кто я?», разработанный американскими социологами и социальными психологами М. Куном и Т. Макпартлэндом¹⁶² в 1954 г.

Французский психолог С. Московичи сделал предположение о том, что сознание индивида формируется как идентификационная матрица, в основе которой лежит множество социальных идентичностей. Основываясь на его

¹⁶¹ Татарко А. Н. Методы этнической и кросс-культурной психологии: учеб.-метод. пособие // Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. М., 2011. 238 с.

¹⁶² Кун М. Эмпирическое исследование установки личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984.

идеях, Л.Г. Почебут¹⁶³ предлагает разделять социальные идентичности на следующие категории:

1. Объективные природные идентичности – «Я» - человек, возраст, пол.
2. Объективные социальные идентичности – национальность, культура, субкультура, профессия, религия, гражданство.
3. Субъективные идентичности – ролевые характеристики, самооценка личностных черт и достижений, «Я» - концепция и пр.¹⁶⁴

Современная этнопсихология, исследуя структуру этнокультурной идентичности и проводя параллели с социальной выделяет аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты. Среди ученых, придерживающихся этой идеи, стоит отметить Г.У. Солдатову¹⁶⁵, Л.М. Дробижеву¹⁶⁶, В.Н. Павленко¹⁶⁷ и С.А. Таглина¹⁶⁸. Л.М. Дробижева акцентирует внимание на следующие основополагающие компоненты этнокультурной идентичности: 1) осознание принадлежности к своей этнической группе; 2) осознание интересов своего народа; 3) представление о культуре, языке и территории.

А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева задают компонентам этнокультурной идентичности такие параметры как валентность и определенность, где валентность является знаком эмоциональной окрашенности аффективного компонента, а определенность – степенью осознания своей причастности к этнической группе, полнотой знаний и представлений о культурных и психологических особенностях своей группы¹⁶⁹.

¹⁶³ Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. СПб., 2012. 336 с.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Солдатова Г. У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996. С. 296–366.

¹⁶⁶ Дробижева Л. М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. М., 1994. С. 16–47.

¹⁶⁷ Павленко В. Н. Общая и прикладная этнопсихология. М., 2005.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Татарко А. Н. Методы этнической и кросс-культурной психологии: учеб.-метод. пособие // Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. М., 2011. 238 с.

А.В. Кистова¹⁷⁰ в русле своих исследований рассматривает этнографический подход как эффективную методологическую стратегию для современных междисциплинарных социально-философских исследований процессов конструирования этнокультурной идентичности, в частности на материале произведений изобразительного искусства, которые могут отображать базовые культурные смыслы и формировать их понимание у зрителей.

Н.Н. Пименова¹⁷¹, изучая разные подходы к трактовке понятия «этничность», проводит критический анализ концепции П. Штомпки и применяет данную концепцию для изучения современной ситуации коренных малочисленных народов. На основе своего исследования автор делает вывод о разнородности сегодняшних этносообществ, что говорит о сложности этнокультуры в рамках этих внутренних социальных групп, «о длительно переживаемой этими народами культурной травме и применении разных способов с целью справиться с ней». Исследователь полагает, что данные сообщества находятся в процессе «реконструкции, конструирования собственной этничности».

Современные ученые выделяют различные формы этнической идентичности в современном социуме. Так, Т.В. Душина, И.С. Бакланов и О.А. Микеева¹⁷² в своей совместной статье, посвященной феномену этнической идентичности в контексте социально-гуманитарного знания, описывают:

– полную и частичную этническую идентичность (человек осознает себя представителем двух и более этносов);

– непосредственную и опосредованную идентичность (опосредованная идентификация связана с самоидентификацией с определенным этносом

¹⁷⁰ Кистова А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореф. Дис. ... канд. филос. Наук : 09.00.11. Красноярск, 2013. 22 с.

¹⁷¹ Пименова Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки // Социодинамика. 2016. № 3. С.37–45.

¹⁷² Бакланов И. С. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Науч. эл. библиотека Elibrary / Человек в поисках идентичности. 2010. Т. 4. С. 396–408.

посредством включения индивида или группы людей в разнообразные этнические общности, которые могут иметь сложную иерархию);

– этническую идентичность личности и этническую идентичность группы. Личностная идентичность связана с качественными особенностями индивида (психологическими категориями), а групповая объясняется социальными категориями и анализируется на основе этнических групп, к которым относится индивид.

А. П. Садохин предлагает различать семь основных типов этнической идентичности¹⁷³:

1. *Нормальная идентичность* является основополагающим типом для большинства наций и по своей природе не является конфликтогенной. Основой такой идентичности является положительное восприятие образа своего этноса и благосклонное отношение к его историческому и культурному прошлому.

2. *Этноцентрическая идентичность* представляет собой не критическое предпочтение какой-либо этнической группы и идентификацию с ней. Характерна замкнутость, некоммуникабельность, этнонационализм, однако, в целом, это не сопровождается изоляционизмом.

3. *Этнодоминирующая идентичность*. Этническая идентичность является более приемлемой по сравнению с другими видами идентичности (семейной, гражданской, профессиональной и др.). Принадлежность к определенной этнической группе становится для индивида главной ценностью.

4. *Этнический фанатизм* является наиболее агрессивной формой этнической идентичности, для которой характерно полное преобладание этнических интересов и целей, готовностью идти на любые жертвы для удовлетворения этих интересов и достижения целей.

¹⁷³ Садохин А. П. Этнология. М., 2006. С. 154–155.

5. *Этническая индифферентность*. При такой форме идентичности индивид фактически равнодушен к интересам и ценностям своей этнической группы, к проблемам собственной этничности и межэтнического взаимодействия. В этом случае, этническое перестает быть инструментом развития политического процесса. Вместе с тем, исчезает и конфликтогенный потенциал такой идентичности.

6. *Этнонигилизм* подразумевает отрицание этничности, этнических и этнокультурных ценностей. Г.И. Козырев¹⁷⁴ видит причину существования такой формы идентичности в осознании индивидом низкого статуса своей этнической общности, признании ее неравноценной по отношению к другим. Ю. П. Платонов¹⁷⁵ дает иную характеристику этнонигилизму, именуя его «трансэтнизмом»: индивид не причисляет себя ни к одному этносу потому, что относит себя ко всему человечеству, представляя себя субъектом мирового сообщества.

7. *Амбивалентная идентичность* зачастую проявляется как латентная, явно невыраженная этническая идентичность. Характерно равноценное отношение к нескольким этносам и желание одновременно находиться в разных культурных сферах.

М.К. Идальго и Б. Хернандез¹⁷⁶ занимались изучением концептуальных и эмпирических вопросов привязанности к месту. Одним из ограничений в изучении привязанности к месту было ограничение пространственной области. Ученые указывают, что помимо некоторых исследований, анализирующих привязанность к дому, изучается разрыв с другими пространственными областями, то есть остается актуальным вопрос, до какой степени люди могут быть привязаны к другим пространственным категориям и является ли предел окрестности эффективным основополагающим этапом привязанности, как

¹⁷⁴ Козырев Г. И. Политическая конфликтология. М., 2008. 155 с.

¹⁷⁵ Платонов Ю. П. Основы этнической психологии. СПб., 2003. 222 с.

¹⁷⁶ Hidalgo M. C. Place attachment: conceptual and empirical questions // J. of Environmental Psychology. 2001. Vol. 21, Issue 3. P. 273–281.

предполагают многие исследования. С другой стороны, большинство исследований по привязанности к месту рассматривают места только как социальную среду. М.К. Идальго и Б. Хернандез нашли очень мало упоминаний о физическом измерении места при описании этого понятия, а также о введении его в действие. В своем исследовании ученые изучили привязанность к месту в трех пространственных областях (дом, район и город) и двух измерениях (социального и физического). Был проведен опрос 177 человек из разных районов Санта-Крус-де-Тенерифе (Испания). Результаты показали, что привязанность к месту развивается в разной степени в пределах различных пространственных областей и измерений. Среди результатов ученые подчеркивают следующие положения: 1) привязанность к месту является самой слабой; 2) социальная привязанность больше, чем физическая; 3) степень привязанности зависит от возраста и пола.

С. Роккас и Мэрилинн Б. Брюэмир¹⁷⁷ вводят понятие сложной социальной идентичности – новой теоретической концепции, которая относится к субъективному представлению индивидом о взаимосвязях своих множественных групповых идентичностей. Сложность социальной идентичности отражается в степени осознания существования между группами, представителем которых индивид является одновременно. Когда совпадение с множественными группами максимально осознается, индивид сохраняет сравнительно упрощенную структуру идентичности, посредством которой представители различных групп сближаются единой внутригрупповой идентификацией. Когда человек признает и принимает, что членство в нескольких группах не является вполне сходным или параллельным, объединенная структура идентичности становится более содержательной и более комплексной. Результаты исследования подтверждают предположения относительно сложности социальной

¹⁷⁷ Roccas S. M. Social Identity Complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6, Issue 2. P. 88–106.

идентичности, которая вызывается напряженностью и связана с ценностными приоритетами и толерантностью членов чужой группы.

М. Веркойтен¹⁷⁸, следуя теории социальной идентичности, выдвинул гипотезу о том, что представители групп меньшинств чаще, чем представители доминирующих групп поддерживают мультикультурализм и реже – идеологию ассимиляции. Кроме того, гипотеза мультикультурализма предполагает, что чем больше групп меньшинств поддерживают идеологию мультикультурализма (или ассимиляционизма), тем больше (или меньше), вероятно, они будут идентифицировать себя со своей этнической группой и демонстрировать положительную оценку деятельности группы. И напротив, чем больше представителей доминирующих групп поддерживают мультикультурализм (или ассимиляционизм), тем меньше (или больше), вероятно, они будут идентифицировать себя со своей этнической группой и представлять отрицательную оценку группы. Результаты четырех исследований (корреляционные и экспериментальные) подтверждают эту гипотезу среди голландских и турецких участников, проживающих в Нидерландах.

Т. Постмес¹⁷⁹ изучает вопросы формирования идентичности в небольших группах и социальных движениях, предпринимает попытки выявить принципиальные различия между группами, в которых индивидуальность оказывается более или менее явной. Ученый исследует теорию самокатегоризации и ее способность оценивать похожие явления в малых и больших группах. Кроме того, автор обращается к вопросу о том, как социальные и личные идентичности формируются за счет взаимодействия, и что они означают.

¹⁷⁸ Verkuyten M. Ethnic Group Identification and Group Evaluation Among Minority and Majority Groups: Testing the Multiculturalism Hypothesis // J. of Personality and Social Psychology. 2005. Vol. 88 (1) P. 121–138.

¹⁷⁹ Postmes T. The dynamics of personal and social identity formation. T. Postmes, G. Baray, S. A. Haslam et al. // Individuality and the group: Advances in social identity. Thousand Oaks, CA, US, 2006. P. 215–236.

Современные исследования этнической идентичности

В последние 20 лет наблюдается возрастающее количество региональных исследований этнической самоидентификации, в рамках которых представляют наибольший интерес этнические меньшинства. Исследователи применяют различные методы для определения тех или иных аспектов этнической идентичности, изучения внешних и внутренних факторов, способствующих ее становлению и изменению, выявления взаимосвязи и взаимозависимости этнической, социальной, гражданской, конфессиональной и др. идентичностей. В большинстве случаев ученые осуществляют полевые исследования на отдаленных территориях, где проживают представители этнических меньшинств.

Д. Г. Бэтс¹⁸⁰ изучает влияние политики Болгарии на формирование этнической идентичности исламских меньшинств, в рамках которой с 1970-х этнические общности не имели никакого общественного голоса, организованной инфраструктуры, а так же было очень мало символов их общности и единой истории. Результаты исследования позволили выяснить, что за последние несколько лет меньшинства Болгарии стали свидетелями появления и расширения прав и возможностей этнического политического движения, подъем политизированной турецкой этничности, построение сознания национальной мусульманской общности. Д. Г. Бэтс изучает предпосылки и причины такого перехода от насильственной ассимиляции меньшинств к политизации этнической принадлежности.

О. Прието-Флорес¹⁸¹ предпринял попытки выяснить, как распределяются различные этнические группы на фоне возрастающей социальной мобильности и ассимиляции. Этот вопрос на протяжении многих десятилетий пытались разрешить социальные исследования: в

¹⁸⁰Bates D. G. What's in a name? Minorities, identity, and politics in Bulgaria // *Global Studies in Culture and Power*. 2010. V. 1, Issue 2-3. P. 201–225.

¹⁸¹Prieto-Flores Ò. Overcoming the odds: constricted ethnicity in middle-class Romà // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*. 2012. Vol. 19, Issue 2. P. 191–209.

США эта проблема была сформулирована как теория сегментированной ассимиляции, в Европе в отношении цыган всё еще существует предположение, что возрастающая мобильность неразрывно связана с потерей этнической идентичности по причине аккультурации. На основании проведенного интервью среди цыган из Испании, выяснилось, что существуют и другие обоснования мобильности, например, такие как, селективная аккультурация, которая существует как дополнение к полной аккультурации. Кроме того, наблюдаются некоторые символические различия в том, как живут цыгане среднего класса: меньшая часть из них придерживаются пределов этнически узких групп и получают значительную поддержку со стороны их членов; большинство цыган пребывают за пределами таких групп и испытывают сокращение этничности.

Ф. Мессье и Ж. Мишо¹⁸² анализируют социокультурную политику в северных горных районах Вьетнама, где наблюдается очень специфическое видение культуры, лежащее в основе проектов модернизации телевидения Вьетнама. С целью сохранения культурного наследия этнических меньшинств осуществляется организация кинопоказов через СМИ для отдаленных деревень, иллюстрирующих традиции меньшинств, предназначенных для воспитания и информирования представителей этнических групп. Предполагается, что это позволит ослабить сопротивление данных групп к поддержанию своей этнической идентичности и исключить маргинализацию. Во Вьетнаме осуществлением такой политики занимается Министерство культуры, спорта и туризма и телевидение.

Д. Нэйджел¹⁸³ анализирует изменение идентичностей и культур в контексте глобального изменения климата. Он пишет о том, что

¹⁸² Messier P. The nice culture and the good behaviour' state media and ethnic minorities in Lào Cai province, Vietnam // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2012. Vol. 19, Issue 3. P. 339–359.

¹⁸³ Nagel J. Intersecting identities and global climate change // J. Identities. Global Studies in Culture and Power, 2012. Vol. 19, Issue 4. P. 467–476.

существует растущий международный научно-политический консенсус: изменение климата представляет собой один из самых современных вызовов человеческой цивилизации. Такое явление оказывает огромное влияние на социальные процессы, для понимания которых решающее значение имеют идентичности и культуры, основанные на признаках расы, пола, классовой принадлежности, сексуальной ориентации и национализма. Д. Нэйджел указывает на то, что изменение климата воздействует на всех не одинаково, вследствие чего, формируются более уязвимые и доминирующие общности.

Ф. Бекхофер и Д. Маккроун¹⁸⁴ занимались изучением идентичности, языка и происхождения людей горной местности Шотландии. Исследователей интересовали вопросы, как шотландские кельты связаны с гаэльским языком (являются ли гаэльскоговорящими) и культурой, как гаэльская идентичность относится к их британской и шотландской идентичности. Кроме, того с помощью интервью, ученые пытались выяснить, как люди толкуют свою собственную территориальную идентичность с точки зрения жизни шотландского кельта/ британца/ шотландца и как они оценивают предполагаемые требования других к идентичности с точки зрения маркеров идентичности.

Мария-Кармен Пэнти¹⁸⁵ занималась исследованием отношения цыганских молодых людей к собственной этничности. Автор отмечает, что цыганская этничность является одной из самых стигматизированных идентичностей современной Европы. В результате исследования Марии-Кармен Пэнти (проведение интервью с молодыми людьми из Румынии, имеющими высшее образование), с одной стороны, выявлена тенденция молодых людей двигаться в концептуальном пространстве, где доминирует понимание этничности как ограниченной и статичной. С

¹⁸⁴ Bechhofer F. What makes a Gael? Identity, language and ancestry in the Scottish Gàidhealtachd // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2014. V. 21, Issue 2. P. 113–133.

¹⁸⁵ Pantea M.-C. On pride, shame, passing and avoidance: an inquiry into Roma young people's relationship with their ethnicity // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2014. Vol. 21, Issue 5. P. 604–622.

другой стороны, исследование зафиксировало появляющуюся тенденцию к гибким, изменяющимся идентификациям, охватывающую более сложное понимание социальной динамики. Молодые люди сталкиваются с проблемой сложного восприятия их самобытности окружающим обществом. Исследователь указывает на такие понятия как «циганская гордость», чувство стыда и «выхода», которые характерны для цыганской идентичности.

М. Хоуэр¹⁸⁶ изучает модификацию идентичности и ее пересекающиеся категории в Чьяпас и Северной Ирландии в периоды этнонациональных конфликтов. Исследователь также указывает на то, что этнонациональные и классовые границы пересекаются с гендерными процессами идентичности. Так, например, во время этнонационального конфликта происходит формирование женской солидарности на основе общих гендерных интересов.

В области европейской идентичности до недавнего времени большинство исследований были направлены на изучение доминирующих групп. Однако последние десятилетия показали высокую активность исследователей в отношении меньшинств. Так, Н. Вэхтер проводит ряд исследований, связанных с формированием европейской идентичности у этнических меньшинств. Н. Вэхтер проведены качественные глубинные интервью с тремя поколениями представителей этнических меньшинств Центральной и Восточной Европы, в результате которых удалось выяснить, что молодое поколение, опираясь на положительный личный опыт и предполагаемые выгоды от Евросоюза, имеют более позитивные образы и восприятие Европы, и, вместе с тем, чувство европейской идентичности. Со старшим поколением дело обстоит с точностью наоборот. Кроме того, были выявлены процессы становления этнической идентичности, специфичные для этих групп. Другое исследование Н.

¹⁸⁶ Hoewer M. Beyond the ethno-national divide: intersecting identity transformations during conflict // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2014. Vol. 21, Issue 5. P. 448–465.

Вэ́хтэр¹⁸⁷ направлено на изучение развития европейской идентичности среди трех групп в Литве: белорусов, поляков и русских. Обращается внимание на влияние инструментальных и культурных компонентов на построение этнической идентичности. Результаты качественных интервью показали, что для всех групп значение имеют как инструментальные соображения (выгода быть европейцем), так и культурные (общая история, происхождение и культура). Еще одно качественное исследование Н. Вэхтер, проведенное совместно с Н. Чистяковой¹⁸⁸, касалось восьми национальных меньшинств между Балтикой и Дунаем. Исследователи изучили формирование европейской идентификации среди представителей групп меньшинств, представляющих «расщепленные нации» вдоль новых восточных границ расширенного ЕС. Исследование выявило механизмы формирования наднациональной идентификации, сосредоточив внимание на отношениях между субнациональной, национальной и европейской идентификациями для установления степени взаимосвязанности этих уровней идентификации. Эти отношения рассматриваются в контексте возможного влияния этнических конфликтов и ожиданий культурных и социально-экономических выгод от процесса европейской интеграции.

Ж.-Ф. Дюпре¹⁸⁹ изучает детерминанты культурного признания в этнически разнообразных демократиях, которые разделены на национальные идентичности, утверждая, что культурные идеологии политических партий не полностью предопределены их национальной позицией идентичности. Культурное признание является не только инструментом для построения национальной идентичности, но и способ

¹⁸⁷ Waechter N. Formation of European identity: ethnic minority groups in Central and Eastern Europe in generational perspective // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2016. Vol. 23, Issue 6. P. 686–704.

¹⁸⁸ Tchistiakova N. How national identification matters: the development of European identification among established ethnic minority groups // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2016. Vol. 23, Issue 6. P. 725–744.

¹⁸⁹ Dupré J-F. National identity politics and cultural recognition: the party system as context of choice // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2016. P. 1–18.

отражения приверженности националистическим программам этнических избирателей. Ж.-Ф. Дюпре говорит о доминирующих партиях, осуществляющих этнические стратегии, в результате которых определяются конкретные идеологии и формируются этнические группы. Структура голосования партийной системы закрепляет репертуар политически жизнеспособных культурных идеологий, доступных для политиков при формулировании содержания культурной самобытности, идеологий и режимов. По мнению исследователя, культурное признание представляет собой компромисс между культурами, продвигаемыми более радикальными политическими элитами и культурами этнических групп, подверженных идентификации с политической идеологией.

М. Ветштайн¹⁹⁰ изучает как идентичность, прежде всего этническая, проявляется и становится включенной в понимание того, что представляют собой люди сами по себе. Ученый рассматривает, как идентичность изменялась с течением времени, сравнивает ритуальные представления на рубеже прошлых веков с современными фестивалями на территории Нагаленда. Наблюдается увеличение роли идентичности в общественных перформативных событиях, которые выступают своеобразным механизмом, приближающим людей к понятию этнической идентичности. Подобные мероприятия позволяют индивидам прожить роль идентичности эмоционально, умственно и соматически, а также понять, почему со временем идентичности могут меняться. Среди нагов на протяжении долгого времени идентичность проявляется в материальной культуре, благодаря которой этническая идентичность эффективно вписывается в собственный образ и систему ценностей человека.

¹⁹⁰ Wettstein. M. How ethnic identity becomes real: the enactment of identity roles and the material manifestation of shifting identities among // J. Asian Ethnicity. 2016. Vol. 17, Issue 3. P. 384–399.

В. Чеботарь¹⁹¹, исследуя четыре типа идентичности (гражданскую, этническую, смешанную и распыленную), определяет, какие факторы влияют на принятие меньшинствами той или иной идентичности. Ученый провел исследование среди 12 групп этнических меньшинств Центральной и Восточной Европы, в результате которого выяснилось, что для большинства групп наиболее предпочтительна смешанная идентичность, а выбор идентичности зависит от процесса социализации, экономического статуса, восприятия дискриминации и межгрупповой напряженности, отражающих изменения в системе ценностей, общих для региона со сложной этнической динамикой.

С. Стаменова¹⁹² анализирует особенности процесса формирования этнической идентичности на Балканах в некотором сравнении с европейским строительством западной национальной идентичности. На Балканах формирование этнической идентичности служило целям политического проекта по созданию национального государства. Процесс национального строительства основывался на создании этнической идеологии, которая и определяет государственность. Этническая общность формируется по конкретным культурным признакам: язык, общая история, происхождение, фольклор и др. Такая ситуация на Балканах идет вразрез с процессом нациестроительства в западных государствах-нациях, где не было никакой необходимости распространения идеи этнической идентичности как основы национальной идентичности.

О. Веркейк¹⁹³ исследует, как этническое насилие способствовало становлению политической идентичности мухаджиров в синдских городах Пакистана: Карачи и Хайдарабад. Автор утверждает, что насилие

¹⁹¹ Cebotari V. Civic, ethnic, hybrid and atomised identities in Central and Eastern Europe // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2016. Vol. 23, Issue 6, 2016. P. 648–666.

¹⁹² Stamenova S. The specifics of Balkan ethnic identity construction: ethnicisation of localities // J. National Identities. Latest Articles. 2016. P. 1–22.

¹⁹³ Verkaaik. O. Violence and Ethnic Identity Politics in Karachi and Hyderabad // J. South Asia: Journal of South Asian Studies. 2016. Vol. 39, Issue 4. P. 841–854.

само по себе является двигателем этнической идентичности и этнической мобилизации и тесно связано с этнической политикой государства.

И.Р. Атнагулов¹⁹⁴ занимается изучением вопросов генезиса этнической идентичности и актуального функционирования всех исторически сложившихся эндо- и экзоэтнонимов нагайбаков – одной из групп тюркоязычного населения Южного Приуралья. По ряду причин, связанных с государственной деятельностью по структурированию населения, произошло изменение нагайбакской идентичности от конфессиональной (крещенные татары) и сословной (татары-казаки) до этнической (нагайбаки). Ученый утверждает, что эта ситуация является успешным примером того, как государственно-политический фактор воздействует на появление новых идентичностей. У данной группы выработалось собственное многоуровневое самосознание с географической, конфессиональной и этнической составляющей, которые отражены в системе этномаркирующих признаков феномена нагайбакской идентичности.

Помимо исследований этнической идентичности конкретных групп, существует множество исследований, посвященных регулированию межэтнических отношений в Российской Империи (С.А. Токарев¹⁹⁵, А.В. Ремнев¹⁹⁶, Н.Г. Суворова др.), позднее в СССР (М.В. Ноженко¹⁹⁷, Ю.Н. Ельченко¹⁹⁸, А.В. Шубин¹⁹⁹ и др.) и в России (А.В. Костина²⁰⁰, Т.М. Гудима²⁰¹, Е.А. Ерохина²⁰², Т.И. Нефедорова²⁰³ и др.). Как правило,

¹⁹⁴ Атнагулов И. Р. Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности). Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 1, № 44. С. 137–146.

¹⁹⁵ Токарев С. А. Общественный строй якутов. Якутское гос. изд-во, 1945.

¹⁹⁶ Ремнев А. В. Колонизация азиатской России: имперский и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: монография. Омск, 2013. 248с.

¹⁹⁷ Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб., 2007. С. 343.

¹⁹⁸ Ельченко Ю. Н. Новому человеку – новые обряды. М., 1976.

¹⁹⁹ Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг.: историческая литература. М., 2001. 766 с.

²⁰⁰ Костина, А. В. Особенности идентичности в границах этнической, национальной, массовой культуры // Информационный гуманитарный портал «Знание, понимание, умение» / Культурология. М., 2009. № 4.

²⁰¹ Костина А. В. Культурная политика современной России. Соотношение этнического и национального. М., 2010. Изд. 2. 240с.

²⁰² Ерохина Е.А. Этническое многообразие в социокультурной динамике России: дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2015. 451с.

интерес исследователей этнонациональной политики был обращен к различным «национальным окраинам» (вопросы управления среднеазиатскими владениями, народами Сибири и Дальнего Востока). Ученые изучают процессы интеграции народов в общероссийскую систему управления (Л.М. Дамешек²⁰⁴), влияние этнических, религиозных и иных факторов в становлении и развитии российского государства (Т.Ю. Красовицкая²⁰⁵, А.И. Миллер²⁰⁶), историю России в рамках теории «внутренней колонизации» (А. Эткинд²⁰⁷), проблемы миссионерства, полиэтничность русской нации и необходимость диалога национальной и этнической культур (Р.Ф. Туровский, А.В. Костина, Т.М. Гудима, Т.И. Нефедорова).

Таким образом, к проблемам этнической самоидентификации исследователи не остаются равнодушными и сегодня. На основе проведенного анализа научной литературы можно дать следующее определение понятию «этническая самоидентификация»: разновидность социальной самоидентификации, отличающаяся осознанием индивида себя представителем конкретной этнической группы, который имеет ясное представление о культурных и психологических особенностях собственной группы. Этническая самоидентификация предопределяет становление самосознания личности, идентификацию себя в отношении других индивидов. Она становится основополагающим фактором удовлетворения потребности людей в приобщенности, укорененности в общности, системе ориентаций. В сфере культурологии и этнографии она может быть рассмотрена как один из культурно- и личностнообразующих факторов,

²⁰³ Нефёдова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003.

²⁰⁴ Дамешек Л. М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII - начала XX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII-XX вв.: сб. материалов Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2003. 91 с.

²⁰⁵ Красовицкая Т. Ю. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. 448 с.

²⁰⁶ Там же. Глава 3.

²⁰⁷ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. 448 с.

позволяющих в большей мере осмыслить сущность индивида (мигранта). Современные исследователи указывают на то, что в условиях процессов глобализации осознание человеком своей принадлежности к той или иной этнокультурной группе не есть явление самопроизвольное, оно в большей мере обусловлено общественными интересами и потребностями (политическими, экономическими и культурными). Таким образом, этническая идентичность испытывает посредственное или непосредственное влияние факторов глобального уровня.

1.2 Этническая самоидентификации мигрантов

Миграция населения на фоне современных процессов глобализации является объективной исторической реальностью. Открытость и демократичность общества определяют характер миграционных потоков. На сегодняшний день существует неоспоримое положение о том, что миграция стала одним из важнейших факторов общественного преобразования и развития на всех территориях мира. Вполне закономерно предыдущий век был назван «эрой миграции»²⁰⁸. Каждый человек является частью общества и, видоизменяясь в большом количестве модификаций, выступает точкой роста определенного общественного системно-структурного образования. Этноты, нации и народности представляют собой социокультурные локальности, в которых каждый испытывает ощущение со-бытия с культурными, социальными, религиозными и другими ценностями своей общности. В контексте данной проблематики крайне актуальным является вопрос самоидентификации мигрантов, поскольку этнические и культурные группы находятся в постоянной динамике. Исследователи, обращаясь к теме миграционных процессов, интересуются, прежде всего, вопросами сохранения этнической самоидентификации мигрантов, межкультурной адаптации и интеграции с новым социокультурным пространством, этнической толерантности, правосознания и маргинализации мигрантов.

Основополагающие теории в области миграционных процессов сложились преимущественно в XIX-XX вв. в демографии (Т.Д. Иванова²⁰⁹, В. Староверов²¹⁰, В.И. Переведенцев²¹¹), экономике (Е. Равенштайн²¹², М. Пайоре²¹³, А. Портес²¹⁴, С. Сассен²¹⁵), политике (Р. Румбо²¹⁶, Б. Юськив²¹⁷, Ф.

²⁰⁸ Castles S. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 2013. 401 p.

²⁰⁹ Иванова Т. Д. Эмиграция и иммиграция // Население России. Четвертый ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 155-158.

²¹⁰ Староверов В. Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975.

²¹¹ Переведенцев В. И. Миграция населения и демографическое будущее России (научно-аналитический доклад). М., 2003.

²¹² Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. Vol. 52. P. 241-301.

²¹³ Piore M. Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies. London, 1979. 217 p.

Дювель²¹⁸), социологии (М. Вебер²¹⁹, Г. Зиммель²²⁰, Т. Парсонс²²¹, П. Штомпка²²²). Они обозначили базовое содержание термина «миграция» как территориального перемещения индивидов, значительно изменяющего социальные условия как отдающей, так и принимающей стороны.

Позднее стали развиваться новые теоретические подходы, позволяющие объяснить причины миграций и многочисленные аспекты этого процесса. Увеличилась заинтересованность проблемами трудовой миграции, анализом ее социально-экономических и психологических последствий, к миграционной политике и другими вопросами миграции в контексте глобализации. Стоит отметить, что подходы к изучению миграционных процессов носят междисциплинарный характер, что обусловлено двумя прямо противоположными тенденциями – стремлением к самоидентификации и к интеграции, вливанию в духовно-ментальный мир другого народа. Нередко это вызывает сильные очаги социального напряжения.

Интерес к проблемам миграции, самоидентификации и интеграции мигрантов возрос у социологов (Л.В. Корель, Т.В. Юдина²²³, Д.С. Григорьев²²⁴, Л. Дробижева²²⁵), философов, культурологов и теоретиков

²¹⁴ Portes A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities // International Migration Review. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in the Making of Americans [Ed. by J. DeWind, C. Hirschman, P. Kasinitz]. Center for Migration Studies. 1997. Vol. 31, № 4. P. 799–825.

²¹⁵ Sassen S. The Mobility of Labor and Capital. A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge, 1988. 224 p.

²¹⁶ Portes A. Immigrant America. A Portrait (Third edition. Revised, Expanded and Updated). Berkeley, Los Angeles, London, 2006. P. 460.

²¹⁷ Юськів Б. Глобалізація і трудова міграція в Європі. Рівне, 2009. 479 с.

²¹⁸ Brettell C. Migration Theory: Talking Across Disciplines. New York, 2007. 304 p.

²¹⁹ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

²²⁰ Simmel G. Conflict and the Web of group affiliations. Glencoe, Ill., 1955.

²²¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 2004.

²²² Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.

²²³ Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102-109.

²²⁴ Григорьев Д. С. Влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки // Акмеология образования. Психология развития. Саратов, 2015. Т. 4, № 1 (13). С. 63–66.

²²⁵ Дробижева Л. М. Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.

искусства (Ю.С. Замараева²²⁶, А.В. Кистова²²⁷, А.А. Ситникова²²⁸, К.В. Резникова²²⁹, С.Н. Скоринов), экономистов (С.В. Рязанцев²³⁰, Н.И. Кожевникова²³¹, Л.Л. Рыбаковский²³², В.А. Ионцев²³³), этнографов (П.М. Полян²³⁴, В. Земсков²³⁵, М.И. Бережнова²³⁶), историков (Л.Н. Мазур²³⁷, М.М. Ибрагимов²³⁸), географов (Л.Б. Карачурина²³⁹, Ж.А. Зайончковская), психологов (А. Маслоу²⁴⁰, Дж. Берри²⁴¹, Н.М. Лебедева²⁴², А. Фарнхем, С. Бочнер²⁴³), лингвистов и специалистов по двуязычию (С. Гэл, И.И. Халеева²⁴⁴, З.В. Поливара²⁴⁵), специалистов по когнитивной и антропологической лингвистике (В. Баранова²⁴⁶, Э. Бенвенист²⁴⁷, В. Фон

²²⁶ Замараева Ю.С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры // Современные проблемы науки и образования. Красноярск, 2014. № 4.

²²⁷ Кистова А. В. Влияние этнических миграционных процессов на самоопределение коренных малочисленных народов Сибири (на примере этнической группы «Чулымцы») Тухтетского района Красноярского края // Современные проблемы науки и образования. Красноярск, 2015. № 1(1).

²²⁸ Ситникова А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессей, Суринда, Фарково, Носок, Караул) // Современные проблемы науки и образования. Красноярск, 2015. № 1-1.

²²⁹ Резникова К. В. Образ мигрантов в представлениях современных студентов (на материале анализа Красноярского края и Сибирского федерального университета) // Социодинамика. 2016. № 2. С. 77–88.

²³⁰ Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., 2007. 18 с.

²³¹ Рыбаковский Л. Л. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. М., 2010. 296 с.

²³² Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории) // РАН. Ин-т соц.-полит. исслед. М., 2003. 239 с.

²³³ Ионцев В. А. Международная миграция населения: Россия и современный мир. М., 2000. Вып. 5. 161 с.

²³⁴ Полян, П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

²³⁵ Земсков В. Спецпоселенцы (1930-1950-е гг.). Население России в 1920-1950-е годы. Численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. М., 1994. С. 145–194.

²³⁶ Бережнова М. И. Миграция как средство развития территорий: исторический пример Колымского края // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. 1888с.

²³⁷ Мазур Л. Н. Художественное кино и сельская миграция: источниковедческий анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 2(102).

²³⁸ Ибрагимов М. М. Миграционные процессы в России и на постсоветском пространстве. Саратов, 2001.

²³⁹ Карачурина Л. Б. Миграционные процессы // В кн.: Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. М., 2016. Вып. 37, Гл. 5.2. С. 320–332.

²⁴⁰ Maslow A. H. Motivation and Personality. New York, 1954.

²⁴¹ Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. Т. 4, № 3.

²⁴² Лебедева Н. М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 271–289.

²⁴³ Ward C. A. The psychology of culture shock. London, 2001. 367p.

²⁴⁴ Халеева И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995. С. 277–286.

²⁴⁵ Поливара З. В. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении: монография. М., 2013. 152 с.

²⁴⁶ Баранова В. Языковая социализация детей мигрантов // Журнальный клуб Интелпрос. Антропологический форум. 2012. №17.

²⁴⁷ Горнунга Б. В. Индоевропейское именное словообразование // Лингвистическое наследие XX века. М., 2004. Изд. 2-е. 264 с.

Гумбольдт²⁴⁸). Акцент на междисциплинарном характере исследований миграции делали М. Каслс, К. Бреттел²⁴⁹, Дж. Холлифилд²⁵⁰, Д. Мейсси²⁵¹.

В психологии миграций теоретически и эмпирически наиболее разработанной темой является проблема психологической адаптации мигрантов к другой культурной среде, интерес к которой возник в мировой науке в начале XX века. Начальное теоретическое развитие данная проблема получила в исследованиях, где процесс вхождения в новую культурную среду описывается такими понятиями как «аккультурация» и «культурный шок».

Первоначально термином «аккультурация» обозначали изменения на групповом уровне в результате длительного контакта между представителями разных культурных групп (Р. Редфилд, Р. Линтон, М. Херсковитц²⁵²). Позднее Т. Грейвс²⁵³ предлагает различать аккультурацию на индивидуальном (изменение психологии человека) и коллективном (изменение культуры группы) уровне. Такие изменения часто приводят к социальным и психологическим проблемам, обусловленным различием норм, ценностей, мировоззрения, верований и т.п., которые обозначаются в научном сообществе терминами «аккультурационный стресс» или «культурный шок».

Термин «культурный шок» был предложен научному сообществу американским антропологом К. Обергом²⁵⁴, который в 1960 году дал ему следующее определение – «это следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального

²⁴⁸ Гумбольдт В. Ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 156–180.

²⁴⁹ Brettell C. Migration Theory: Talking Across Disciplines. New York, 2007. 304 p.

²⁵⁰ Hollifield J. Migration, Trade and the Nation-State: The Myth of Globalization // Journal of International Law and Foreign Affairs, 1998. Vol. 3 (2). P. 595–636.

²⁵¹ Massey D. An Evaluation of International Migration Theory // The North American Case. Douglas Massey. Population and Development Review, 1994. № 20. P. 699–751.

²⁵² Redfield R. Memorandum on the Study of Acculturation // American Anthropologist, 1936. Vol. 38, Issue 1. P. 149–152.

²⁵³ Graves T. Psychological acculturation in a tri-ethnic community // South-Western Journal of Anthropology, 1967. Vol. 23. P. 337–350.

²⁵⁴ Oberg K. Practical Anthropology. New Mexico, 1960.

взаимодействия». Позднее и другие зарубежные и отечественные исследователи предпринимали попытки объяснить данный термин, причины появления «культурного шока», выявить факторы, влияющие на остроту «культурного шока», его симптоматику, фазы и способы преодоления, (Р. Уивер²⁵⁵, Ф. Бок²⁵⁶, К. Фурнем²⁵⁷, Р. Тафт²⁵⁸, Г. Триандис²⁵⁹, А.П. Садохин²⁶⁰, Т.Г. Стефаненко²⁶¹, И.Б. Игнатова²⁶² и др.).

В кросс-культурной психологии существует множество концепций, которые пытаются объяснить связь между миграцией и психическим здоровьем индивидов. В рамках изучения проблем психологической адаптации мигрантов наиболее значимой является концепция «стресса аккультурации» Дж. Берри²⁶³, которая отражает ситуацию конфликта, обусловленного невозможностью изменить поведенческий репертуар в пространстве новой культуры с желаемой легкостью. Дж. Берри полагал, что от того, какой аккультурационной стратегии придерживается мигрант, зависит сам межэтнический контакт. Процесс аккультурации несет в себе две основные проблемы: поддержание собственной культуры и участие в межкультурных контактах. В зависимости от вариантов решения данных вопросов выделяется четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация. Более ранние исследования Дж. Берри отражают, что наиболее приемлемой формой культурной адаптации является ассимиляция, то есть полное слияние с доминирующей культурой. Однако, исходя из поздних исследований, более

²⁵⁵ Культура и культурология / Культурный: Справочник. URL: http://www.artap.ru/cult/kultura_choc.htm.

²⁵⁶ Bock Ph. K. Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology. New York, 1970.

²⁵⁷ Питерова А. Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4.

²⁵⁸ Taft R. Coping with unfamiliar cultures // Studies in Cross-cultural Psychology. London, 1977. Vol. 1. P. 121–153.

²⁵⁹ Триандис Г. Культура и социальное поведение. М., 2007. 382 с.

²⁶⁰ Садохин А. П. Культурология. Теория культуры. М., 2004.

²⁶¹ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.

²⁶² Игнатова И. Б. Культурный шок и пути его преодоления иностранными студентами // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 4.

²⁶³ Berry J. W. Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation across national contexts // Journal of Adolescent Research. Mahwah, NJ, 2006. Vol. 24, № 6. P. 777–780.

адаптивной стратегией в поликультурном обществе является интеграция – обогащение, и культуры мигрантов, и культуры принимающего общества.

В научном сообществе межкультурная адаптация понимается как сложный процесс, при успешном завершении которого постигается соотнесение человеком себя с новой культурной средой, принимаются ее установки как свои собственные. Как правило, выделяют внутреннюю (психологическую) сторону адаптации и внешнюю (социокультурную), где первая выражается в чувстве удовлетворенности и полноты жизни, а вторая проявляется в участии индивида в социокультурной жизни принимающего общества.

Основываясь на положениях теории Дж. Берри и М. Плизента²⁶⁴ о психологическом характере этнической толерантности, Н.М. Лебедева²⁶⁵ делает вывод о том, что основой этнической толерантности является позитивная этническая идентичность. Позитивная этническая идентичность представляется как отнесение индивидом себя к определенному этносу на основании позитивной оценки его культуры, позволяющей укрепить этническое самосознание группы и сохранить ее в качестве составляющей единого этнокультурного организма. В дальнейших исследованиях, проведенных Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко²⁶⁶ наблюдается, что такие специфические признаки этнической идентичности, как позитивность (валентность) и четкость (выраженность) взаимосвязаны с критериями этнической толерантности, а такие признаки как негативность и амбивалентность – с критериями этнической интолерантности.

Т.В. Юдина²⁶⁷ занималась социологическим анализом миграционных процессов, где миграция понималась как процесс социального

²⁶⁴ Berry J. W. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, N.J., Wiley, 1984.

²⁶⁵ Лебедева Н. М. Психологические исследования этнической толерантности / Н.М. Лебедева, В.Ю. Хотинец. Екатеринбург, 2002.

²⁶⁶ Лебедева Н. М. Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М., 2002. С. 252–285.

²⁶⁷ Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.

взаимодействия населения, приобщенного к социально-географическому перемещению. Автор поддерживает социологические исследования в области миграционных процессов ввиду ряда достоинств: собственные категории и понятия, система методов и технологий исследования, изучение динамики модификаций объективных и субъективных сторон социальных отношений перемещающихся лиц в рамках своего и чужого социума.

В качестве яркого примера стоит отметить текущий проект Казанского федерального университета «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации». В рамках проекта исследуется способ формирования самобытной культуры «русских немцев», состоящей из отличных друг от друга «культуры принимающих сторон» и «домашней культуры». Предлагается исследовать группу русских немцев, начиная со второго поколения.

Особое внимание уделяется исследованиям *code-switching* или *code-mixing*, а также проявлениям заимствований в письменном языке (в рамках истории проводится на материале переписки русских немцев второго и последующих поколений) и в устных формах. Кроме того, обозначенные ранее взаимовлияния предлагается исследовать на основе имеющихся научных, биографических и автобиографических материалов.

Разработчики проекта предложили несколько экстралингвистических и культурных признаков интеграции (адаптации), на основе которых попытались определить, как формируется самоидентификация и самоопределение русских немцев, как осуществляется их самопрезентация, начиная со второго поколения после переселения.

Г.С. Солодова²⁶⁸ отмечает значимость этнической и конфессиональной самоидентификации мигрантов. Самоидентификацию человека автор определяет как «пластичную конструкцию, подверженную изменениям, корректировкам, в зависимости от коммуникативной среды». Другими

²⁶⁸ Солодова Г. С. Факторы поддержания этнокультурной идентичности мигрантов // Вести Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. Новосибирск, 2015. Т. 13, Вып. 2. С. 83–88.

словами, самоидентификация – это результат предыдущих, настоящих и будущих взаимодействий.

Обращаясь к материалам своего исследования, Г.С. Солодова отмечает, что мигранты, как никакая иная общность, наиболее часто стоят перед реальными ситуациями выбора идентичности. В различных обстоятельствах (профессиональные, публичные, семейные) может доминировать то или иное культурное самоопределение. Выбор идентичности может основываться как на рациональном, так и на эмоциональном решении. Кроме того, в ходе исследования удалось выяснить, что тип поселения не имеет выраженного влияния на самоидентификацию.

Известно, что фактором поддержания этнической идентичности, духовной преемственности со своим народом является сохранение языка, традиций, бытовой культуры, религиозной включенности. Именно на эти аспекты необходимо обращать особое внимание при исследовании самоидентичности. Еще одним аспектом при изучении самоидентичности является выявление связи между гражданством и самоидентификацией. В научной среде существуют предположения, что этническая самоидентификация будет проявляться в меньшей степени у тех, кто примет гражданство страны-реципиента. Эти предположения зачастую не опровергаются в ходе исследований, что вновь свидетельствует о некой подвижности этнической самоидентификации мигрантов – возможности расширения идентичности за счет погружения в иной культурный пласт.

Таким образом, у мигрантов может присутствовать целый набор социальных идентичностей (этническая, семейная, профессиональная и др.), выстроенных по иерархии.

Г.У. Солдатова²⁶⁹ занималась исследованием нарушений этнической идентичности у русских, которые в начале 90-х годов в силу исторических обстоятельств оказались за пределами своей исторической родины. Ученый отмечает, что «этническое самосознание людей, помимо своей воли

²⁶⁹ Солдатова Г. У. Нарушения этнической идентичности у русских мигрантов. М., 1994. № 3. С. 150–156.

оказавшихся за границей, находится в состоянии социокультурного шока». На основе анализа «автостереотипов» и «гетеростереотипов» русских были выделены четыре основных типа нарушений этнической идентификации:

1) Позитивная гиперидентификация с собственной (русской) этнической группой, зачастую переходящей в этноцентризм. Усматривается возрастание негативного аффективного заряда при оценке коренной национальности, за которым следует снижение этнической толерантности и повышение агрессивности. Такой тип наиболее присущ беженцам.

2) Негативная этническая самоидентификация и более высокая по сравнению с оценкой собственной этнической группы оценка другого этноса.

3) «Идентификационная спутанность» (неопределенность этнической самоидентификации и неопределенность в оценке коренной национальности). Подобный тип идентификации был описан Э. Эриксоном при обследовании американских индейцев, а также американцев²⁷⁰. Речь идет о тяжелом посттравматическом стрессе. «Идентификационная спутанность» может быть временной, а может длиться долго, приводя к деперсонализации.

4) Негативная самоидентификация и негативная оценка коренной национальности. Разворачивается на фоне осознания себя «гражданами второго сорта», снижения своего социального статуса и ощущения собственной неполноценности. Данный тип затрагивает более глубокие слои личности и ведет к образованию деструктивного комплекса в этническом самосознании.

В сборнике научных статей Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко²⁷¹ освещены результаты эмпирических исследований процессов межкультурного взаимодействия и аккультурации мигрантов в поликультурных регионах Центральной и Южной России, полученные с применением методики Д. Берри (проект – MIRIPS – Mutual Intercultural Relations In Plural Societies) в контексте российских территорий. Впервые

²⁷⁰ Ericson E. Childhood and society. New York, 1993.

²⁷¹ Лебедева Н. М. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей. М., 2009. 420 с.

проведено сопоставление аккультурационных ожиданий русских в регионах с высоким миграционным салдо: Москве, Ставрополье, Пензе. Изучены взаимосвязи выбора различных стратегий аккультурации трудовых мигрантов и показателей их психологического здоровья. На основании регрессивного анализа построены эмпирические модели взаимосвязи характеристик идентичности, интегральной угрозы и мультикультурной идеологии трудовых мигрантов и принимающего населения с их установками на стратегии межкультурного взаимодействия. Показана важнейшая роль культурных факторов в обеспечении успешной взаимной адаптации. Одним из таких факторов является сохранение позитивной культурной идентичности, которое способствует установкам этнической толерантности, равенства и готовности к интеграции с обеих сторон. Лучшей адаптации инокультурных мигрантов способствуют также выраженная гражданская идентичность, культурная, физическая и интегральная безопасность и мультикультурная идеология. Обеспечить позитивное воздействие этих факторов может идеология мультикультурализма, т.е. признание права каждого человека (и этноса) сохранять свою культурную самобытность.

Н.В. Усова провела параллель между особенностями идентичности и субъективным благополучием мигрантов. В результате опроса (коренных жителей России, мигрантов из России и мигрантов в Россию) были сделаны следующие выводы:

– независимо от условий проживания опрошенных просматривается кризис идентичности. У российских эмигрантов и иностранных мигрантов выше, чем у людей, проживающих в России, проявлено осмысление себя как субъекта собственности и как субъекта деятельности, а также полоролевая и этническая идентичность;

– граждане России, в свою очередь, больше сознают себя как субъекта общения, у них в большей степени развиты ролевые, статусные позиции, а также семейная идентичность;

– в условиях миграции происходит снижение значимости для субъективного благополучия одних видов идентификационных характеристик и повышение значимости других. Мигрант стремится адаптироваться в новых социокультурных условиях и поэтому определяет себя членом тех групп, где его адаптация проявляется максимальным образом. Поэтому для субъективного благополучия мигрантов существенную роль оказывают такие идентификационные характеристики как «я субъект деятельности», «я субъект общения», «я собственник»²⁷².

С.С. Кирилук обращается к проблеме маргинализации мигрантов, пребывающих в состоянии перехода из одной социокультурной среды в другую. Автор говорит о том, что пространственное перемещение, мобильность представляют собой безусловный фактор возникновения маргинальных ситуаций, в силу того, что мигрант всегда в какой-то степени социально, культурно и личностно дистанцирован от основного населения.

Вследствие этого формируется маргинальный тип личности, для которого характерны отстраненность, психологическая отчужденность, замкнутость, внутренняя противоречивость, то есть утрачивается самоидентификация, определенность социального статуса. «Человеку изначально присуще стремление к экзистенциальной безопасности – порядку, привычке, повторяемости и т.п. Степень травматизма зависит от глубины раскола с предыдущим порядком. Повреждающее действие длительной и интенсивной травмы на фоне низкого уровня адаптивных возможностей и кризиса экзистенции может вызвать социальную смерть личности с полной утратой ею самоидентичности, субъективности, свободы и ответственности»²⁷³.

²⁷² Усова Н. В. Особенности идентичности и субъективное благополучие мигрантов // Современные тенденции и проблемы психологической науки: материалы Всероссийской научной конференции. – Саратов. 2015. С. 141–145.

²⁷³ Кирилук С. Миграция как частный случай маргинальности (на примере Челябинской области 1991-2004гг.) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2005. Т. 10, № 1. С. 84–89.

Е.Ю. Новикова²⁷⁴ обращается к проблемам правосознания мигрантов. Ученый исследует систему правовой адаптации трудовых мигрантов из стран СНГ на территории России и значение этнического сознания в процессе формирования правовой культуры мигрантов. Е.Ю. Новикова избрала для своего исследования правосознания подход к формам социального сознания, сложившийся в гуманитарных и социальных науках. В структуре правосознания выделены три уровня: теоретическое и обыденное сознание, рациональный и ценностно-эмоциональный, психологический. Также принято выделять два элемента правосознания как форм отражения. Гносеологический элемент ориентирован на отражение объективной истины, соответствие правосознания объективным реалиям. Социологический элемент правосознания может не отвечать критерию истинности, но выполняет важную задачу социально-правовой регуляции в обществе.

Важнейшим фактором влияния этнокультурных ценностей на правосознание мигрантов является религия. Исследование данных разных ученых показывает, что религия имеет огромное значение не только в духовной, но и в социально-правовой и экономической жизни общества, воздействуя на механизмы реализации отношений между людьми.

Проблемами адаптации трудовых этно-мигрантов, разрабатываемыми в рамках теории этнической идентичности, занимались ученые «манчестерской школы» (А. Коэн, Д. Эпштайн, К. Митчел и др.), норвежской антропологической школы (Ф. Барт), а также российские этнографы (С.М. Широкогоров, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев).

Этническая идентичность трудовых мигрантов – это часть их социальной идентичности в системе принимающего общества (Э. Фромм, Э. Эрикссон, Р. Дженкинс, в российской социологии Л.М. Дробижева, Г.У. Солдатова, В.В. Коротеева и др.). Разработчики теории этнической идентичности уточнили такие важные для анализа адаптационно-

²⁷⁴ Новикова Е. Ю. Формирование правовой культуры у мигрантов: образовательный аспект // Право и образование. М., 2011. С. 90–99.

интегративного контекста этно-трудовых миграций понятия, как этноидентификация трудовых этно-мигрантов (категоризация), самопонимание трудовых этно-мигрантов (самоидентификация) и общность их существования (групповая принадлежность) (Р. Брубейкер и Ф. Купер).

Интерес также представляют работы Б. Андерсона, теория первичных этно-групп Ч. Кули и теория этнических ценностей Э. Шилза. Способность конструировать этнические сообщества в условиях иноэтнической среды, выявленная и описанная Б. Андерсоном позволяет толковать процессы воспроизводства этнических идентичностей трудовых этно-мигрантов в новых условиях быта.

Важную роль в этом играют первичные группы, с их интенсивной солидарностью (соседи, семья, группы сверстников) в систему которой вписываются трудовые мигранты.

Э. Шилз показал, что именно преданностью нормам и ценностям первичных групп следует объяснять многие примеры поведения. Ученый пришел к выводу, что люди, демонстрируя высокую степень приверженности идеалам малых групп, могут оставаться абсолютно равнодушными к целям и ценностям, объявляемым большими сообществами, такими как нация.

Ольга Брейнингер изучала модели самоидентификации и литературу российской диаспоры в современной Германии. Ей удалось выяснить, что наблюдается существенный разрыв между фактическим механизмом самоидентификации в этнокультурной группе и специфическим характером его проявления в иммигрантской литературе. Результаты интервью и опросы, проведенные Брейнингер в 2013 году среди русскоязычных иммигрантов в Германии показали, что многие из них связывают процесс самоопределения с тремя типами идентификации: отрицательной самоидентификацией, переключением между дискурсами «дома» и сохранением устойчивой линейной идентичности. Предполагается, что писатели, являющиеся мигрантами, придерживаются позиции, которую называют «гибридной», «мультикультурной» и т.п. Кроме того, говорить о

«русской» диаспоре в Германии не совсем закономерно, правильнее будет отметить, что это группа мигрантов различного этнического происхождения из постсоветского пространства, имеющих общий иммигрантский опыт и далеких от единства.

Оскар Хандлин писал: «Однажды я задумал написать историю иммиграции в Америку. Но вскоре я обнаружил, что иммиграция и есть история Америки»²⁷⁵. Отталкиваясь от этого факта, становится вполне закономерным, что исследователи уделяют особое внимание этнической самоидентификации мигрантов, обнаружив существенные перемены в ней от поколения к поколению. Современные ученые часто обращаются к статье американского историка Марка Ли Хансена «Проблема иммигрантов третьего поколения»²⁷⁶, вышедшей в свет в 1938 г. В статье фундаментальной идеей стало то, что этническая самоидентификация иммигрантов и их преемников изменяется от поколения к поколению. Такая динамика связывается с восприятием ситуации и пониманием своего места и значения в условиях страны проживания.

М. Хансен полагает, что вопрос иммигрантов не был решен, он просто перестал существовать. Люди, появившиеся на свет за пределами границ США, теряли статус иммигрантов и становились обычными жителями страны. Каждый из них, так или иначе, прошел свой путь адаптации к новым условиям, «американизировался» (что чаще всего означало примирение с обществом). Следовательно, не стало проблем, которые они с собой несли. Этот процесс может быть представлен как обычное развитие индивидов, но проблема остается по причине того, что в группу, считающуюся иммигрантской, продолжается приток выходцев из Европы.

Представители третьего поколения иммигрантов являются американцами по рождению, однако они гордятся успехами своих дедов и отцов, потому как все созданное прошлыми поколениями правомерно

²⁷⁵ Sollors W. Foreword: Theories of American Ethnicity. NYU Press, 1900. 501 p.

²⁷⁶ Hansen M. L. The Problem of the Third Generation Immigrant // Theories of Ethnicity: a Classical reader. New York, 1996. P. 202–215.

принадлежит им. Представители третьего поколения испытывают проблему сохранения интереса к собственному прошлому, а также с объяснением того, как общие усилия их предков были нацелены на создание благоприятных условий на территории их новой родины, той страны, где они живут. Как показала практика, внуки имеют желание помнить то, что дети хотят забыть. Это говорит об универсализме феномена внуков иммигрантов.

Владимир Наирны и Джошуа А. Фишмен²⁷⁷ поддерживают идеи М. Хансена, но вносят некоторые разъяснения, связывая «разрушение» этничности внуков иммигрантов с самим характером этничности, актуальным для каждого поколения. В то время как самоидентификация первого поколения иммигрантов определяется бытовой сферой, материальной и духовной культурой их родины, а также спецификой языка, самоидентификация представителей второго поколения связана с какими-либо фундаментальными составляющими духовной культуры их предков, идеями, выступающими культурными признаками. Третье поколение в свою очередь сознает себя просто американцами, но имеющими предков-представителей определенной этнокультурной группы. Внуки не чувствуют существенного давления маргинальности, коренной язык своих предков они изучают как иностранный.

В.А. Иванюшина²⁷⁸ обращается к изучению этнической самоидентификации подростков-мигрантов. На основе данных опросов и интервью иноэтнических школьников Московской области и Санкт-Петербурга выявлено четыре модели самоидентификации: моноэтническая, биэтническая, надэтническая и отказ от этнической принадлежности. Подростки основываются как на примордиалистских, так и на конструктивистских обоснованиях выбора идентичности. Отказ от самопрезентации в терминах этнической идентичности доказывает

²⁷⁷ Nahirny V. American Immigrant Groups: Identification and the Problem of Generations // Theories of Ethnicity: a Classical reader. New York, 1996. P. 266–280.

²⁷⁸ Иванюшина В. А. Этническая самоидентификация подростков-мигрантов / Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2016. Т. XIX, № 2. С. 113–127.

существование конфликта идентичностей. Подросток формирует свою идентичность на основании ресурсов, предоставляемых семьей (культурные практики, родной язык, история семьи) и школой (полиэтническая среда общения, русский язык). Определение идентичности, кроме того, зависит от положения этнической общности в принимающем сообществе.

Н.М. Преображенская²⁷⁹ провела анализ проблем идентификации мигрантов, в результате которого она отметила, что миграция затрудняет самоидентификацию людей: «перемещения людей в пространстве как бы «размешивают» их индивидуальность, ввиду чего часть переселенцев приобретает некую «неопределенную идентичность». Произведенный анализ позволил сделать исследователю ряд существенных выводов:

1) Значение этнической самоидентификации мигрантов проявляется ситуативно. Этническое самосознание групп и индивидов не актуализировано в контексте стабильных этнических отношений или в моноэтнической среде. Сознание своей этничности обычно выше у представителей недоминирующих групп. Миграция способствует складыванию психологически нестабильной ситуации (с учетом смены окружающей среды мигранта и сложных межэтнических отношений коренного населения к мигрантам) и ставит мигранта в неравные позиции по отношению к коренному населению. У мигранта возникает глубокая рефлексивная связь с собственной этнической группой, что позволяет вновь обрести личностную опору, эмоциональное равновесие.

2) Образование диаспор, с одной стороны, помогает мигрантам быстрее адаптироваться на новом месте, а с другой – может привести к этническим конфликтам.

3) Глобализация культуры меняет границы производства и воспроизводства национальных культур.

²⁷⁹ Преображенская Н. М. Миграция в условиях глобализации : автореф. Дис. ... канд. филос. н. : 09.00.11. М., 2007.

4) Приписываемая мигранту идентификация нередко является результатом политики СМИ.

5) Первостепенная роль этнической идентификации сегодня обусловлена не столько внутренними факторами (потребностью мигранта в подобном самоприписывании), сколько внешними условиями.

6) Миграционные перемещения способствуют возникновению неопределенности в этнической, территориальной и гражданской идентификации.

7) Миграционные перемещения ослабляют связь мигранта с конкретной территорией, государством, а также «разбавляют» национальное содержание.

8) Подлинное пребывание мигранта в своей культуре существует в сообщении с территорией происхождения культуры: пребывание же на другой территории вследствие миграции способно вызывать лишь симуляцию прежней культуры у мигранта под действием рефлексивных воспоминаний.

9) Трансграничные связи, образуемые информационными, экономическими и миграционными факторами, способствуют появлению принципиально новых моделей идентификаций, а подвижное сознание мигрантов готово их принять.

М. Слотман²⁸⁰ изучает этнические и религиозные идентификации среди иммигрантов второго поколения в Нидерландах. На основе анализа количественных данных он раскрывает многогранную связь между идентификацией и культурой среди второго поколения турецких и марокканских голландцев в Нидерландах. Некоторые примеры самоидентификации с условными категориями («турок» и «мусульманин»), по всей видимости, идут рука об руку с более сильными социокультурными ориентациями в повседневной жизни и более значимыми по сути; другие

²⁸⁰ Sloodman M. Substantive signifiers? Ethnic and religious identifications among second-generation immigrants in the Netherlands // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2016. Vol. 23, Issue 5. P. 572–590.

("марокканские") этого не делают. Эти данные указывают на различные социальные механизмы в формировании идентификаций с определенными маркерами идентичности и еще раз показывают, что этнические и религиозные идентификации не обязательно отражают культурную «инаковость», культурное и религиозное сохранение, а могут отражать практику самообновления. Ученый эмпирически и количественно показывает разнообразный и многогранный характер идентичности и призывает различать понятия «этничности как категории» и «этничности как содержания». М. Слотман указывает на то, что некоторые идентичности более существенны, содержательны, чем другие: идентификация с некоторыми категориями значительно отражает целостный набор конкретных социокультурных практик, в то время как идентификация с другими категориями этого не делает.

Жан С. Финни²⁸¹ совместно с другими учеными на основе существующей теории и исследований относительно этнической идентичности и иммиграции, а также их собственной эмпирической работы в четырех странах, принимающих иммигрантов, предлагают интеракционную модель для понимания психологических результатов иммиграции. В частности, взаимосвязь этнической и национальной идентичности и их роль в психологическом здоровье иммигрантов лучше всего можно понять, как взаимодействие между установками и характеристиками иммигрантов и ответами принимающего общества. Это взаимодействие моделируется специфическими обстоятельствами групп иммигрантов. Сильные стороны этнической и национальной идентичности меняются в зависимости от поддержки этнического сохранения и принуждения к ассимиляции. Большинство исследований показывают, что сочетание сильной этнической идентичности и сильной национальной идентичности способствует лучшей адаптации.

²⁸¹ Phinney J. S. Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective // J. of Social Issues, 2011. Vol. 57, Issue 3. P. 493–510.

А. Окени²⁸² изучал формирование этнической идентичности диаспор вдоль границы Центральной и Восточной Европы. Было проведено эмпирическое социологическое исследование (взаимодействие европейских, национальных и региональных идентичностей: нации между государствами вдоль новых восточных границ проекта Европейского союза), направленное на изучение различных аспектов принадлежности диаспор и их этнической и национальной идентичности на Восточной окраине Европы. А. Окени совместно с другими учеными провел опрос групп этнических меньшинств в восьми странах, расположенных вдоль границы Центральной и Восточной Европы. На примере этнических меньшинств, имеющих подобный этнический статус вдоль границы, продемонстрировано, как они борются за свой статус меньшинства в принимающей стране. Анализ реконструирует образ этнического меньшинства на уровне общества. Ученые моделируют личные и коллективные этнические идентичности как накопление знаний на основе когнитивных и аффективных компонентов, и проверяют их вместе с другими этническими диадами. Обращается внимание на то, как последующие поколения способны передавать картину этнической идентичности в семье, а также как практики использования языка и персональные сети играют важную роль в сохранении личностной этнической идентичности.

К. Р. Мэдсен²⁸³ занимался изучением миграционного опыта, этнической самоидентификации и феномена одиночества среди подростков в Дании. Целью данного исследования было выяснить связь между иммиграционным фоном подростков и этнической самоидентификацией. Результаты показали, что иммигранты (больше, чем потомки иммигрантов) имеют повышенный риск одиночества по сравнению с подростками датского происхождения. Этническая самоидентификация подростков играет существенную роль, но

²⁸² Örkény A. Constructing border ethnic identities along the frontier of Central and Eastern Europe // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2016. Vol. 23, Issue 6. P. 667–685.

²⁸³ Madsen K. R. Loneliness, immigration background and self-identified ethnicity: a nationally representative study of adolescents in Denmark // *J. of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 42, Issue 12. P. 1977–1995.

для иммигрантов и потомков по-разному: идентификация с датским большинством защищает от одиночества среди иммигрантов, тогда как идентификация с группой этнических меньшинств защищает от одиночества среди потомков.

М. Джон²⁸⁴ провела концептуальный анализ расы и этничности, относящийся к афро-карибским и кубинским иммигрантам, а также к их принятию и адаптации в США. Особое внимание уделено расовой и этнической самоидентификации в США, и тому, как определения расы становятся размытыми на национальном уровне и еще больше влияют на процесс ассимиляции. В исследовании используются классические и современные теории ассимиляции для изучения таких вопросов, как социальная мобильность, дискриминация и исключение среди иммигрантов из Карибского бассейна в пределах доминирующей культуры.

Б. Эрнандес²⁸⁵ изучает феномены привязанности к месту и идентификации места среди коренного и не коренного населения. Привязанность к месту – это эмоциональная связь, которая складывается у людей с определенными областями, где они предпочитают оставаться, и где они чувствуют себя комфортно и безопасно. Однако идентификация места определяется как компонент личной идентичности, процесс, с помощью которого через взаимодействие с местами люди описывают себя в терминах принадлежности к определенному месту. В большинстве исследований наблюдались положительные корреляции между этими переменными, которые поддерживали непрерывные взаимодействия в течение длительного временного периода. Б. Эрнандес провела два исследования, в которых сравнивала привязанность к месту и идентичность места на примере дифференциации по месту рождения и продолжительности проживания, а также по значимости этих связей в разных местах. Результаты первого

²⁸⁴ John M. From the Caribbean to the United States: transforming racial and ethnic self-identity // J. Migration and Development. 2016. Vol. 5, Issue 1. P. 149–162.

²⁸⁵ Hernández B. Place attachment and place identity in natives and non-natives. 2007. Vol. 27, Issue 4. P. 310–319.

исследования показали различия между интенсивностью привязанности и идентичностью в зависимости от места происхождения и места изучения. Второе исследование показало, что идентичность и привязанность, как правило, совпадают у местных жителей, в то время как люди из других мест дают более высокие оценки за привязанность, чем за идентичность. Результаты этих двух исследований позволили учесть, что привязанность к месту развивается до идентичности места, по крайней мере, в случае с иммигрантами. Оба исследования показывают, что связи сильнее с городом, чем с окрестностями, но привязанность и идентичность с островом сильнее, чем любой из них.

Ш. Круммель²⁸⁶ пишет о том, что хотя последние исследования в области миграции отражают все большее внимание к гендерным вопросам и к пересечению расы, пола и сексуальности, мало внимания уделялось эмоциональным и физическим реакциям женщин на миграцию в контексте более крупных структур сексизма, расизма и наследия колониализма. Ш. Круммель рассматривает некоторые литературные образы отношений женщин-мигранток с определенными местами происхождения и поселениями, как погруженные в структурные отношения неравной силы, так и переживаемые на непосредственном, психологическом и телесном уровне, имеющие основополагающее значение для меняющегося чувства женщин-мигрантов и идентичности. Я. Кинкейд в своем романе «Люси», Ц. Дангарембга в романе «Нервные состояния» и Д. Бранд в первых стихах своего тома «Ни один язык не нейтрален» отражают некоторые сложные пути, которыми миграция может повлиять на жизнь и личность женщин, тем самым дополняя и критикуя некоторые современные теории миграции и идентичности мигрантов.

²⁸⁶ Krummel S. Migrant women, place and identity in contemporary women's writing // J. Identities. Global Studies in Culture and Power, 2015. Vol. 22, Issue 6. P. 722–738.

Р. Раффета²⁸⁷ изучает опыт молодежи китайского происхождения в Прато (Италия). Несмотря на значительное социальное отчуждение, молодые китайцы развивают чувство принадлежности к Прато, создавая местные, транслокальные и транснациональные связи и взаимосвязи. Эти отношения способствуют созданию зачастую откровенно враждебной и многозначной местной реальности, в которой приходится уживаться. Главной целью исследования Р. Раффета и ее коллег было изучить пересечение между исследованиями миграции и молодежными исследованиями, чтобы концептуализировать работу и опыт идентичности и принадлежности как стратегический процесс, происходящий в локальных, трансляционных и транснациональных пространствах. Первые склонны сосредотачиваться на процессах формирования идентичности с этническим происхождением, отсюда и название «второе поколение». В противоположность этому последние, как правило, ориентированы на возрастную и поколенческую специфику практики принадлежности, которая может выходить за пределы этнической идентификации, поэтому основное внимание уделяется «молодежи».

Ученые утверждают, что объединение миграции и молодежных исследований путем усложнения представлений о доме и принимающей территории, мигрантах, местной идентичности и принадлежности помогает нам лучше понять, как молодые люди справляются с множественностью и мобильностью (а также расположением и застоем / неподвижностью). Для молодых людей, которые живут во времена исключительных возможностей и требований гибкости, принадлежность – это процесс построения связи и «размещения» себя, но, вместе с тем, требует усилий для того, чтобы «избежать опасности попасть в границы или ярлыки, которые препятствуют выражению личной воли и способностей»²⁸⁸. Иммигранты (в том числе

²⁸⁷ Raffaetà R. Chinese immigrant youth identities and belonging in Prato, Italy: exploring the intersections between migration and youth studies // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2016. Vol. 23, Issue 4. P. 422–437.

²⁸⁸ Colombo E. Children of Immigrants in a Globalized World: A Generational Experience. Basingstoke, 2012.

молодежь) применяют конкретные идентичности в конкретных контекстах, в зависимости от которых они являются более стратегическими. Вклад, предоставленный молодежными исследованиями, заключается в том, что сосредоточено внимание на генеративных отличительных практиках и процессах принадлежности молодежи, растущей в глобализованном и взаимосвязанном мире. Они превосходят границы этнической идентификации и изменяют ее, дают представление о все более сложной культурной работе, принадлежащей новому поколению, которое происходит между народами, но на отдельных территориях.

Так, Р. Раффета указывает на Н. Долби и Ф. Ризви, которые утверждают, что молодые люди иммигрантского происхождения сегодня уже не просто борются с переездом из одного места (дома) в другое (принимающая страна). Скорее, они обязаны развивать множественные и мобильные идентичности таким образом, что «само движение представляет собой новое пространство идентификации, принадлежности»²⁸⁹. Именно в многозвенности и в самом движении – через непрерывные физические, социальные и виртуальные процессы (и требования) мобильности – а не просто в статическом принятии или накоплении элементов, связанных с местами, из которых молодые люди перемещаются, развиваются новые формы принадлежности. Определенные места по-прежнему важны, поскольку они расположены в пространстве, из которого можно извлечь ресурсы для идентификации и принадлежности, об этом писал И. Гедалофа²⁹⁰.

Объединение молодежных исследований с исследованиями миграции позволило Р. Раффета и другим ученым остановиться на двух важных аспектах, которые, как правило, остаются скрытыми в исследованиях иммигрантской молодежи. Во-первых, значение глобальных культурных,

²⁸⁹ Dolby N. Introduction: Youth Mobility and Identity / N. Dolby, F. Rizvi // In Youth Moves: Identities and Education in Global Perspective. New York, 2008. Vol. 1–14.

²⁹⁰ Gedalof I. Interruption, Reproduction and Genealogies of «Staying Put» in Diaspora Space // Feminist Review 100. 2010. P. 72–87.

информационных и медийных потоков для способности молодых людей связывать себя по-новому с другими и выстраивать идентичность вне культур «домашней» и «принимающей» страны. Во-вторых, различия между поколениями, которые определяют способы, с помощью которых молодые люди сегодня могут формировать космополитическое «я» в особенности через объектив индивидуализации и риска. Кроме того, требование позднего модернизма, в соответствии с которым каждый человек несет ответственность за свой собственный жизненный путь, уделяет особое внимание молодежи иммигрантского происхождения. Такие молодые люди должны держать свои связи и возможности открытыми, видеть возможности в многочисленных вещах и стратегически использовать культурную самобытность, противостоять привязанности к какой-либо одной идентификации.

К. Ноулз²⁹¹ рассматривает взаимосвязь таких явлений как миграция, этническая принадлежность и городское пространство, полагая, что эти отношения не достаточно теоретизированы и слабо продемонстрированы в научном сообществе. Ученый предлагает изучать данные феномены посредством путешествий, которые подтверждают и углубляют понимание контекстуального, случайного, импровизированного характера как этнических групп, так и городов. Путешествия легко сопоставляются с методами эмпирического исследования и имеют смысл с точки зрения того, как живут все городские граждане и что они думают о своей жизни как последовательности мест. В этом отношении данный подход имеет больше шансов вытеснить устоявшиеся представления об этнической принадлежности и пространстве, которые формируют предположения националистической политики и их представления о миграции.

²⁹¹ Knowles C. Nigerian London and British Hong Kong: rethinking migration, ethnicity and urban space through journeys // J. Identities. Global Studies in Culture and Power. 2012. Vol. 19, Issue 4. P. 510–519.

А. Констант, Л. Гатауллина и Клаус Ф. Циммерманн²⁹² выдвинули свою концепцию этнической идентичности мигрантов, в рамках которой предложили рассматривать такое понятие как «ethnosizer», подразумевающее меру интенсивности этнической идентичности мигранта. Такая мера строится на основе информации о следующих элементах: язык, культура, социальное взаимодействие, история миграции и этническая самоидентификация. Используя эти элементы, линейное непрерывное представление этнической идентичности оценивается посредством измерения преданности принимающему обществу и приверженности происхождению по шкале от нуля до единицы, которое авторы называют одномерным «ethnosizer». То есть предполагается, что обязательства перед страной проживания и принимающей страной линейны: чем больше человек участвует и ощущает принадлежность в одной стране, тем меньше он участвует и ощущает принадлежность в другой. Например, чем больше мигрантов становятся похожими на туземцев, тем больше они отказываются от собственной культуры. В ситуации столкновения с обеими культурами, для мигранта открывается несколько различных комбинаций обязательств, которые он может выбрать. Двумерная концепция «ethnosizer» классифицирует иммигрантов по четырем состояниям: интеграция, ассимиляция, сепарация и маргинализация. Используя данные немецкой социально-экономической группы, авторы концепции исследовали отношение мигрантов к возрасту, возрасту при переезде, религии, уровню образования и этническому происхождению. Выводы, полученные в результате исследования, будут иметь существенное значение для миграционной политики.

Клаус Ф. Циммерманн²⁹³, продолжая развивать концепцию «ethnosizer», изучает взаимодействие этнической идентичности мигрантов и экономически мотивированной миграционной политикой. Ученый говорит о

²⁹² Constant A. Ethnosizing Immigrants // IZA Discussion Paper N. 2040, 2006.

²⁹³ Zimmermann Klaus F. Migrant Ethnic Identity: Concept and Policy Implications // Discussion Paper N. 3056, 2007.

том, что этническая идентичность - это не просто привязанность к месту происхождения, это баланс между привязанностью, самоидентификацией с культурой, нормами и обществом происхождения, с одной стороны, и привязанностью, и самоидентификацией с принимающей культурой и обществом – с другой. Двумерная модель измерения этнической идентичности предполагает, что обязательства перед двумя разными обществами могут сосуществовать и влиять друг на друга разными способами. Экономический аспект процесса европейской интеграции обусловлен стремительным ростом спроса на квалифицированную рабочую силу. Наиболее значимым фактором мобильности, способствующей оптимальному распределению экономических ресурсов, является миграция. Различные этнические группы создают экономическое разнообразие и, следовательно, увеличивают потенциал экономики Европейского Союза.

А.А. Егизарьянц²⁹⁴ изучает этническую идентичность мигрантов в рамках психоанализа и определяет ее как этнопсихологический феномен. Этническая идентичность представляется в виде составляющей Я-концепции, формирующейся из осознания приобщенности к конкретному этносу и состоит из системы этнодифференцирующих признаков (духовные ценности, обычаи, традиции, язык, историческую память, религию, национальный характер и т.д.). Это субъективное осознание является неким континуумом, на одной стороне которого существует определенность этнической идентичности, а на другой – неопределенность. Такая специфика этнической идентичности представляет собой яркое отражение уровня стабильности межнациональных отношений.

Таким образом, в жизни мигрантов случаются, когда этническая идентификация и самоидентификация выходят на первый план. Процесс

²⁹⁴ Егизарьянц А. А. Определение этнической идентичности мигрантов в контексте психоанализа // Вестник МГОУ. Сер. Психологические науки. 2009. С. 159 – 164.

перехода от неэтнического к этническому состоянию В.И. Дятлов²⁹⁵ называет этнизацией (манифестацией этничности) как результата актуализации этнического фактора под влиянием ряда существенных факторов. Причиной такой значимости для людей их национальности ученый называет то, что этничность манифестируется (имеет значительную роль в публичном пространстве) и не манифестируется (остаётся частным моментом).

Миграционные процессы и конфликты на сегодняшний день рассматриваются преимущественно в этническом контексте. Наглядным результатом процесса этнизации становится появление в городской среде этнически маркированных элементов: «этнических рынков», этнических общепитов, мест жилищной концентрации мигрантов, что свидетельствует о функции производства и продажи этничности как туристического товара. В.И. Дятлов описал различные возможные ситуации этнизации для того, чтобы определить некоторые предпосылки и механизмы этого процесса. Подобный подход позволит достичь новых исследовательских возможностей для понимания сложнейших этнических процессов. Д. Горовиц²⁹⁶ объясняет манифестацию этничности как инструмент для возрождения утраченной коллективной гордости или как терапию от нанесенных психологических травм.

Представители инструменталистского подхода к идентичности и некоторые теоретики национализма (А. Козн²⁹⁷, Р. Брубейкер²⁹⁸) полагают что в зависимости от контекста манифестации этнической идентичности способны изменяться, выступая инструментом приспособления к меняющейся политической или экономической обстановке.

²⁹⁵ Дятлов В. И. Этнизация общественного пространства: причины и механизмы процесса // Этнизация города в миграционном дискурсе. Вестник Томского государственного ун-та. История. Томск, 2015. № 5 (37).

²⁹⁶ Горовиц Д. Л. Этнические группы в конфликте: теории, образцы и политика, 1985.

²⁹⁷ Cohen A. The Lesson of Ethnicity // Theories of Ethnicity: a Classical reader. New York, 1996. P. 371– 380.

²⁹⁸ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.

В.А. Иванюшина²⁹⁹ совместно со своими коллегами занималась изучением этнической самоидентификации подростков-мигрантов, в результате чего была определена изменчивость манифестаций этнической идентичности подростков. Авторы рассматривают четыре формы самоидентификации: моноэтническая, биэтническая, надэтническая и отказ от этнической принадлежности. Исследование позволило установить, что идентичность имеет конструктивистский и инструменталистский характер, однако, объясняя выбор идентичности респонденты зачастую ссылаются на примордиальные основания, т. е. этничность, основанную на «кровных узах». Кроме того, обосновывается моноэтническая и множественная идентификация. Таким образом, выбор возможной этнической манифестации зависит от структурных условий, как для отдельных индивидов, так и для социально-этнических групп.

М.Д. Киекбаев³⁰⁰ затрагивает этнополитическую тематику, в рамках которой ведет речь, с одной стороны, о противоположных тенденциях этнической консолидации с последующей этнополитической мобилизацией, и межнациональной интерграции и глобализации – с другой. По его мнению, российское общество должно сформировать представление о бесспорной значимости свободного гражданского самоопределения в России, когда независимо от этнической и религиозной принадлежности люди смогут в полной степени осуществить свои культурные, экономические и политические возможности в глобальном социокультурном пространстве. Автор акцентирует внимание на надэтнической идентичности, под которой подразумевает поддержку идеи этнокультурного многообразия России посредством развития общегражданской культуры и полиэтничности. Такая идентичность ни в коем случае не ориентирует на культурный и социальный изоляционизм и отказ от свободного выбора гражданской идентичности,

²⁹⁹ Иванюшина В. А. Этническая самоидентификация подростков-мигрантов // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2016. Т. XIX, №2. С. 113–127.

³⁰⁰ Киекбаев М. Д. Глобализация и национальный фактор: проблемы и противоречия. Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2006. С. 578–617.

напротив, по мнению М.Д. Киекбаева, конструктивная сила российского общества заключена в многообразии этнических и культурных традициях, гражданственности, социальном опыте. Ученый предполагает, что надэтническая идентичность – это всегда институциализированная манифестация общественно значимого действия, которая связана с основными институтами. Разрушение или изменение институтов, в которых социализировались индивиды, вызывает глобальную утрату самоидентификации.

М.В. Максимов³⁰¹, изучая культурные основания межэтнических конфликтов, называет период зарождения конфликтной ситуации ценностно-символическим, поскольку манифестация маркеров этничности конструирует образы тех ценностей, с помощью которых то или иное сообщество «может адекватно действовать в мире, принимая себя позитивно». Автор называет этот процесс ситуативной манифестацией, спонтанным и, вместе с тем, «умело организованным коллективным движением», вследствие которого складывается этнодоминирующий тип идентичности.

Этническое самоопределение мигрантов является довольно динамичным явлением, меняющимся под воздействием ряда внешних факторов в иноэтнической среде. Этнокультурная идентичность представляет собой часть социальной идентичности в системе принимающего общества, воздействующую на личностные характеристики мигранта, его социальный статус, формирование самосознания. Внимание к феномену этнической самоидентичности мигрантов позволит повысить общий уровень толерантности, избежать межэтнических конфликтов путем принятия и осознания ценностных особенностей и установок какого-либо этноса.

Таким образом, проведенный аналитический обзор концепций и систематизация знания о феноменах «этничности», «этнической

³⁰¹ Максимов, Д. В. Культурные основания межэтнических конфликтов: на материале Северокавказского региона. : дис. ... канд. культурологических наук : 24.00.01. – Москва, 2007. – 215 с.

идентичности», «этнической самоидентификации» позволили понять специфику механизмов формирования этничности и этнической идентичности, определить факторы, влияющие на процессы их становления. Представлены значимые идеи, методологические возможности, которые раскрывают классические и современные концепции в контексте данной проблематики. Можно сделать вывод о том, что этническая самоидентификация предопределяет становление самосознания личности, идентификацию себя в отношении других индивидов. Она становится основополагающим фактором удовлетворения потребности людей в приобщенности, укорененности в общности, системе ориентаций. В сфере культурологии и этнографии она может быть рассмотрена как один из культурно- и личностнообразующих факторов, позволяющих в большей мере осмыслить сущность индивида (мигранта). Современные исследователи указывают на то, что в условиях процессов глобализации осознание человеком своей принадлежности к той или иной этнокультурной группе не есть явление самопроизвольное, оно в большей мере обусловлено общественными интересами и потребностями (политическими, экономическими и культурными). Таким образом, этническая идентичность испытывает посредственное или непосредственное влияние факторов глобального уровня.

Для того чтобы приблизиться к более глубинному изучению влияния культурной памяти на самоидентификацию мигрантов, второй параграф посвящен изучению концепций, сформулированных в области миграции и этнической самоидентификации мигрантов, позволяющих понять специфику и многочисленные аспекты этих процессов. Раскрыта интеллектуальная история и актуальные тенденции культурных исследований в области миграционных процессов, в частности, исследований специфики этнической самоидентификации мигрантов. На сегодняшний день существует неоспоримое положение о том, что миграция стала одним из важнейших факторов общественного преобразования и развития на всех территориях

мира. Каждый человек является частью общества и, видоизменяясь в большом количестве модификаций, выступает точкой роста определенного общественного системно-структурного образования. Этносы, нации и народности представляют собой социокультурные локальности, в которых каждый испытывает ощущение со-бытия с культурными, социальными, религиозными и другими ценностями своей общности. В контексте данной проблематики крайне актуальным является вопрос самоидентификации мигрантов, поскольку этнические и культурные группы находятся в постоянной динамике. Исследователи, обращаясь к теме миграционных процессов, интересуются, прежде всего, вопросами сохранения этнической самоидентификации мигрантов, межкультурной адаптации и интеграции с новым социокультурным пространством, этнической толерантности, правосознания и маргинализации мигрантов.

Логика данного диссертационного исследования требует сделать следующий шаг, приближающий к проведению прикладного культурологического исследования. Отвечая этой задаче, вторая глава посвящена феномену культурной памяти как основе этнической самоидентификации мигрантов. Представлен аналитический обзор классических и современных концепций и исследований культурной памяти. Определена методология культурного исследования и раскрыты возможности избранной методики. Проведено прикладное культурологическое исследование значения культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов (на материале Красноярского края).

2 Роль культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов на территории Красноярского края

2.1 Культурная память как предмет современных научных исследований

Интерес к феномену «память» наблюдается еще с античной философии, где она представляется явлением индивидуального сознания, локализованным в голове индивида и представляющим собой некое статичное хранилище информации. Такое представление сохранялось до самых первых сторонников экспериментальной психологии XIX века. С начала XX века сформировалось новое понимание памяти как динамической системы, которая функционирует не только внутри субъекта. Ученые стали говорить о внешних измерениях памяти, то есть о том, что содержание памяти в большей степени определяется внешними факторами: социальной группой, требованиями текущей политической и экономической ситуации, социально-культурными нормами. Науки о культуре начала XX века сходились в видении культуры как отражения ментальности, форм мышления, духовной деятельности отдельных личностей и сообществ в языке, искусстве, символах, формах организации жизни. Культурная память в этом контексте понимается как форма передачи и актуализации культурных смыслов. Вместе с тем, культурная память является отражением всего «знания», управляющего действиями, переживаниями и всей жизненной практикой индивидов. Первые концепции, связанные с новой интерпретацией феномена памяти, отражены в работах Л.С. Выготского, Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, А. Варбурга.

В 1920–1930 гг. отечественные психологи А.Р. Лурия и Л.С. Выготский выделяли понятие «культурной памяти», формулируя социальную концепцию памяти. В одной из своих работ они отмечали: «Мы неслучайно заострили внимание на функции памяти, потому что она дает нам

возможность на конкретном примере демонстрировать взаимодействие естественных, заложенных от природы, и культурных, приобретенных в процессе социального опыта, форм деятельности психики. Именно здесь мы видели, как развитие оказалось не простым созреванием, а культурными метаморфозами, культурным перевооружением. И если бы мы теперь хотели рассмотреть память взрослого культурного человека, то должны были брать ее не такой, какой создала ее природа, а такой, какой ее создала культура»³⁰².

К проблемам памяти в последние десятилетия XX века стали активно обращаться историки (Ж. Ле Гофф³⁰³, Р. Коллингвуд³⁰⁴, И. Олабарри³⁰⁵, Й. Рюзен³⁰⁶, Дж. Тош³⁰⁷), открыв более широкое поле для исследования – историю исторической культуры. В этом контексте рассматриваются различные трактовки понятий «историческая память», «культурная память», «социальная память», проходят дискуссии относительно вопросов перехода от индивидуальной памяти к коллективной, выделяется два подхода к истории историографии и к вопросу исторической памяти: социально-исторический и культурно-антропологический.

Немецкий историк И.Г. Дройзен³⁰⁸ полагал, что воспоминания есть потребность и сущность человека и общества и, следовательно, они являются предметом и признаком истории. Позднее, французский социолог М. Хальбвакс³⁰⁹, продолжая тему воспоминаний в истории, определил их как коллективный социальный феномен. Ученым было впервые предложено и обосновано понятие коллективной памяти как социального конструкта. Он утверждает, что любая память коллективно и социально обусловлена. Вне социума не может быть логически выстроена память, а коллективная память,

³⁰² Гишперейтер Ю. Б. Психология памяти. М., 1998. 419 с.

³⁰³ Ле Гофф Ж. С небес на землю // Одиссей. М., 1991. 26 с.

³⁰⁴ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 231.

³⁰⁵ Olabarri I. History and Science // Memory and Myth: towards new relations between historical science and literature. 18th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Montreal, 1995. 178 p.

³⁰⁶ Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. 48 с.

³⁰⁷ Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 11–32.

³⁰⁸ Дройзен И. Г. Историка. СПб., 2004. 584 с.

³⁰⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 264 с.

в свою очередь, является объединяющим группу фактором, она всегда дифференцирована и социальна. Хальбвакс вводит такое понятие как «рамки памяти», которое представляется как некие опорные маркеры, содержащие индивидуальную память. Это рамки, которые очерчивают память конкретного коллектива. Кроме того, Хальбвакс анализировал понятие исторической памяти в сравнении с понятием коллективной памяти. Согласно его теории, история берет свое начало там, где заканчивается традиция и угасает социальная память. Историческая память (внешняя, социальная) противоположна автобиографической (внутренней, личной) – первая значительно шире последней.

Природу коллективных воспоминаний параллельно с Хальбваксом изучал немецкий историк искусства А. Варбург³¹⁰. Он определял произведения искусства в качестве «изобразительных символов» культуры, сформированных в «конкретном кругу» и манифестирующих культурную идентичность. Всё культурное наследие, содержащее изображения и жесты, которым располагает Запад и Восток, а также то, как они распоряжаются этим культурным наследием – и есть социальная память.

Значение теорий Хальбвакса и Варбурга состоит, прежде всего, в том, что они определили проблему конституирования надиндивидуальной памяти, знания из биологической области в культурную.

Позднее исследователи обращаются к проблеме соотношения личной и коллективной памяти. Память индивида имеет сложный состав: индивидуальный опыт непрерывно растет, начиная с собственного прошлого и постоянно дополняясь событиями коллективного, социального и исторического плана. Особую роль играют так называемые устные семейные хроники, которые формируют индивидуальную память и представляют собой основу семейной идентичности. Самым значимым видом личной памяти являются автобиографии. В. Нуркова³¹¹ всесторонне рассматривает

³¹⁰ Warburg A. M. *Ausgewählte Schriften und Würdigungen*. Baden-Baden, 1992.

³¹¹ Нуркова В. *Свершенное продолжается // Психология автобиографической памяти личности*. М., 2000.

психологические аспекты автобиографической памяти и указывает на то, что автобиографическая и индивидуальная память не тождественны, их содержание не совпадает. Н.З. Дэвис³¹² предпринял попытки объяснить становление семейной идентичности на конкретно-историческом материале истории Франции. Он пишет о семейных мемуарах как о наиболее значимых источниках, способствующих пониманию истинного смысла семейной истории и семейной идентичности. В мемуарах заключается переход от индивидуальной памяти к коллективной: они пишутся не только для себя, но и для потомков.

Существует еще одна проблема, связанная с переходом от индивидуальной памяти к коллективной, которая не ограничивается рамками исследования механизмов передачи семейного опыта. Это проблема перехода от биологического ритма жизни индивида к социальному. Непрерывная смена поколений обусловлена постоянным разворачиванием социальных связей. Ученые так же говорят о таком понятии как «память поколений». Впервые о «поколении» заговорил социолог К. Мангейм³¹³, рассматривая смену поколений в качестве результата ритма человеческой жизни, в завершении которого в историческом процессе появляются новые и исчезают прежние персонажи. При этом представители любого поколения могут действовать в ограниченном по времени отрезке исторического процесса.

В конце XX века термин «культурная память» был наиболее подробно описан немецким египтологом Яном Ассманом, который в своей работе «Культурная память»³¹⁴, развивал теорию коллективной памяти Мориса Хальбвакса. Ассман считает культурную память частью социальной, одним из внешних измерений человеческой памяти. Зачастую со словом «память» ассоциируются в первую очередь внутренние явления, сосредоточенные в мозгу человека – феномену, относящемуся к физиологии, психологии и

³¹² Дэвис Н. З. Духи предков, родственники и потомки: некоторые черты семейной жизни во Франции начала нового времени // THESIS, 1994. Вып. 6. С. 201–241.

³¹³ Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

³¹⁴ Assmann J. Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und Politische Identität in frühen Hochkulturen. Munich, 1992.

неврологии. Однако Ассман утверждает, что содержание памяти, организация ее содержания, временной период, в который может сохраняться какое-либо явление – определяется не внутренней вместимостью, а внешними (социальными и культурными) рамками. Ученый выделяет четыре сферы внешнего измерения памяти:

1. Миметическая память (связана с деятельностью).
2. Предметная память (связана с предметным миром).
3. Коммуникативная память (связана с языком и коммуникацией).
4. Культурная память (связана с передачей смысла).

В рамках данной классификации культурная память формирует пространство, в которое постепенно переходят три первые области. Когда миметическая память приобретает статус обрядов (смысловое значение), которые уже не вмещаются в область деятельностной памяти, она перетекает в область культурной памяти. Обряды, предметы и язык, безусловно, относятся к культурной памяти, поскольку являются формой передачи и возрождения культурного смысла.

Ассман представляет культурную память в виде непрерывного процесса, в ходе которого любая культура и любое общество формирует и стабилизирует собственную идентичность через реконструкцию своего прошлого. Возникновение культурной памяти ученый связывает с феноменом смерти и сопутствующими ему ритуалами. Первой формой памяти Ассман считает именно память о мертвых: «Понятие прошлого возникает тогда, когда осознается разница между вчера и сегодня. Смерть есть «первичный опыт» для осознания этой разницы, так что воспоминания, связанные с умершими (*memoria*), дают начало культуре воспоминаний».

В дальнейшем интерес к памяти, отображенной такими явлениями как культура ретро, мнемоника, мемориальные комплексы, стали проявлять более поздние ученые, как, например, Андреас Хюссен³¹⁵. Культурная память

³¹⁵ Huyssen A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia, Public Culture, 2000. P. 21–38.

стала областью интересов историографии и культурологии, поскольку память не есть исключительно личный, индивидуальный феномен, но и коллективный. Историографический (Ричард Тердиман³¹⁶, Пьер Нора³¹⁷) и культурный (Сьюзен Стюарт³¹⁸) подходы выделяют процесс памяти, ее подтекст и объекты. Сформировалось две научных школы, где одна отмечает, что из настоящего складывается наше понимание прошлого³¹⁹, а другая – что прошлое предопределяет наше поведение в настоящем³²⁰.

В рамках историографического подхода ключевым для понимания культурной памяти является разделение истории и памяти, на которое впервые указал Пьер Нора. Между тем исследователи не едины во мнении, когда такое представление распространилось. Нора полагает, что это пришло с формированием европейских национальных государств, Ричард Тердимен считает предшественницей французскую революцию. Предполагается, что изменение политической системы, процессы глобализации, индустриализации и урбанизации привели к тому, что людям стало трудно понимать новое общество, и кроме того, образовались трудности с отношением к прошлому, единого понимания которого больше не существовало. Осознав, что история представляет собой лишь один из вариантов прошлого, люди стали всё больше озадачены собственным культурным наследием, способствующим формированию коллективной и национальной идентичности. Правительство в поисках идентичности, способной объединить народ или страну, пытается сконструировать коллективные воспоминания (к примеру, воспоминания об умерших), которые должны были объединить группы индивидов, которые выступали

³¹⁶ Terdiman R. *Historicizing Memory, Present Past: Modernity and the Memory Crisis*. Ithaca, New York, 1993. P. 3–32.

³¹⁷ Nora P. *The Era of Commemoration // Realms of Memory: The construction of the French Past*. New York, 1996. Vol. 3. P. 609–637.

³¹⁸ Stewart S. *Objects of desire // Part I: The Souvenir, On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection*. Durham, NC, 1993. P. 132–151.

³¹⁹ Schwartz B. *Social Change and Collective Memory: The Democratization of George Washington // American Sociological Review*, 1991.

³²⁰ Schwartz B. *Culture and Collective Memory: Two Comparative Perspectives // Handbook of Cultural Sociology*. – London, 2010. P. 619–628.

против какого-либо явления. Кроме того, охваченность памятью обусловлена страхом забвения и стремлением к подтверждению своей собственной идентичности.

Позднее ученые ставят вопрос о том, существует ли «чистая» не опосредованная память. Отвечая на этот вопрос, социолог Тони Беннетт³²¹ утверждает, что именно опосредованное представление о каком-либо явлении является основополагающим условием человеческого восприятия в целом, то есть чистые и объективные воспоминания наблюдать невозможно.

Историографический подход затрагивает не только временные аспекты изучения культурной памяти, но и пространственные. В этом контексте, память как временное явление понимается слишком узко и нередко дает искаженное представление культурной истории. Возникла необходимость соединения памяти с физическими, осязаемыми местами, и Нора первым начал работать с так называемыми «местами памяти», объектами, которые отражают более сложные моменты истории. Вместе с тем, Нора отмечает, что память, выходя за пределы осязаемых и визуальных аспектов, становится гибкой и нестабильной. Такое сложное, проблемное свойство Тердимен охарактеризовал как «вездесущность» памяти.

В рамках подхода культурных исследований изучается подтекст и объекты культурной памяти. С недавнего момента область интересов ученых составляет «воплощенная память», объясняя которую Пол Коннертон утверждает, что человеческое тело является носителем воспоминаний двух разных форм социальных практик: запечатления и вовлечения³²². Запечатление вбирает в себя все виды деятельности, позволяющие извлекать и сохранять информацию: аудио- и видеозаписи, письма, фотографии и т.д. Вовлечение подразумевает осуществление выученных актов посредством физических действий (рукопожатие, произнесенная фраза и т.д.). Такая

³²¹ Bennett T. *Stored Virtue: Memory, the Body and the Evolutionary Museum*, in Susannah Radstone and Katharine Hodgkin (eds) *Memory Cultures: Memory, Subjectivity and Recognition* // New Brunswick & London, 2006. P. 40–54.

³²² Connerton P. *Bodily Practice // How Societies Remember*. Cambridge, 1989. P. 72–104.

память, присущая каждому отдельному индивиду в бессознательном состоянии является более подлинной, чем «опосредованная». Эволюционисты Жан-Батист Ламарк и Эрнст Геккель впервые выдвинули идеи воплощенной памяти, обозначающей, что прошлое заключено в теле индивида. Согласно их закону наследования приобретенных признаков и биогенетическому закону, индивид есть совокупность всей предыдущей истории. Однако в современной науке эти две концепции не нашли признания.

Тердимен полагает, что взаимосвязь между объектами и воспоминаниями институционализирована и используется в виде торговли сувенирами. Стюарт утверждает, что сувениры выступают подтверждением нашего опыта только благодаря возникновению нарратива. Кэтрин Кинан³²³ говорит об особых отношениях фотографии с памятью: процесс фотосъемки способен подчеркнуть важность воспоминания. Фотографии могут не только способствовать воспоминанию, но даже затмевать саму память, служить напоминанием способности забывать. Некоторые ученые считают фотографию частью памяти. Кроме того, существует такой термин как «культурный мемориал», введенный в научный оборот Эдвардом Чейни, который отражает как общие типы (obelisks, sphinxes), так и определенные объекты (obelisk Domitianus).

На сегодняшний день в мировой науке сформировались основные принципы осуществления исследований в рамках «мемориальной парадигмы»:

1. Осмысление культурной памяти как механизма постоянного разворачивания и видоизменений;
2. Понимание культурной памяти как феномена, которому характерна нелинейная, не всякий раз однозначно прогнозируемая, динамика развития;

³²³ Keenan C. On the Relationship between Personal Photographs and Individual Memory, History of Photography. 1989. P. 60–64.

3. Принятие нестабильной природы установленных в той или иной культуре мнемонических практик, дающее право говорить о существовании различных «культур воспоминания», отражающих специфику того или иного сообщества;

4. Принятие во внимание тесной связи, существующей между коллективными (в том числе и национальными) идентичностями и культурной памятью, осознание ключевой роли культурной памяти для образования социальной солидарности;

5. Осознание глубинной вовлеченности образов и сюжетов культурной памяти в общественные конфликты различного уровня;

6. Изучение культурной памяти в параллели с «местами памяти» и мемориальными ландшафтами, описание топографии социально значимых воспоминаний;

7. Необходимость предусмотреть избирательность, социальную распределённость и потенциальную конфликтность культурной памяти;

8. Осознание того факта, что культурная память повсеместно является инструментом политической деятельности и применяется социальными общностями в целях достижения конкретных целей, получения определенных выгод и преимуществ.

Ю.М. Лотман, рассматривая культурную память в контексте семиотики, имеет в некоторой мере схожую позицию со своими предшественниками. Культура определяется Лотманом как коллективная память и коллективный интеллект, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи информации. Пространство культуры представляет собой пространство некой общей памяти, в пределах которого некоторая информация («тексты») может сохраняться и быть актуализирована. Кроме того, Лотман отмечает, что культурная память не только едина, но и внутренне разнообразна, что говорит о ее динамической структуре: единство памяти остается лишь на некотором уровне и предполагает наличие частных «диалектов памяти», соотносимых с внутренней организацией групп. Далее

культурная память имеет тенденцию к индивидуализации, что обусловлено наличием субкультур с разным составом и объемом памяти, так или иначе ведущих к образованию «локальных семантик». Если провести параллель между памятью и хранением текстов, то можно выделить память «информативную» и «креативную (творческую)». К информативной памяти можно отнести механизмы сохранения результатов познавательной деятельности, а ко второй память искусства. Лотман акцентирует внимание на том, что память является не просто пассивным хранилищем культуры, она составляет одну из основных частей текстообразующего механизма: «Память сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло. Поэтому историзм в изучении литературы, в том его виде, какой был создан сначала гегельянской теорией культуры, а затем позитивистской теорией прогресса, фактически антиисторичен, так как игнорирует активную роль памяти в порождении новых текстов»³²⁴. Каждая культура сама определяет, что следует помнить (хранить), а что подлежит забвению. С течением времени происходит смена культурных кодов, меняется и парадигма памяти-забвения: то, что ранее признавалось истинно-существующим, может оказаться подлежащим забвению и, наоборот, несуществовавшее станет существующим и значимым.

Российский филолог О.А. Клинг³²⁵ говорит о литературе как о механизме культурной памяти, «хранителе и ретрансляторе культурного кода в России». Клинг полагает, что сегодня литература испытывает кризисное состояние: эпоха литературоцентричности подошла к концу. Он обращает внимание на то, что появились такие понятия как «культурный геном» и «культурная эволюция», что на смену биологической эволюции пришла культурная. Литература при этом позволяет вычленить и исследовать

³²⁴ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

³²⁵ Клинг О. А. Литература и культурная память // В кн.: Художественный текст и культурная память. Материалы Международной научной конференции. М., 2013.

культурный геном, что имеет смысл как для изучения прошлого, так и для осознания настоящего.

А.Г. Васильев обращает внимание на тот факт, что соотношение понятий «коллективная память», «социальная память», «культурная память» остается предметом дискуссий. Зачастую понятия коллективной и социальной памяти используются как синонимы, а вот термины культурной и социальной памяти следует определять, как взаимодополняющие, отражающие хоть и разные, но нераздельные друг от друга границы надындивидуального измерения памяти. В этом контексте социальная память содержит образцы и нормы поведения, участвует в процессах социальных изменений и конфликтов, объединяет представителей конкретной социокультурной группы и формирует определенный уровень социальной интеграции. Понятие культурной памяти, в свою очередь, фиксирует тот факт, что образы коллективной памяти представляют существенную ценность для социальной общности. Васильев пишет: «Культурная память специально учреждается, искусственно формируется. Для её создания, хранения, трансляции в обществе создаются особые институты. Культурная память требует существования профессиональных носителей. Приобщение к культурной памяти специально организуется и контролируется этими специалистами. Усвоение культурной памяти требует желания и усилий со стороны обучающегося, поэтому овладение ею всегда социально дифференцировано. Для культурной памяти характерна сакральность, ей присуща возвышенность над уровнем повседневности. Воскрешение культурных воспоминаний осуществляется в ритуализированной форме»³²⁶.

Изучение культурной памяти в инструменталистско-конструктивистской перспективе неминуемо выводит нас на проблему политики памяти. Васильев обращается к вопросу о манипуляциях памятью в чьих-либо интересах, значимому с практической точки зрения. Поддерживает

³²⁶ Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Кол. монография Культурная память в контексте национальной идеи России в XXI веке. 2011. С. 3–30.

интерпретацию политики памяти, предложенную современным польским социологом Л. Нийяковским: это все виды действий чиновников и политиков, имеющих формальную легитимацию, направленных на создание, уничтожение и корректировку определенных образов прошлого. Тем самым изменяется собственная идентичность индивида и образ окружающих людей и сообществ. Осуществление такой политики бывает необходимо в целях установления межнационального и гражданского мира, устранения этнических конфликтов, гражданский войн, репрессий и тоталитарных режимов. Таким образом, можно заключить, что образ прошлого – это вовсе не данность, а социокультурный конструкт. Предметом дискуссий здесь становится степень податливости того или иного образа к манипуляциям. Еще Э. Хобсбаум и Т. Рэнджэр³²⁷ в рамках «теории политики памяти»³²⁸ делали акцент на том, что политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого, внушая определенную концепцию истории с целью легитимизации их политики и господства. Память фактически становится приравненной к политической идеологии.

Однако другие авторы задаются справедливым вопросом: насколько применимо представление о памяти как об объекте централизованного управления в современных плюралистических обществах, в которых государство не является монопольным владельцем образов прошлого? Отсюда акцент смещается в сторону коллективной памяти и на те структурные ограничения, которые в процессе социальной коммуникации накладываются на участников взаимодействия, желающих интерпретировать прошлое в собственных интересах. В этом смысле память конструируется не только правящими элитами, но и со стороны подчиненных общностей. М. Шадсон пишет: «Конфликт различных групп по поводу видения прошлого в

³²⁷ Hobsbawn E. The Invention of Tradition. New York, 1983.

³²⁸ Nijakowski L. M. Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny, Wydawnictwa Akademickie I Profesjonalne. Warszawa, 2008.

дальнейшем ограничивает наши возможности реконструировать его в соответствии с нашими интересами»³²⁹.

Б. Шварц определяет память как «культурную программу, ориентирующую наши намерения, склонности и дающую нам возможность действовать»³³⁰. Таким образом, прошлое составляет современность культуры и задает образец постижения настоящего. Оно не может всякий раз свободно меняться под воздействием элиты, а политику памяти недопустимо представлять лишь как процесс манипуляции с пластическим человеческим и историческим материалом.

В.А. Разумовская³³¹ обращается к вопросу хранения культурной информации и культурной памяти в художественном тексте. Она указывает на то, что прогресс человеческой цивилизации вызван непосредственно набором тесно взаимосвязанных и взаимозависимых процессов передачи, приема, обмена, обработки (интерпретации) и хранения информации. Независимо от типа информации и типа ее носителя все вышеперечисленные процессы являются универсальными, представлены во всех областях человеческой деятельности. Особое место в постоянно расширяющемся обмене информацией занимает информация, представленная в языке, а также в мифологической, визуальной, музыкальной, литературной и других культурных семиотических системах. В этом смысле, культура может быть понята как совокупность результатов деятельности людей, которая сформировала систему традиционных человеческих ценностей, как материальных, так и духовных. Изучение разнообразной и многомерной системы культуры позволило выделить такие вторичные семиотические системы, которые основаны на естественном языке, но имеют более сложную структуру. Наиболее распространенная и хорошо изученная вторичная семиотическая система – литературные тексты. Каждая национальная

³²⁹ Schudson M. The Present in the Past versus the Past in the Present // *Communication*, 1989. Vol. 11. 109 p.

³³⁰ Schwartz, B. *Abraham Lincoln and the Forge of National Memory*. Chicago, 2000. 251 p.

³³¹ Razumovskaya V. A. Cultural Information. Memory and Aesthetic Information in Literary Translation // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Krasnoyarsk, 2012. Vol. 6 (5). P. 839–852.

культура имеет определенный набор литературных текстов, которые транслируют культурную информацию.

Руководитель школы культурологии НИУ ВШЭ В. Куренной рассматривает проблемы культурной памяти, связанные с влиянием на нее новой медийной ситуации. Он описывает такие процессы как дигитализация, визуализация, мультимедиа и указывает на то, что все они ведут к обесцениванию и исчезновению подлинных объектов культуры и реальной коммуникации. Кроме того, В. Куренной обращается к проблеме непрерывного роста объема информации, которая поступает людям в необработанном виде из разных, зачастую ненадежных источников и размножается как вирус. Ученый отмечает, что если раньше структурированием информации занимались профессионалы, то теперь человек (в частности, это касается студенчества) сталкивается со всем неотфильтрованным информационным мусором. В. Куренной предпринимает попытки ответить на следующие вопросы. Какие риски в себе несет эта дигитальная революция? Надежны ли цифровые технологии? Способна ли сохраниться культурная память в условиях, где единственным гарантом ее трансляции является государство? Являемся ли мы носителями экспертного знания, для того чтобы ориентироваться в непомерно большом потоке информации, отфильтровывая ненужное, неактуальное? Как обеспечить передачу культурной памяти в условиях утраты ею черт организации? Эти и многие другие проблемы были озвучены В. Куренным в лекции «Цифровые медиа и культурная память: парадоксы новой медиасреды»³³², проведенной в рамках цикла научно-популярных лекций интернет-издания «Инде».

Корнеева А.Ю.³³³ соотносит понятия «культурная память» и «архетип», рассматривая архетип в качестве метода трансляции содержания культурной

³³² Куренной В. Цифровые медиа и культурная память: парадоксы новой медиасреды / YouTube Video Editor. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L-w33mE0F80>.

³³³ Корнеева А. Ю. Архетипы культурной памяти. Международный научно-исследовательский журнал. Т., 2016. № 5 (47), Часть 2. С. 86–88.

памяти. Основываясь на работах К. Юнга, Корнеева приводит основные типы культурных архетипов человеческой психики, которые представляют собой определенную, свойственную конкретной культуре специфику мировоззрения, поведения, характера, и передаются через определенные символы и формы (ритуалы, мифологические образы, религиозные учения, поведенческие паттерны и др.). Корнеева отмечает, что архетипы культурной памяти способствуют становлению модели духовной жизни общества и, подобная актуализация архетипов может представлять собой не только отсылку к прошлому, но и предпосылку к будущему. Культурные архетипы передают не только опыт прошлого, но и стремления, цели будущего существования.

Исследования культурной памяти

В последние десятилетия культурная память стала предметом исследования в самых разных областях науки. Это обусловлено сложностью механизма ее формирования: естественные, заложенные от природы формы деятельности человеческой психики дополняются культурными, приобретенными в процессе социального опыта, а также социальной реконструкцией прошлого. Ученые исследуют культурную память, прежде всего, там, где она наиболее неустойчива, подвержена прерыванию, забвению: коренные малочисленные народы, группы меньшинств, мигранты. Подходы к изучению культурной памяти носят междисциплинарный характер, используются различные качественные методы исследования.

Группой исследователей из Мурманского государственного гуманитарного университета был разработан и реализован проект «Электронная информационная система и база источников «Культурная память современной России: Евро-Арктический Север»³³⁴ при финансовой

³³⁴ Культурная память современной России: Евро-Арктический Север. URL: <http://cultmemory.ru/index.php/2014-07-02-11-57-19>.

поддержке РГНФ. Проект выполняется на материале Евро-Арктического Севера – одного из самых самобытных регионов России, к территории которого относятся Кольский полуостров, Баренцево море и его архипелаги. Созданный виртуальный научный ресурсный центр позволяет рассматривать феномен культурной памяти с позиции текста первоисточника, историографического текста, гипертекста и решает следующий ряд задач:

1. Систематизация и архивация первоисточников (аудио- и видеозаписи, фотографии, документальные, эпиграфические и устно-исторические тексты).
2. Информирование, научная координация, проведение виртуальных круглых столов, конференций, выставок, семинаров.
3. Создание полнотекстовой библиотеки научных публикаций по теме проекта, включающей статьи, монографии, карты и т.д.³³⁵

Создание электронного ресурса нацелено на содействие научно-исследовательской работе специалистов (историков, культурологов, социологов и специалистов других гуманитарных наук), интересующихся данной проблематикой. В основе проекта лежат коллекции источников, собранные в процессе многолетней научной работы по изучению истории культуры.

S.T. Demir³³⁶ исследует Орхонские надписи и описывает через телевизионный документальный фильм «Путешественник во времени: следуя шагам турков» современные концепции и дискуссии на тему культурной памяти с целью «запоминания», «адаптации», «обновления» и «рецентрализации». Документы и документальные фильмы, по мнению исследователя, являются важнейшими инструментами интерпретации прошлого и прогнозирования будущего. Исследование носит как концептуальный, так и методологический характер. Минимальный

³³⁵ Там же.

³³⁶ Demir S. T. Türk Toplumunun Kültürel Belleği Bağlamında Orhun Abideleri'ni Yeniden Düşünmek: Taşın Bedeni ve Belleği / S. T. Demir // Journal of History Culture and Art Research, 2017. – Vol. 6, N. 2. – P. 422–440.

«гlossарий культурной памяти» является беллетризированным и, таким образом, формируется концептуальная основа.

З. Фэрхерст³³⁷ исследовала культурную память и туризм в Испании, в рамках которого память понималась не только как индивидуальное или коллективное воспоминание о прошлом, но и как социальная работа по его реконструкции. В своих разнообразных формах память обладает способностью изменить то, как общество мыслит о себе, о своем прошлом и временном пространстве и в равной степени сохраняет другую способность – формировать определенную картину, повествование, связанное с этими тремя областями. Это исследование сосредоточено на взаимодействии памяти, нарратива и пространства в индустрии туризма Испании и имеет своей задачей показать, как испанская гражданская война представлена в современной Испании. Исследование демонстрирует, как рассказы о путешествиях были адаптированы для международной и отечественной аудитории, чтобы предоставить знания об основных элементах испанского наследия в том числе и на специализированных сайтах. В отличие от усилий независимых неофициальных экскурсоводов и опыта, накопленного правительственными агентствами, это исследование раскрывает успехи и неудачи различных туристических проектов, представляя потенциальные модели, которые могут способствовать публичной конфронтации с прошлым.

Я. Саблич и Т.В. Освальд³³⁸ анализируют роман «Унтерштадт» хорватской писательницы И. Сохат-Кучи, который, по их мнению, является ярким примером литературного и художественного вмешательства в процесс культурного забвения. Этот роман завоевал множество литературных наград в Хорватии за его инновационность. В нем впервые публикуется история, в которой представители меньшинства сами рассказывают о своей идеологически подавленной семейной памяти, чтобы конструировать

³³⁷ Fairhurst Z. Cultural memory and remembering tourism in Spain: the re-imagination of the Spanish Civil War through tourism, narrative and place. MA(Res) thesis, University of Nottingham, 2016.

³³⁸ Sabljic J. Cultural Memory in the Novel Unterstadt by Ivana Šojat-Kučić // Journal De Gruyter Open, 2016. V. 3, N. 2. P. 110–126.

прошлое. Такие темы, как воспоминание, запоминание и повышение осведомленности о городском пространстве, являются текстовым полигоном, рассказывающим историю как семейную сагу о судьбе женщин в четырех поколениях - прабабушки, бабушки, матери и дочери. В этом смысле, воспоминания рассматриваются как социальные и культурные конструкции, которые возникают в результате взаимодействия между членами конкретной семьи и общности. В этой связи должна быть определена роль запоминания и забывания в процессе установления исторических событий, женской идентичности и топонимики города как культурных / материальных объектов, и наоборот, роль определяемых культурой объектов в формировании памяти. Роман «Унтерштадт» является примером текста, представляющего механизм официального запоминания и забывания и воссоздания прошлого, используя дискурсивный акт повествования человеческих судеб, обусловленный великими историческими событиями.

Многие зарубежные ученые занимаются изучением литературных и художественных произведений, с точки зрения того, как последние отражают специфику и сложность культурной памяти (М. Ширвани³³⁹, Коллин М. Конуэй³⁴⁰, Кэрол Бунч Дэвис³⁴¹, Э. Коресаар³⁴² и др.).

Агата С. Налборчик³⁴³ занималась исследованием культурной памяти и современной мусульманской татарской идентичности в Польше. Она отмечает, что, несмотря на их скромное число, этническое и религиозное меньшинство польских татар ведет богатую культурную и религиозную жизнь благодаря очень активной деятельности религиозных и культурных

³³⁹ Shirvani M. Configurations of the Polyphonic Self-Consciousness: The Complexity of Cultural Memory in Philip Roth's *The Plot Against Ameri* // *Multicultural representations. Literature and Discourse as Forms of Dialogue* 4th edition edited by Iulian Boldea, Cornel Sigmirean. 2016. P. 647–658.

³⁴⁰ Colleen M. C. Gender and Cultural Memory in A. S. Byatt's «Jael»: A Cultural History of a Biblical Story. *Sex and Slaughter in the Tent of Jael*. 2016. P. 146–160.

³⁴¹ Carol Bunch Davis. *Be Loyal to Yourselves: Jim Crow Segregation, Black Cultural Nationalism, and US Cultural Memory in Ossie Davis' Purlie Victorious* // In book: *Critical Insights: Civil Rights Literature, Past & Present*. 2017. P. 36–52.

³⁴² Koresaar E. Life story and cultural memory on the role of the textual community in post-1989 memory work // *Cultural Patterns and Life Stories*, Publisher: Tallinn University Press, Editors: Kirsti Jõesalu & Anu Kannike, 2016. P. 104–129.

³⁴³ Nalborczyk A. S. Community Life: Cultural Memory and the Construction of a Contemporary Muslim Tatar Identity in Poland // In book: *Contested Memories and the Demands of the Past*, 2017. P. 149–177.

организаций. Деятельность татар выражает осознанную потребность в защите идентичности через «временное закрепление». Начиная со второй мировой войны, польские татары пострадали от пассивного забвения, рассеянные по всей стране, в новых условиях коммунистического государства они утратили материальные фиксаторы памяти. После 1989 года польские татары чувствовали необходимость наращивать свою культурную память в социальной сфере, поэтому они обратились к средствам массовой информации, институтам и практике активизации, которые фиксируют и транслируют эту память. То, что было забыто, не обязательно должно быть потеряно навсегда, а работа по созданию коллективной памяти определяет и поддерживает культурную идентичность группы. Польским татарам помогли новые возможности, обеспечивающие накопление, передачу и сохранение культурного опыта, и наибольшую социальную мобильность, что способствовало более тесным контактам в Польше, а также с мусульманскими татарами из соседней Литвы и даже США. В тоже время эта мобильность показала, что в Польшу прибыли новые мусульмане, и это знание подтолкнуло татар более тщательно определять свою идентичность и пополнять свою культурную сущность.

Ю. Янгхуан³⁴⁴ из университета Цинхуа провел экспертное интервью с профессором Свенд Эрик Ларсеном, в котором был отражен взгляд профессора на культурную память, в частности на взаимовыгодные отношения между культурной памятью и культурными традициями, реконтекстуализацию культурной памяти в мигрантских и диаспорических литературных произведениях посредством реконтекстуализации собственной культурной традиции, связь между культурной памятью и интертекстуальностью, влияние памяти на каноничность.

³⁴⁴ Yanghuan, Y. Cultural memory as a new perspective for cultural studies and literary studies: An interview with Svend Erik Larsen / Y. Yanghuan // China Academic Journal Electronic Publishing House, 2016.

Группа ученых из США и Великобритании³⁴⁵ исследовала такое явление как сплетни в качестве носителя культурной памяти. Результаты проведенных наблюдений показали, что хотя информация, полученная от других людей подвержена ошибкам передачи (в отличие от прямого опыта), люди предпочитают более ненадежный источник информации – сплетни. В особенности, когда информация касается поведения других людей и установления сотрудничества в обществе. Ученые создали пространственную модель, подтверждающую, что сотрудничество может поддерживаться сплетнями, содержащими высокую степень неопределенности. Точность сама по себе не предсказывает ценность информации в эволюционных терминах; актуальность, влияние информации на поведенческие результаты. Ученые указывают на то, что как только релевантность включена в качестве критерия, вторичная информация больше не может быть снижена на основе ее низкой точности, по сравнению с первичной. Кроме того, относительная важность точности и актуальности зависит от факторов истории жизни и демографии.

Дж. Е. Тверк³⁴⁶ исследует приближение истории как культурной памяти через юмор, сатиру, комиксы и графические романы. Недавние эмпирические исследования юмора и памяти свидетельствуют о том, что люди лучше помнят, когда воспринимают слово, фразу или изображение, которые имели юмористическую окраску. Когда близость нескольких этнических групп порождает шутки, демонстрирующие разнообразные перспективы и то, что Анри Бергсон назвал «корректирующей» сатирой, такие шутки могут помочь устранить расизм и страх перед другим. Принимая юмористическую или сатирическую позицию, художники и писатели могут исследовать альтернативы современной реальности и раскрывать истины, упускаемые из

³⁴⁵ Mitchell D. On the reliability of unreliable information: Gossip as cultural memory. *Interaction Studies*, 2016. Vol. 17(1). P. 1–25.

³⁴⁶ Twark J. E. Approaching History as Cultural Memory Through Humour, Satire, Comics and Graphic Novels // *Contemporary European History*, 2017. Vol. 26, Issue 1. P. 175–187.

виду или сознательно устраненные правительством и дискурсом в средствах массовой информации.

М. Хеннингер и П. Шифлит³⁴⁷ изучают то, как документы социальных сетей формируют нашу культурную память. Это новый тип практики памяти, целью которого является как захват общедоступных воспоминаний, так и формирование новых культурных понятий. Был использован качественный метод исследования – контент-анализ на базе социальных сетей Facebook, GooglePlus и Twitter во время национального события. Исследование показало, что структура сообщений и метаданные из разных социальных сетей сопоставимы и в совокупности свидетельствуют о различных аспектах социальных событий для документирования их уникального дискурса. Выводы демонстрируют вклад социальных сетей в социальную память и представление о том, как социальные сети внедряются в практику культурной памяти. Это одно из немногих исследований, в которых анализируется ряд сообщений из разных социальных сетей, чтобы понять их влияние на культурную память и документальные практики учреждений памяти.

Исследованием Интернет-пространства как источника ценностей и значений культурной памяти занималась и группа российских ученых³⁴⁸. Проанализировано преобразование культурной памяти через призму киберпространства. Ученые отмечают, что за последние 20 лет изучение культурной памяти выросло, что можно наблюдать растущее сопротивление некоторым взглядам на ее исследование. Культурная память становится предметом исследования самых разных наук, особенно в политической сфере. В настоящее время это может стать эффективным инструментом борьбы за политическое руководство. Исследование культурной памяти имеет большое значение для развития общества, при этом важно обратить

³⁴⁷ Henninger M. How are the new documents of social networks shaping our cultural memory // Journal of Documentation, 2016. Vol. 72 (2). P. 277–298.

³⁴⁸ Loyko O. T. The transformation of the cultural memory through a prism of the Cyberspace // SHS Web of Conferences. Tomsk, 2016. Vol. 28. P. 1–5.

внимание на разные стороны культурной памяти. Возрастает важность киберпространства в передаче ценностей и значений мира культурной памяти.

Связь памяти с идентичностью

Изучение социокультурных явлений и процессов, включающих такие феномены как коллективная мемориализация, коллективная амнезия, *memory studies* приобрели междисциплинарный характер, начиная с 80-х годов XX века и за последние десятилетия достигли организационной и теоретико-методологической зрелости. Процессы глобализации сделали проблематику коллективных идентичностей одной из ведущих среди наук о культуре и обществе. Формируется новая парадигма социально-гуманитарных исследований, включающая понятия «память», «воспоминания», «забвение», «рессентимент», «ностальгия».

Понятия «память» и «идентичность» неотделимы и взаимозависимы друг от друга. Идентичность закреплена в памяти, а идентификация является одной из основных функций коллективной памяти. Коллективная память содержит образы событий, которые превращаются в символы групповой идентичности. Такие образы памяти насыщены не только когнитивной и поведенчески-нормативной, но и эмоциональной окраской. Будучи «очищенными» от конкретных исторических событий, они представляют собой мифологизированные и поэтизированные образы добра и зла, выступают носителями социально значимых ценностей. В этом смысле совершенно уместно введение исследователями понятийно-категориального аппарата, содержащего понятия «ностальгии» (тоски-сожаления о прошлом) и «рессентимента» (навязчивого чувства злобы и ненависти к конкретным историческим моментам). Таким образом, коллективная память формирует символы, которые определяют границы общности с помощью маркеров, отражающих нормы, эмоции и смыслы. В соответствии с концепцией Ф.

Барта такие символы становятся символами идентификации и могут изменяться в зависимости от актуальной ситуации.

По убеждению П. Рикера, неразрывная связь памяти и идентичности находит свое подтверждение, прежде всего, в том, что память является нарративом, а идентичность по своей природе нарративна. Процесс мемориализации заключается в построении разных событий в некие серии, создании структурированного материала. При этом, из одного и того же события могут быть выстроены разные нарративы идентичности, в зависимости от того, в какую сюжетную структуру оно оказалось включено.

К.Э. Разлогов³⁴⁹, обращаясь к проблеме связи памяти и идентичности, говорит о многосоставности каждой этнической идентичности, основанной на различных культурных сообществах и формах исторической памяти. Запутанная история человечества в современной ситуации привела к тому, что в каждом человеке, в его биографии, в его прошлом и настоящем сосуществуют многие идентичности, которые находятся в сложных отношениях друг с другом. Возникает внутренний диалог человека самого с собой, такой тип коммуникации Ю.М. Лотман называл «я–я». Данная форма диалога имеет некоторые особенности. С одной стороны, между внутренними множественными идентичностями до конца не бывает договоренности, с другой – полная договоренность может перерасти в шизофрению, распад психики. Собственно говоря, шизофрения и есть окончательная форма множественной идентичности, когда человек существует в параллельных измерениях, но при этом, находясь в одном из них, он не помнит, что делал в другом. Разлогов отмечает, что в периоды кризисных ситуаций человечество рискует приблизиться к глобальной шизофрении. Чтобы избежать распада психики очень важно держать межперсональный и свой внутренний диалог в контексте только тех вопросов, которые не имеют в своей основе глобального мировоззренческого

³⁴⁹ Разлогов К. Э. Память и идентичность // Кол. монография : Культурная память в контексте национальной идеи России в XXI веке. М., 2011. С. 65–80.

характера и не приводят к распаду (духовному и физическому) человеческого и социального организма. В этом контексте, чуть ли не единственным спасением от разобщенности человечества, обусловленной разнообразием идентичностей и субкультур, ученый считает глобализацию духовной культуры. Культура основана на памяти, включающей систему нравов, традиции и обычаи, которая способна объединить разные культурные сообщества.

Таким образом, отечественные и зарубежные ученые с конца XX века активно обращаются к проблемам памяти и рассматривают различные дефиниции понятий «историческая память», «культурная память», «социальная память», вступают в дискуссии относительно проблемы перехода от индивидуальной памяти к коллективной. Современное понимание природы культурной памяти уходит от двух крайностей: понимания ее как хранилища устойчивых образов и представления о коллективной памяти как о пластичном и податливом к любым манипуляциям явлении. Культурная память представляет собой надиндивидуальный механизм хранения и передачи информации, а пространство культуры при этом является пространством некой общей памяти. Исследователями подчеркивается безусловная связь культурной памяти с самоидентификацией: коллективная память содержит образы событий, которые превращаются в символы групповой идентичности. На основе разных форм исторической памяти и разных культурных сообществ формируется сложная многосоставная этническая идентичность. Связь памяти и идентичности подтверждается и тем, что память является нарративом, а идентичность по своей природе нарративна. Кроме того, одно и то же событие может сформировать разные нарративы идентичности, в зависимости от сложившихся условий вокруг него. Культурная память имеет сложный механизм своего формирования и во многом подвержена влиянию внешних факторов. Специфика исследований культурной памяти

заключается в их междисциплинарном характере и использовании опыта зарубежных ученых в изучении проблематики *memory studies*.

2.2 Культурная память мигрантов Красноярского края и процессы этнической самоидентификации

Данный параграф будет посвящен изучению культурной памяти мигрантов, выявлению того, как содержание культурной памяти воздействует на процессы адаптации, интеграции и самоидентификации мигрантов. В современной мировой гуманитарной науке существует широкое разнообразие методологических подходов (аксиологический, структуралистский, функциональный, герменевтический, генетический, кросс-культурный, лингвокультурологический и т.д.) и различные качественные и количественные методы, такие как наблюдение, описание, полевые исследования, эксперимент, контент-анализ, нарративный анализ, обоснованная теория, фокус-группа и т.д. Каждый из них может быть эффективно использован для проведения исследований культурной памяти этнических групп мигрантов. Теоретические методы были применены в первой части исследовательской работы, а вторая глава будет основана на применении практических междисциплинарных методов. Для этнокультурного исследования этнических групп мигрантов привлечен метод фокус-групп, что обусловлено возможностью непосредственного знакомства с современным отношением людей разных этнических групп к собственной этнической культуре и культуре других групп, увидеть и зафиксировать динамику развития этнической группы.

Метод фокус-групп (сокращенно от «фокусированное групповое интервью») исторически представляет собой качественную методику исследований в социологии. Впервые метод был применен социологами Р. Мертоном и П. Лазарсфельдом в 1944 году, а первое теоретическое описание было осуществлено и представлено Р. Мертоном, П. Кендаллом, М. Фиске в учебнике «Фокусированное интервью» в 1946 году. На сегодняшний день метод фокус-групп широко применяется в социологии, культурологии, политологии, психологии, экономике и т.д. Отечественная традиция

использования данной методики находится в стадии становления, практически полностью основываясь на достижениях западной науки. Наиболее признанными авторами, популяризовавшими метод в стране стали Н.Н. Богомолова, С.А. Белановский³⁵⁰, О.Т. Мельникова и Т.В. Фоломеева³⁵¹.

Метод фокус-групп представляет собой глубинное интервьюирование представителей целевой аудитории. В процессе интервьюирования исследователи получают субъективные мнения респондентов о различных объектах исследования (товары, услуги, виды деятельности, продукты деятельности и т.д.). Иначе говоря, метод фокус-групп является групповой дискуссией, участники которой по возможности освободившись от идеологических установок, ощущают себя комфортно и раскованно в своих ответах, тем самым повышая ценность получаемой исследователями информации. Данная методика имеет свою специфику, которую можно представить следующими характерными особенностями:

- фокус-группы вовлекают людей в социальное взаимодействие;
- цель фокус-групп – собрать качественные данные из общих обсуждений;
- фокус-группы на деле доказывают, что собираемая информация естественна и пригодна для обобщений³⁵².

На первый взгляд такой метод воспринимается как фиксирование некоторых высказываний определенной собранной вместе группы по той или иной теме. Однако метод фокус-группы имеет ряд преимуществ и с помощью особых ходов позволяет:

- определить сам взгляд на ту или иную проблему;
- обозначить факторы, влияющие на него (как позитивно, так и негативно);

³⁵⁰ Белановский С. А. Метод фокус-групп. М., 1996. 272 с.

³⁵¹ СПбГУ, социопот. URL: <http://www.soc.pu.ru/inf/courses/350100/etnsoc.shtml>

³⁵² Крюгер Р. Фокус-группы. Практическое руководство для прикладных исследований (реферат). Sage Publikati, 1988. 61 с.

- вести дискуссию свободно и непринужденно, переходя от общих вопросов к частным и наоборот;
- рассмотреть все аспекты поставленной темы и одновременно каждый из них по отдельности;
- осуществлять общение гостей друг с другом, а также с модератором;
- получить такую информацию, которая лежит за рамками гипотез и значительно расширяет представления об исследуемой области, а может быть даже кардинального изменения взгляда на нее;
- выдвинуть гипотезы, сформулировать новые идеи и подходы по изучаемой теме.

Говоря о самой процедуре проведения фокусированного интервью, стоит отметить, что наряду с другими социологическими исследованиями, оно предполагает, во-первых, разработку программы, где ставится и обосновывается проблема, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, количество и состав фокус-групп, механизм сбора и обработки информации. На данном этапе, как правило, не выдвигаются никаких гипотез, определяющих осмысление некоторых проблем. Во-вторых, формируется команда, состоящая из модератора (опытный человек в исследуемой области) и ассистентов. Ассистенты занимаются аудио- и видеосъемкой, фиксируя специфику высказываний респондентов (эмоциональность, жесты, невербальные характеристики), следят за соблюдением дисциплины. В-третьих, осуществляется набор групп респондентов, который может предварять тестирование или интервью. При наборе участников фокус-групп также можно пользоваться случайным методом или методом «снежного кома» (к примеру, один участник озвучивает кандидата, соответствующего намеченным критериям, а этот кандидат, в свою очередь, называет другого кандидата и т.п.). Важно отметить, что использовать уже сложившиеся группы, группы из хорошо знакомых между собой людей, участников предыдущих фокус-групп или специалистов в исследуемой области не рекомендуется, поскольку это

оказывает влияние на характер обсуждений. В-четвертых, составляется организованный план (гайд), состоящий из приветствия, ознакомления с основными правилами, формулирования вопросов, разделенных на смысловые части. В плане указывается время и длительность перерывов.

Такой механизм исследования создает благоприятные условия для спонтанного проявления эмоций и выражения искренних мнений участников фокус-группы. Именно в процессе групповой дискуссии, моделирующей реальную ситуацию, взгляды и мнения на нее, люди общаются осмысленно, осознают ответственность за сказанное ими. Качественные исследования характеризуются динамикой, вариативностью, которую можно использовать с максимальной пользой: активность, равнодушие к заданной теме провоцируют спонтанные, незапланированные (непроигранные заранее) самими участниками ответы, поскольку зачастую присутствие других людей оказывает стимулирующее действие. Материалы дискуссии, представленные в отчете, оказываются более доступными пониманию заказчика исследования, в то время как количественные данные опросов в виде графиков и диаграмм заказчика удовлетворяют не всегда. Метод фокус-групп дает быстрые результаты и сравнительно экономичен.

Сторонники качественных методов в современных исследованиях убеждают, что стоит отказаться от традиционных, формальных методов и обратиться к методам, использующим общение, оперирующим живыми понятиями и языком, поскольку «это возврат к внутренней структуре русского языка, особенно к фильтрам, потому что русский язык совершенно уникальный» (круглый стол «Ценности, которые у нас есть», июль, 2005, Л. Бызов, Н. Львов, В. Игрунов и др.), он способен широко выразить ценности и стереотипы людей. Это убеждение в очередной раз подтверждает актуальность применения открытого способа ведения исследования – общения с фокус-группой.

Более того, необходимость использования качественных социологических методов при исследовании этнических миграционных

процессов обусловлена тем, что они не просто содержательны, они интегрируют методы, основные исследовательские подходы и наработки в области социологии, истории, этнографии, социальной и культурной антропологии, а значит, обладают большей объективностью и разносторонней обоснованностью полученных результатов. Такие методы позволяют глубинно вникнуть, осознать, смоделировать отношения между различными этносами, детально зафиксировать специфику этнического видения мира и самоидентификации в нем этнокультурных групп.

Основательное изучение метода фокус-групп проводит С.А. Белановский в книге «Метод фокус-групп». Он описывает генезис возникновения данного метода, характеризует причины сдвига методических ориентаций в направлении качественных методов в академической социологии, рассматривает теоретические аспекты метода групповых интервью, фокус-группы в контексте эмпирических методов социологии, описывает общие принципы формирования групп, организацию проведения фокусированного интервью и т.д. Группа, сформированная для проведения интервью, является некой моделью общества, следовательно, выводы по конкретной группе можно переносить на более обширную сферу человеческого бытия. Групповое интервью дает возможность для самонаблюдения и самоанализа, в то время как в обыденной жизни многое происходит на подсознательном и полусознательном уровне, много привычного и автоматического, что «даже организованно мыслящий человек обладает весьма ограниченным проникновением в свои собственные установки и мотивации».

Проводятся различные семинары и конференции в основных, фундаментальных институтах культурологического, социологического, этнографического знания на тему интеграции археологических и этнографических исследований, поднимаются вопросы изучения этничности,

этнических общностей и процессов, проблем современности с применением интегрированных качественных методов^{353 354 355 356 357 358 359 360 361}.

Е.В. Дмитриева в статье «Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения анализа»³⁶² рассматривает возможности применения метода не только в области маркетинга, а также всевозможные теории определения специфики метода и, опираясь на подходы Р. Мертона, И. Голдмана, Р. Крюгера, предлагает следующее определение: «фокус-группа есть качественный метод сбора социологической информации в гомогенных (по значимым для исследования признакам) группах, имеющих фокус обсуждения, с участием ведущего, основанный на принципах групповой динамики». Обосновывает целесообразность применения метода в социологии, указывая на главное качество фокус-группы – групповую динамику, непрерывный процесс взаимодействия участников, где открывается возможность выявления существующих проблем (воздействие мнений респондентов друг на друга, боязнь высказаться прилюдно, появление спонтанных конфликтов или специально созданных модератором). Особенностью метода также является тот факт, что участники могут вести себя непринужденно (в сравнении с обычной малой группой), поскольку целью является получение ряда мнений по той или иной теме, а не принятие

³⁵³ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии Наук / Интернет-журнал Сибирский этнографический вестник. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica>.

³⁵⁴ Кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page>.

³⁵⁵ Сибирский филиал Российского института культурологии. URL: <http://sfrik.omskreg.ru>.

³⁵⁶ Томилов Н. А. Итоги и перспективы этнографического изучения народов Сибири и Дальнего Востока / сайт Института археологии и этнографии сибирского отделения РАН. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/?html=O13.htm&mi=25&id=659>.

³⁵⁷ Томилов Н. А. Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» и его вклад в развитие российской этноархеологии // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 91–119.

³⁵⁸ Томилов Н. А. Народы и национальные группы Западной Сибири в 60–90-е годы XX в. и решение национальных проблем / Н. А. Томилов // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 4. С. 42–45.

³⁵⁹ Томилов Н. А. Подготовка кадров этнографов в области изучения культуры народов Сибири // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. Омск, 2001. С. 19–25.

³⁶⁰ Томилов Н. А. Этничность, этнические общности и процессы (в связи с работами Владимира Федоровича Генинга) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С. 15–18.

³⁶¹ Томилов Н. А. Этнографическое и этносоциологическое изучение восточных славян Западной Сибири в последней четверти XX века // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2000. № 3. С. 48–51.

³⁶² Дмитриева Е. В. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 133–138.

совместных решений и группового консенсуса». Полученная информация проверяется на репрезентативность и с этой целью необходимо соблюдать рекомендации по формированию группы участников. Аналитика материалов по результатам фокус-группы должна осуществляться по вербальным и невербальным сведениям. Наиболее результативными являются лингвистический анализ (анализ беседы), дискурс- и контент-анализ. Исследователь устанавливает в процессе обработки материалов связь между текстом и явлениями, стоящими за высказываниями (формы социального контроля, гендерные отношения и др.). Отмечается, что текст есть не просто набор подобранных слов, а вариация события или феномена, представленная индивидом и имеющая полное право на существование. Команда, организующая и проводящая фокус-группу должна осознать процесс формирования вербальных и невербальных символов, выделить особый контекст, который утрачивается при использовании количественных методов исследования. Автор ставит проблему полагания исключительно на данные фокус-групп в исследованиях, однако для социологии метод является незаменимым, обеспечивая возможность зафиксировать аутентичность предоставляемых ответов и множество аспектов видения одной и той же области.

И.В. Чеховский³⁶³ изучает метод фокус-групп в контексте методологии эмпирической социологии, в рамках которой он позволяет раскрыть латентные социальные проблемы (межэтнические отношения, отношение к бедным, отношение к инвалидам, отношение матери к детям, подростковые проблемы и т.д.), а также достигнуть цели в масштабных исследовательских проектах, следовательно, данная методика используется не только как базовая, но и как вспомогательная, дополняющая основной метод.

³⁶³ Чеховский И. В. Методология социологических исследований / Метод фокус-групп в контексте групповых интервью. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=814>.

Е.А. Брянцева изучает особенности формирования и применения метода фокус-группы в социологическом исследовании³⁶⁴; метод фокус-группы как инструмент анализа потребительской социализации в современной России³⁶⁵; фокус-группы в социологическом исследовании ценностей матерей новорожденных детей в условиях медицинского учреждения³⁶⁶.

За последние десятилетия отечественными и зарубежными учеными накоплен не только большой теоретический материал, но и значительный исследовательский опыт применения качественного метода среди гуманитарных наук. С помощью метода фокус-групп в интеграции с другими методами исследуются вопросы миграции, межэтнических и межконфессиональных отношений, этнической и гендерной идентичности, мультикультурализма, этнополитики и т.д.

Московский центр гендерных исследований применяет метод фокус-групп при изучении гендерной идентичности³⁶⁷. Гендерная идентичность рассматривается как основа социальной идентичности, которая характеризует индивида с позиции его принадлежности к женской или мужской группе. В этом контексте очень важным является то, как сам индивид себя идентифицирует. Использование метода фокус-групп дает возможность исследователям создать условия тесного и в тоже время динамичного взаимодействия с респондентами, осуществить глубинный уровень обсуждений и рефлексирования важнейших вопросов гендерности.

³⁶⁴ Брянцева Е. А. Особенности формирования и применения метода фокус-группы в социологическом исследовании / Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. Ломоносова. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=q-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about-%f4%ee%ea%f3%fl--00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=lomon&cl=search&d=HASH3d10941bdc94efd0acf613.2>.

³⁶⁵ Брянцева Е. А. Метод фокус-группы как инструмент анализа потребительской социализации в современной России // Будущее России: стратегии развития. Материалы Межд. научн. конф. «Ломоносов-2005». Сб. статей молодых ученых. М., 2005.

³⁶⁶ Брянцева Е. А. Фокус-группы в социологическом исследовании ценностей матерей новорожденных детей в условиях медицинского учреждения // Перспективные разработки науки и техники. Сб. ст. VII международной научно-практич. конф. Психология и социология. 2011. Т. 31. С. 86–90.

³⁶⁷ Московский центр гендерных исследований / Фокус-группа: изучение гендерной идентичности. URL: <http://www.gender.ru/pages/resources/catalogue/index.php?prgid=18&id=2&subid=2>.

С 2006 года Фонд «Наследие Евразии» является одним из участников проведения комплексного исследования процессов, происходящих в среде российских соотечественников в четырех странах Европы (Германии, Латвии, Румынии, Эстонии). В 2008 году был организован проект «Невозможность диаспоры. Русские и русскоязычные в странах Евросоюза»³⁶⁸, направленный на исследование положения соотечественников в странах Европы. Методологической основой исследования стали эмпирические методы, среди которых был использован метод фокус-группы в параллели с методом экспертного опроса. Референтными группами выступило русскоязычное население, принимающее участие в разработке, реализации, информационном освещении этнополитики в странах проживания, в деятельности по поддержке и развитию русского языка, культуры и образования, защите интересов диаспоры и т.д. Участниками массового опроса стали люди, идентифицирующие себя как носителей русского языка, культуры и традиций, независимо от их гражданства и этнической принадлежности. Мониторинг результатов беседы позволил определить структуру российской диаспоры, этнический состав в каждой изученной стране, историю становления диаспоры, целый спектр характеристик, свидетельствующих о степени включенности диаспоры в социальное пространство страны проживания. Одним из таких сигналов является доля членов диаспоры, имеющих гражданство соответствующих государств. В этом контексте все четыре страны представляют собой противоположные типы. Таким образом, результаты исследования показали, что в условиях проживания в Евросоюзе для ряда категорий русскоязычных соотечественников обладание статусом гражданина не имеет решающей роли. А вот вопрос владения языком является ключевым для идентификации российской диаспоры и определения ее специфики, при этом фокус-группы позволили установить, что значимым является владение как языком

³⁶⁸ Гаврилов К. Невозможность диаспоры. Русские и русскоязычные в странах Евросоюза / Политический журнал. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=8304&issue=222>.

титульного этноса, так и русским языком. Результаты исследования показали, что самой интегрированной в общество диаспорой, сохранившей свою самобытность, является диаспора в Румынии, однако ее представители занимают периферийное положение в «русском мире». Российские диаспоры в Германии, Эстонии и Латвии не существуют, что обусловлено их неоднородностью ни по этнической принадлежности, ни по отношению к России. Полученный материал расширяет исследовательское поле, предоставляет возможность рассмотрения понятия «этноса» в целом, поднять проблемы определения границ этноса в социуме, механизма формирования групп и т.д.).

О.В. Щедрина занимается изучением темы миграции, политики мультикультурализма³⁶⁹, обсуждением потенциала политики, указанной на государственном уровне и рассматриваемой в исследовательских проектах, осуществленных под руководством Л.М. Дробижевой. На основе метода фокус-групп воспроизводится возможность мультикультурализма и создания мультикультурной интеграционной модели. О.В. Щедрина подробно описывает проблему и методологию проведенных исследований: «Принятие мультикультурной интеграционной модели государством означает, что оно открыто для иноэтничных мигрантов и берет на себя создание условий для их интеграции. Между тем, в России по причине полиэтничности собственного населения правительство вынуждено думать не только о мигрантах, но и о народах, которые давно проживают на территории страны». Интеграция культурно и этнически различающихся народов, развитие массовых представлений о российской идентичности, объединение этнически разнообразного населения вокруг общих целей и ценностей является одной из основных задач государства. Стабильный рост этнофобий указывает на то, что эти задачи крайне актуальны для современной России.

³⁶⁹ Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / Социологические исследования. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit02.php>.

Центр этнической социологии ИС РАН по заказу правительства Москвы проводил исследование межэтнических отношений в городском пространстве³⁷⁰. С целью выявления установок в отношении этнических мигрантов был использован метод фокус-групп с молодежью из столицы (студентами 4-5 курсов московских вузов). Данная группа была избрана как прогнозирующая, ведь через несколько лет именно их установками будет определяться специфика межэтнических отношений в городском пространстве. Анализ данных материалов фокус-групп показал завышенную оценку количества этнических мигрантов в Москве, что позволяет говорить о наличии мигрантофобии (респонденты оценили долю мигрантов в населении Москвы в пределах от 40 до 60 %) ³⁷¹. Кроме того, студенты, являющиеся представителями принимающего городского пространства, проявили негативное отношение как к этническим мигрантам, так и к мигрантам вообще. Не нашли поддержки со стороны респондентов и идеи оказания мигрантам государственной поддержки в процессе адаптации, в том числе образования адаптационных центров и иных общественных программ, направленных на содействие этническим мигрантам³⁷².

О. В. Щедрина предлагает возможные способы решения этой проблемы, анализируя уже существующие. Положение в России таково, что ни одна из интеграционных моделей не воспринимается безоговорочно положительно: мультикультурализм находит критику большинства, а ассимиляция не удовлетворяет ситуации этнических меньшинств тех народов, для которых Россия является страной исконного проживания. Однако допустим еще один путь, к которому прибегают страны, считающие невозможным официальное принятие мультикультурализма по определенным причинам. Между тем применять его интеграционный ресурс с целью сохранения самого государства необходимо. В качестве подобной

³⁷⁰ Роббер М. А. Групповое интервью // Хрестоматия по социальной психологии. М., 1995. С. 189–193.

³⁷¹ Сайт Вячеслава Игрунова. URL: <http://igrunov.ru/prj>.

³⁷² Щедрина О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / Социологические исследования. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit02.php>.

компромиссной модели может выступить организация деятельности на мультикультурных основаниях государственных структур, представители которых находятся в непосредственном взаимодействии с полиэтничным населением. Такая деятельность позволит передать мультикультурные идеологемы по всей системе управления, вплоть до подразделений локального уровня, расширяя и закрепляя использование таких практик на местах. Кроме того, подобная модель позволит государству более эффективно воздействовать на специфику и состояние межэтнических отношений в регионах, сохраняя за собой контроль над практическим применением мультикультурной политики. Российские власти, применяя действующий по мультикультурным принципам государственный институт как канал своего воздействия, может решить вопрос защиты интересов русскоязычного населения в определенных российских республиках, которое зачастую, по данным этносоциологических исследований, идентифицирует себя как этническое меньшинство. Такое признание «права на культурное отличие» способно отразить готовность государства к более толерантному и либеральному осуществлению процесса интеграции в интересах всех граждан страны.

Таким образом, современная научная литература позволяет сделать вывод о том, что в последние 20 лет стремительно расширяется область применения метода фокус-групп среди гуманитарных наук. Это обусловлено тем, что организованная групповая дискуссия позволяет выявить глубинный индивидуализированный материал, неосознаваемые индивидом в обыденной жизни стороны отношения к определенным явлениям и предметам, выяснить причинно-следственные связи функционирования социально-психологических явлений. В отличие от индивидуальных опросов, в процессе которых проводится исследование с использованием единых четко структурированных схем (анкет), в фокус-группе используются методы глубинного группового интервью, позволяющие получить от исследуемых информацию, которая не «лежит на поверхности», а представляет обширный

ряд отношений и мнений к той или иной проблеме. Достоинством данного метода является объем информации и широчайшие возможности её интерпретации. Кроме того, круг задач, решаемых с помощью фокус-групп, невероятно широк, группа респондентов в исследовании предстает как полноценная модель социума. Именно поэтому метод фокус-групп нашел широкое применение в этнокультурных исследованиях (исследования этнографии, межэтнических и межконфессиональных отношений, миграционных процессов и т.д.).

Применение метода фокус-групп для анализа содержания культурной памяти этнических групп мигрантов и ее влияния на процессы интеграции, адаптации и самоидентификации

Мигранты Красноярского края на современном этапе

Красноярский край наряду с другими регионами Российской Федерации представляет собой межэтническое и межнациональное пространство, отличается высокой степенью культурного и языкового разнообразия народов. На сегодняшний день на территории края проживает 159 этнокультурных групп. Население Красноярского края, расположенного в центре России и отдаленного от государственных границ, отличается большой миграционной подвижностью. Следует так же отметить, что если в результате обмена с другими субъектами РФ происходит отток жителей (анализ статистических данных показал, что за период 2003–2015 гг. Красноярский край в результате миграционного обмена потерял 48 606 человек), то вследствие международной миграции численность населения увеличивается (Табл. 1). Мигранты расселились практически по всей территории края, при этом преимущественно в городах, там их обосновалось почти в 2,7 раза больше, чем в сельских местностях. Это обусловлено тем, что в городах гораздо проще трудоустроиться, не имея высшего и

профессионального образования, кроме того, в городах наиболее развита социальная инфраструктура.

Таблица 1 Миграционный прирост населения Красноярского края вследствие международной миграции (данные Росстат).

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2015	2016	2017
Азербайджан	- 29	- 10	573	929	1054	920	637	694	673
Армения	37	188	764	905	949	521	516	570	17
Казахстан	774	512	542	608	628	477	713	673	395
Киргизия	375	507	1482	1558	1377	1111	537	946	673
Таджикистан	36	125	761	935	1449	1290	1172	1652	2118
Узбекистан	212	254	481	392	461	404	248	217	13
Украина	- 45	- 22	621	350	476	359	2610	1303	341

В 2017 году в Красноярский край прибыло 125011 человек, выбыло – 124082 человека. Общий миграционный прирост населения составил 929 человек (в 2016 году – 4828 человек). Миграционный прирост международной миграции в 2017 году (5394 человека) обеспечили государства-участники СНГ, положительное сальдо обмена с которыми составило 4757 человек (по данным Росстат).

Каждая этнокультурная группа имеет желание и стремление сохранить свою идентичность. По этой причине проблема этнической самоидентификации является крайне актуальной ввиду возможного проявления этнического самосознания в коммуникативном пространстве различных этнокультур.

Одной из самых выделяющихся этнокультурных групп на территории Красноярского края является армянская группа, обладающая самобытной богатой национальной культурой. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. в Красноярском крае насчитывалось 10,677 представителей армянской этногруппы. Большинство армян проживает в городской местности (86,7 %), основная часть из которых – в г. Красноярске (6,1 тыс.

человек). С 1998 года в Красноярске функционирует общество армянской культуры «Ехпайрутюн» («Братство»), а с 2000 года начал осуществлять свою деятельность народный хореографический ансамбль «Армения». В 2002 году в Красноярске открылся храм Святого Саркиса (Сурб Саркис), а в 2017 году была открыта армянская воскресная школа им. Месропа Маштоца.

Армянская этнокультурная группа зарекомендовала себя как одна из самых прогрессивных в контексте продвижения в социальных сетях и формирования собственной информационной площадки. Такая инициатива армян в привлечении людей к своим мероприятиям обусловлена желанием вовлечь как можно больше людей в свою культуру, заинтересованностью в межнациональной коммуникации, взаимообмене традициями, обычаями и ценностями. Учеными Сибирского федерального университета было проведено исследование с применением метода фокус-групп, целью которого было выявление особенностей этнической манифестации армянской культуры на территории Красноярского края. Как и предполагалось, тема информационного поля вызвала активную реакцию респондентов. Главная причина мотивации информационных инициатив армянской группы отражена в следующем высказывании: «Мы – армяне и мы хотим, чтобы о нас знали. Мы хотим, чтобы вы знали, кто ваши соседи и какая у нас особенная культура с тысячелетней историей»³⁷³. Кроме того, исследование позволило сделать вывод о том, что традиции, которым молодое поколение армян следует на современном этапе, главным образом касаются взаимоотношений между парнем и девушкой. Из этого следует, что трансляция манифестации армянской идентичности через традиции осуществляется в поведении, заданном их этнической культурой. Эти традиции неуклонно оберегаются и сохраняются. Что касается других бытовых традиций, они практически полностью демократизировались,

³⁷³ Севруженко Н. С. Этническое осознание армян в региональном информационном пространстве Красноярского края // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы. Сборник материалов междунар. науч. конференции. Красноярск, 2017. С. 36–41.

видоизменились под актуальную культурную ситуацию. Результаты исследования показали, что этническая манифестация армян существует в следующих формах: 1) интернет-сообщества; 2) общественные мероприятия; 3) общественные организации. Для поддержания этнической идентичности армян в информационном пространстве используются такие инструменты, как таргетинг, хэштеги, СМС-рассылки, репосты с различных сообществ новостного контента, музыкальное сопровождение, фото- и видеоматериалы.

Подготовка и проведение фокус-группы

На базе кафедры культурологии ГИ СФУ было организовано проведение круглых столов с представителями этнических групп наибольших по численности диаспор в Красноярском крае, а именно азербайджанцев и армян.

Подготовка и проведение фокус-группы включали в себя все стандартные составляющие: разработка программы исследования; 2) определение выборки, рекрутирование участников; 3) разработка методики (сценария) конкретной фокус-группы, составление топик-гайда (списка вопросов); 4) подготовка к проведению фокус-группы; 5) проведение фокус-группы с записью ее хода; 6) качественная обработка и интерпретация данных; 7) подготовка отчета.

К обсуждению модератором и экспертами составлялся **перечень вопросов**, которые необходимо было задать участникам.

1. Тема – семья:

- 1) Как вы считаете, какой могла бы быть идеальная семья?
- 2) Какие жизненные планы у Вашей семьи? Какие из них стоят на первом месте? Какие должны быть достигнуты в ближайшее будущее?
- 3) Каким образом распределяются «семейные обязанности» в Вашей семье? Если провести аналогию, то для Вашей семьи наиболее характерен тип «монархия», «демократия» или «республика»?

4) Как в Вашей семье решаются конфликтные ситуации? Какие наиболее часто случаются?

2. Тема - образование:

1) Отвечает ли то высшее образование, которое сегодня существует в России потребностям Вашей этнической группы? Есть ли разница между тем, где получать высшее образование? Влияет ли данный факт на судьбу детей?

2) Как бы Вы предложили воспитывать детей, чтобы не возникали этнические конфликты?

3) Какие дисциплины Вы бы предложили ввести в школьную или вузовскую программу? Как бы Вы учили своих детей?

4) Могут ли происходящие в России реформы образования как-то способствовать более комфортному включению иностранных студентов в российскую действительность? В чем Вы видите преимущества системы образования в СФУ?

3.Тема – трудовая занятость:

1) Возникают ли у Вас сложности с трудоустройством?

2) Какого рода сложности?

3) Вас устраивает Ваша работа? Вам интересен этот вид деятельности или речь идет исключительно о способе зарабатывать деньги?

4. Тема – культурные традиции:

1) Удастся ли Вам соблюдать традиции Вашей культуры здесь, в Сибири? Например, отмечать традиционные национальные праздники?

2) Ваши дети знают традиции Вашей культуры (песни, сказки, праздничные ритуалы и т.п.)?

5. Тема – межэтнические отношения:

1) Как Вы относитесь к межэтническим бракам? (Вы бы позволили своим детям выбрать спутника жизни не вашей национальности?)

2) Считаете ли Вы Красноярск домом на 100%, или есть тяга к историческому этническому центру?

3) Входят ли в круг Ваших знакомых и друзей представители других этногрупп? Либо Вы стараетесь держаться своего круга (поддерживаете отношение только с представителями своего этноса)?

4) Возникали ли в Вашей жизни конфликтные ситуации, связанные с этнической принадлежностью?

6. Тема – язык:

1) Есть ли у Вас проблемы с родным языком и государственным языком?

2) Необходимо ли создание отдельных школ для детей той или иной этнической группы и нужно ли это детям, для их полноценного развития, воспитания и образования (введение хакасского языка в школы)?

3) Ваши перспективы в Красноярском крае?

Стандартное число участников фокус-групп 6–10 человек. Круглые столы СФУ собирали от 7 до 10 человек. Эта численность оптимальна в смысле простоты управления дискуссией: увеличивается полезный эффект от обсуждения, исключается возможность длительных монологов, отхода от темы, затухания дискуссии и т.д.

Основной упор при подборе участников был сделан на максимальную репрезентативность: приглашения к участию получали мужчины и женщины, представители разных социальных групп (от простых рабочих до высших чинов), учитывались все остальные возможные характеристики – возрастные, гендерные, религиозные, языковые (обязательным в проведении стола было участие людей религиозных и говорящих на родном языке). Сохранены были ведущие принципы отбора участников фокус-групп – гомогенность и разнообразие участников. Гомогенность означает, что фокус-группы должны формироваться из определенных популяционных групп в соответствии с целью исследования. Разнообразие означает, что внутри популяционной группы должен сохраняться принцип случайного отбора, чтобы все точки

зрения были представлены³⁷⁴. Конкретно поиск осуществлялся через Интернет-ресурсы (высылка приглашений на электронный почтовый ящик), посредством телефонных приглашений, через личные связи. Также использовалась наиболее известная методика рекрутирования – «снежный ком» (интервьюируемые с заданными характеристиками отыскиваются из числа «знакомых своих знакомых»), однако соблюдается основное требование к этому способу – чтобы модератор и его ассистенты не были знакомы с участниками фокус-группы).

Список предполагаемых и желаемых к участию представителей этнических групп был распределен между ответственными преподавателями и аспирантами кафедры культурологии. Самой главной задачей каждого из них было формирование идеальной группы, состоящей из мигрантов различных по какому-либо признаку (социальный, возрастной, гендерный признак), но относящих себя к конкретному этносу (даже если прожил на территории Красноярска более 5-10-15 лет). Приглашались готовые к сотрудничеству люди, открытие для диалога культур.

Исключалась возможность участия в обсуждении лиц, которые могли быть знакомы с процедурой проведения фокус-групп (ранее участвовали в фокус-группе), либо – с модератором, профессионально знакомы с предметом обсуждения, сослуживцы и т.п.

Для участия в фокус-группах приглашены были респонденты, тема обсуждения для которых была общей, а именно определение содержания культурной памяти каждой этнической группы мигрантов и выяснение ее влияния на процессы адаптации, интеграции и самоидентификации в принимающем обществе. Фокус-группы представителей этнических культур должны быть обязательно однородными по социально-, культурно- и национально-значимым признакам. Это впоследствии оказывает воздействие

³⁷⁴ Брянцева Е. А. Особенности формирования и применения метода фокус-группы в социологическом исследовании // Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. Ломоносова. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=q-000-00---0lomon--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about-%f4%ee%ea%f3%f1--00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=lomon&cl=search&d=HASH3d10941bdc94efd0acf613.2>.

на достоверность полученных результатов, поэтому данное требование целесообразно не только с научной точки зрения, но даже с этической. Различия по вышеуказанным характеристикам вызывает у представителей разных этнических групп либо уклонение от ответов, либо несдержанные негативные высказывания, что в целом создает дискомфорт в аудитории.

Модератором фокус-группы выступила Наталья Петровна Копцева, профессор, доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Выбор модератора осуществлен благодаря наличию:

- опыта проведения групповых занятий,
- умению устанавливать контакт, проявлять искреннюю заинтересованность к другим людям,
- умению поддерживать спонтанность высказываний участников,
- хорошей памяти (на вопросы топик-гайда и ответы участников),
- умению эмпатического слушания,
- умение одновременно слушать и думать,
- способности сохранять беспристрастность к участникам фокус-группы и к высказываемым
- умению повернуть ход беседы, вернуться к основной теме,
- способности вызывать доверие и способствовать формированию свободной доброжелательной атмосферы,
- чувству времени для организации групповой дискуссии,
- знанию процессов групповой динамики.

Модератор является ответственным за разработку топик-гайда, или плана работы фокус-группы. Согласно заранее разработанной тактике работа фокус-группы модератором ведется следующим образом:

- а) вступительное слово;
- б) разъяснение участникам группы ее целей и задач;
- в) знакомство участников друг с другом;

д) нейтральные, располагающие к беседе вопросы (т.н. «разбивание льда»), на которые без затруднения может ответить каждый;

е) дискуссия, постепенная проблематизация;

ж) обсуждение возможностей решения проблем;

з) подведение итогов встречи.

Организация внутригруппового взаимодействия осуществляется посредством применения методических приемов цитирования сказанного ранее, метода «наивных вопросов», прямых вопросов, использования вопроса «почему», и т.п. Модератором используются активно техника «пятисекундных пауз» и «просьб об уточнении» (пауза после высказывания участника группы, которая предопределяет высказывания дополнительных мнений или поддержку высказанной точки зрения); «просьбы об уточнении ответа» – модератор может попросить уточнить ответ, к примеру: «Не могли бы вы высказаться об этом подробнее» или «Пожалуйста, расскажите, что вы имеете в виду». Как правило, подобные просьбы используют в начале работы группы, чтобы продемонстрировать ее участникам важность точных ответов. К концу работы группы задаются закрытые (структурированные) вопросы, с тем, чтобы ответы были более сконцентрированы на обсуждаемых определенных проблемах.

Спецификой фокус-группы является построение обсуждения не столько по конкретным, «в лоб», вопросам, сколько вокруг определенных тем. Главной задачей модератора является контроль диалога, проблематизация ситуации, направление беседы в соответствующее цели русло. В задачах модератора также важнейшим стало стремление за ограниченное время встречи поговорить о действительно важных вещах, и, в то же время, следить за тем, чтобы люди свободно высказывали свое мнение по задаваемым вопросам, чувствовали и вели себя открыто, доброжелательно. Беседа ведется на максимально приближенном к разговорному, понятном респондентам языке. Используется двухуровневый принцип общения (укрупненная тема и входящие в нее конкретные вопросы),

гибкая система диалога (в ходе обсуждения запланированная логика в той или иной мере может нарушаться, однако вопросник не строг и не вносит хаос в структуру обсуждения, служа напоминанием к основной теме обсуждения).

Стратегия дискуссии – постепенный переход от более широкой темы к конкретизации вопросов: происходит сужение вопросов, ориентация на получение четкого ответа, поскольку, чем меньше версий ответа на одинаковую проблему высказано участниками, тем более углубленной является получаемая информация (чем больше теорий рассматривается участниками публичного обсуждения, тем меньше времени будет уделено обсуждению каждой из них).

Целевая аудитория – ученые, преподаватели, представители этнических групп мигрантов, аспиранты, соискатели, студенты, менеджеры культуры.

Результаты исследования этнокультурных групп Красноярского края с помощью метода фокус-групп

В результате организации и проведения групповых дискуссий с этнокультурными группами Красноярского края (азербайджанцами и армянами), целью которых было выявление отношения представителей этнических групп к проблемам истории своего народа, родины, семьи, этничности, межэтнических отношений, ассимиляции, интеграции, этнической самоидентификации, можно зафиксировать следующие тезисы.

История и родина. Представители каждой этнической группы, не потерявшие идентификации со своим этносом и стремящиеся ее сохранить, хотят уехать на историческую родину.

Участники фокус-группы поясняли, что представители армянской этнокультурной группы «приехали на сибирские стройки в 90-х гг. XX в., а также, спасаясь от межэтнических конфликтов, приезжали в эпоху СССР обучаться в вузах г. Красноярска. Создали семьи, приобрели работу и остались «временно». Младшее поколение ориентировано уехать либо на

родину родителей, где остались бабушки, дедушки, другие родственники; либо на Запад, в США, например, где одна из самых крупных в мире армянских диаспор; либо в Австралию, где также складывается армянская община.

Участники фокус-группы говорили, что армянскому народу свойственно сильное чувство этнического братства: уважение к родственным чувствам, гостеприимство, чувство собственного достоинства. Отмечается также особое отношение к вере: армянская христианская церковь – «древнейшая в мире, армяне приняли христианство сразу же после первого знакомства с ним, вскоре после воскресения Христа». Верующие посещают исключительно армянскую церковь, которую содержит армянская диаспора.

Для армянской этнокультурной группы родина представляет собой родную землю, место, куда все армяне стремятся вернуться (в том числе и для тех, кто родился уже в Красноярском крае). Они относятся к родине с ярко выраженной любовью (это «Земля Обетованная»), несмотря на то, что многие армяне и сейчас уезжают на заработки в другие страны.

Более того, родина каждой этнокультурной группы понимается ее представителями как центр мира, исторически первая земля, важнейшая не только для России, но и для мира.

Остаться в России, в Красноярском крае, готовы те, кто уже ассимилировался – молодое поколение, родившееся в Красноярском крае, общающееся с местным населением. Участник фокус-группы азербайджанской национальности сделал следующее высказывание: «Конечно, я считаю Красноярск своим родным городом и, потому что здесь родился, и, потому что все детство, 18 лет провел здесь. Как говорится, дом – это там, где тебе хорошо, мне здесь очень хорошо, меня здесь всё устраивает».

Азербайджанцы не забывают свой национальный язык, свою культуру, в семье говорят на родном языке. Желание азербайджанцев – участников

фокус-группы – заключается в том, чтобы на территории их родины восстановился порядок, и они могли вернуться туда.

Кроме того, участники фокус-групп отмечают престижность принадлежности к своему этносу. Они отмечают такие позитивные качества своего народа, как: высокие моральные качества, успеваемость детей (*«даже похвальные слова со стороны педагогов»*), выбор престижной профессии, уважение к родителям и т.п.

Для большинства участников фокус-групп приемлемы межэтнические браки, но, тем не менее, заметно стремление к сохранению моноэтничности брака. При выборе жены своему сыну за моноэтничность браков преимущественно ратуют представители старшего поколения, формируя и закладывая образ идеального брака в сознание молодежи. Для участников фокус-группы армян семья – важнейшая ценность, начало начал, главная опора. Национальность супруга при этом не важна, главное – это его мораль и жизненные принципы.

У представителей фокус-группы азербайджанцев идеальная семья не зависит от этничности, главное – это взаимоуважение и взаимопонимание сторон. В выборе невесты важную роль играют родители. Родители воспитывают в детях с раннего возраста уважение к людям вне их этнической принадлежности, нет межэтнической ненависти. Девушки выходят замуж в большинстве случаев за азербайджанцев, мужчины же могут брать в жены представительницу другой этнической группы. Отмечается, что у данной этнокультурной группы очень крепкие семьи – по статистике всего 3% разводов.

В целом, семья – это первоначало, институт, где формируются основные ценности, причем независимо от территориального расположения – на своей родине или на территории фактического пребывания (большинство участников фокус-групп говорят дома на родном языке, прививая навык родной речи детям).

Проблемы бытового национализма. Участники азербайджанской фокус-группы говорили, что меньше всего толерантны жители Москвы и Санкт-Петербурга, что такая проблема есть и в Красноярске, причем мигрантофобия и ксенофобия напрямую связаны с уровнем доходов населения: чем меньше доходы людей, тем сложнее их межэтнические коммуникации.

Отмечается, что толерантность по отношению к другим этносам преимущественно наблюдается в интеллигентных кругах и среди старшего поколения (проживавшего еще при Советском Союзе). Соответственно, чем ниже социальный статус, тем более высока нетерпимость по отношению к другим этносам.

Молодое поколение относит себя к собственной этнической группе преимущественно в своем коллективе (к примеру, в общественных организациях, культурных объединениях, на территории других стран).

Таким образом, применение качественного метода фокус-группы в изучении этнокультурных процессов позволяет определить наличие четкой этнической идентичности у старшего поколения, сформированной в специфичной культурной среде: принадлежность человека к определенному этносу, отождествление себя с его представителями и культурой (традициями, ценностями, нормами, памятью), обособление от других этносов. Личность, идентифицируя себя со своей этнической группой, реализует культурную память в этнической культуре. Этническая идентичность достигается человеком на основе формирования определенного мировоззрения и определенной модели мироотношения как с внешними, так и с внутренними факторами, обуславливающими его бытие. Молодое поколение, напротив, отождествляет себя с российской культурой. Социальное наследование молодежи отличается от их этнического наследования: происходит этническая ассимиляция (язык, культура повседневного общения в иноэтничном пространстве), но об этнокультурной консолидации говорить пока не приходится.

Использование фокус-группы среди представителей конкретных этнических культур является перспективным и информативным методом сбора социологической и культурологической информации. Методологическими основами использования качественных методик исследования миграционных процессов и межэтнических отношений, в частности метода фокус-группы, является благоприятный синтез определенных теорий (этнометодологические и феноменологические теории, интерпретативная социология, символический интеракционизм) и возрастных, этнических, культурных, социально-психологических характеристик людей, принадлежащих к разным этнокультурным группам. Такая методологическая база формирует направление изучения этносов от повседневного «жизненного мира» каждого отдельного представителя той или иной этнической группы до конструирования социальной и культурной среды определенного этноса в целом и в контексте межэтнических отношений. Подобные исследования позволяют глубинно осмыслить и проанализировать ситуацию межэтнических отношений, самоидентификации, интеграции и адаптации этнокультурных групп, дает реальную возможность их представителям высказаться, быть выслушанным, выводит на уровень понимания, что они и их мнение важны, они и есть цель собрания, и решение проблемы без них иметь место не будет. Фокус-группы в отношении диалога культур – гарант полноценного, обоюдно необходимого отношения сторон, сотрудничества. Такое направление исследовательской деятельности иллюстрирует актуальный гуманистический характер общественного развития.

Кроме того, существенным достоинством групповых дискуссий в целом и метода фокус-групп в том числе, является возможность отслеживания динамики модели поведения индивида в групповом контексте. Феномен групповой динамики, являясь одним из ключевых для групповых дискуссий, существует именно в контексте малых групп. Опыт работы с групповой динамикой и компетентность в вопросах функционирования

малых групп являются обязательными условиями успешной реализации эмпирических исследований с применением различных методик группового интервью.

Вывод

Во второй главе данного диссертационного исследования на основании теорий и исследований отечественных и зарубежных ученых была определена специфика формирования культурной памяти и ее значение в процессе становления этнической самоидентификации мигрантов. Можно заключить, что культурная память, будучи некой формой передачи и актуализации культурных смыслов, является одним из главных механизмов формирования самоидентификации мигрантов. Она представляет собой отражение всего «знания», управляющего действиями, переживаниями и всей жизненной практикой индивидов. Далее была избрана методика прикладного исследования значения культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов. Обоснована эффективность метода фокус-групп в прикладных культурных исследованиях, представлена специфика данной методики. Проведено прикладное культурологическое исследование значения культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов (на материале Красноярского края) с использованием качественного метода исследования – метода фокус-групп. Представлена интерпретация результатов исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании, посвященном выявлению значения культурной памяти на этническую самоидентификацию мигрантов, были сделаны следующие выводы.

В первом параграфе первой главы проведен аналитический обзор концепций и систематизированы знания о феноменах «этничности», «этнической идентичности», «этнической самоидентификации», что позволило понять специфику механизмов формирования этничности и этнической идентичности, определению факторов, влияющих на процессы их становления. Представлены значимые идеи, методологические возможности, которые раскрывают классические и современные концепции в контексте данной проблематики. Этническая самоидентификация предопределяет становление самосознания личности, идентификацию себя в отношении других индивидов. Она становится основополагающим фактором удовлетворения потребности людей в приобщенности, укорененности в общности, системе ориентаций. В сфере культурологии и этнографии она может быть рассмотрена как один из культурно- и личностнообразующих факторов, позволяющих в большей мере осмыслить сущность индивида (мигранта). Современные исследователи указывают на то, что в условиях процессов глобализации осознание человеком своей принадлежности к той или иной этнокультурной группе не есть явление самопроизвольное, оно в большей мере обусловлено общественными интересами и потребностями (политическими, экономическими и культурными). Таким образом, этническая идентичность испытывает опосредованное или непосредственное влияние факторов глобального уровня.

Для того чтобы приблизиться к более глубинному изучению влияния культурной памяти на самоидентификацию мигрантов, второй параграф первой главы посвящен изучению концепций, сформулированных в области миграции и этнической самоидентификации мигрантов, позволяющих понять

специфику и многочисленные аспекты этих процессов. На сегодняшний день существует неоспоримое положение о том, что миграция стала одним из важнейших факторов общественного преобразования и развития на всех территориях мира. Каждый человек является частью общества и, видоизменяясь в большом количестве модификаций, выступает точкой роста определенного общественного системно-структурного образования. Этносы, нации и народности представляют собой социокультурные локальности, в которых каждый испытывает ощущение со-бытия с культурными, социальными, религиозными и другими ценностями своей общности. В контексте данной проблематики крайне актуальным является вопрос самоидентификации мигрантов, поскольку этнические и культурные группы находятся в постоянной динамике. Исследователи, обращаясь к теме миграционных процессов, интересуются, прежде всего, вопросами сохранения этнической самоидентификации мигрантов, межкультурной адаптации и интеграции с новым социокультурным пространством, этнической толерантности, правосознания и маргинализации мигрантов.

Культурная память, будучи формой передачи и актуализации культурных смыслов, является одним из главных механизмов формирования самоидентификации мигрантов. Она представляет собой отражение всего «знания», управляющего действиями, переживаниями и всей жизненной практикой индивидов. В этой связи, первый параграф второй главы посвящен аналитическому обзору классических и современных концепций и исследований культурной памяти. На основании теорий и исследований отечественных и зарубежных ученых определена специфика формирования культурной памяти и ее значение в процессе становления этнической самоидентификации мигрантов. Изучение социокультурных явлений и процессов, включающих такие феномены как коллективная мемориализация, коллективная амнезия, *memory studies* приобрели междисциплинарный характер, начиная с 80-х годов XX века и за последние десятилетия, достигли

организационной и теоретико-методологической зрелости. Процессы глобализации сделали проблематику коллективных идентичностей одной из ведущих среди наук о культуре и обществе. Формируется новая парадигма социально-гуманитарных исследований, включающая понятия «память», «воспоминания», «забвение», «рессентимент», «ностальгия». Понятия «память» и «идентичность» неотделимы и взаимозависимы друг от друга. Идентичность закреплена в памяти, а идентификация является одной из основных функций коллективной памяти. Коллективная память содержит образы событий, которые превращаются в символы групповой идентичности.

Отечественные и зарубежные ученые с конца XX века активно обращаются к проблемам памяти и рассматривают различные дефиниции понятий «историческая память», «культурная память», «социальная память», вступают в дискуссии относительно проблемы перехода от индивидуальной к коллективной памяти. Современное понимание природы культурной памяти уходит от двух крайностей: понимания ее как хранилища устойчивых образов и представления о коллективной памяти как о пластичном и податливом к любым манипуляциям явлении. Культурная память представляет собой надиндивидуальный механизм хранения и передачи информации, а пространство культуры при этом является пространством некой общей памяти. Исследователями подчеркивается безусловная связь культурной памяти с самоидентификацией: коллективная память содержит образы событий, которые превращаются в символы групповой идентичности. На основе разных форм исторической памяти и разных культурных сообществ формируется сложная многосоставная этническая идентичность. Связь памяти и идентичности подтверждается и тем, что память является нарративом, а идентичность по своей природе нарративна. Кроме того, одно и то же событие может сформировать разные нарративы идентичности, в зависимости от сложившихся условий вокруг него. Культурная память имеет сложный механизм своего формирования и во многом подвержена влиянию внешних факторов. Специфика исследований культурной памяти

заключается в их междисциплинарном характере и использовании опыта зарубежных ученых в изучении проблематики *memory studies*.

Второй параграф второй главы посвящен изучению культурной памяти этнических групп мигрантов, выявлению того, как содержание культурной памяти воздействует на процессы адаптации, интеграции и самоидентификации мигрантов. Для этнокультурного исследования этнических групп мигрантов привлечен метод фокус-групп, что обусловлено возможностью непосредственного знакомства с современным отношением людей разных этнических групп к собственной этнической культуре и культуре других групп, увидеть и зафиксировать динамику развития этнической группы. В данном параграфе раскрыты возможности метода фокус-групп в культурных исследованиях. Метод фокус-групп, представляющий собой глубинное интервьюирование представителей целевой аудитории, в последние десятилетия нашел широкое применение среди гуманитарных наук, в частности в этнокультурных исследованиях (исследования этнографии, межэтнических и межконфессиональных отношений, миграционных процессов и т.д.). В процессе интервьюирования исследователи получают субъективные мнения респондентов о различных объектах исследования (товары, услуги, виды деятельности, продукты деятельности и т.д.). Иначе говоря, метод фокус-групп является групповой дискуссией, участники которой по возможности освободившись от идеологических установок, ощущают себя комфортно и раскованно в своих ответах, тем самым повышая ценность получаемой исследователями информации. Отечественная традиция использования данной методики находится в стадии становления, практически полностью основываясь на достижениях западной науки. Наиболее признанными популяризаторами метода в российской науке стали О.Т. Мельникова, С.А. Белановский, Н.Н. Богомолова и Т.В. Фоломеева.

Проведено эмпирическое культурологическое исследование значения культурной памяти для этнической самоидентификации мигрантов (на

материале Красноярского края) с использованием качественного метода исследования – метода фокус-групп, результаты которого представлены в завершающем параграфе диссертационного исследования. Применение качественного метода фокус-группы в изучении этнокультурных процессов позволило определить наличие четкой этнической идентичности у старшего поколения, сформированной в специфичной культурной среде: принадлежность человека к определенному этносу, отождествление себя с его представителями и культурой (традициями, ценностями, нормами, памятью), обособление от других этнокультурных групп. Человек, идентифицируя себя со своей этнической группой, реализует культурную память в этнической культуре. Этническая идентичность достигается на основе формирования определенного мировоззрения и определенной модели мироотношения – как с внешними, так и с внутренними факторами, обуславливающими его бытие. Молодое поколение, напротив, отождествляет себя с российской культурой. Социальное наследование молодежи отличается от этнического наследования: происходит этническая ассимиляция, но об этнокультурной консолидации говорить пока не приходится.

Использование метода фокус-групп в подобных исследованиях позволяет глубинно осмыслить и проанализировать ситуацию межэтнических отношений, самоидентификации, интеграции и адаптации этнокультурных групп. Фокус-группы необходимы для экспертного сопровождения диалога культур, их применение позволяет понять глубинные процессы этого диалога, выявить сложные ситуации и смоделировать способы разрешения возможных противоречий и деструктивных противостояний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества // Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 288 с.
2. Арутюнов, С. А. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение / С. А. Арутюнов. – Москва, 1995. – № 5 – С. 7–10.
3. Арутюнов, С. А. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества / С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров // Расы и народы, 1972. – Т. 2.
4. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования / Ю. В. Арутюнян. – Москва: Изд-во Наука, 1984.
5. Атнагулов, И. Р. Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности). Археология, этнография и антропология Евразии / И. Р. Атнагулов. – 2016. – Т. 1, № 44. – С. 137–146.
6. Багрянородный, К. Об управлении империей / К. Багрянородный – Москва: Наука, 1991.
7. Бакланов, И. С. Человек этнический: проблема этнической идентичности / И. С. Бакланов, Т. В. Душина, О. А. Микеева // Науч. эл. библиотека Elibrary / Человек в поисках идентичности. – 2010. – Т. 4. – С. 396-408.
8. Баранова, В. Языковая социализация детей мигрантов / В. Баранова. – Журнальный клуб Интелрос. Антропологический форум. – 2012. – №17.
9. Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Ф. Барт. – Москва: Новое издательство, 2006. – 200 с.
10. Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Ф. Барт, И. Пильщикова. – Москва: Новое издательство, 2006. – 200 с.
11. Белановский, С. А. Метод фокус-групп. / С. А. Белановский. – Москва: Издательство Магистр, 1996. – 272 с.
12. Бережнова, М. И. Миграция как средство развития территорий: исторический пример Колымского края / М. И. Бережнова, Н. Н. Пименова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – 1888 с.
13. Берри, Дж. В. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, П. Р. Дассен. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007.
14. Берри, Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / Дж. У. Берри // Развитие личности. – 2001. – Т. 4, № 3.

15. Бромлей, Ю. А. Очерки теории этноса / Ю. А. Бромлей. – Москва: Наука, 1983.
16. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
17. Брянцева, Е. А. Метод фокус-группы как инструмент анализа потребительской социализации в современной России / Е. А. Брянцева // Будущее России: стратегии развития. Материалы Межд. научн. конф. Ломоносов-2005». Сб. статей молодых ученых. – Москва: МАКС Пресс, 2005.
18. Брянцева, Е. А. Особенности формирования и применения метода фокус-группы в социологическом исследовании [Электронный ресурс]: Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. Ломоносова. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=q-000-00---0lomono--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about-%f4%ee%ea%f3%f1--00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=lomon&cl=search&d=HASH3d10941bdc94efd0acf613.2> (дата обращения: 19.03.2016).
19. Брянцева, Е. А. Фокус-группы в социологическом исследовании ценностей матерей новорожденных детей в условиях медицинского учреждения / Е. А. Брянцева // Перспективные разработки науки и техники. Сб. ст. VII международной научно-практич. конф. Психология и социология. – 2011. – Т. 31. – С. 86–90.
20. Васильев, А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев / Кол. Монография: Культурная память в контексте национальной идеи России в XXI веке. – 2011. – С. 3–30.
21. Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – Москва: Прогресс, 1990.
22. Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – Москва: Праксис, 2002. – С. 297–307.
23. Винер, Б. Е. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии / Б. Е. Винер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005 – Т. 8, № 3.
24. Винер, Б. Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности / Б. Е. Винер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 3. – С. 119–145.
25. Гаврилов, К. Невозможность диаспоры. Русские и русскоязычные в странах Евросоюза [Электронный ресурс]: Политический журнал. – URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=8304&issue=222> (дата обращения: 05.06.2017).
26. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – Москва, 1991.
27. Гипперейтер, Ю. Б. Психология памяти / Ю. Б. Гипперейтер, В. Я. Романова. – Москва, 1998. – 419 с.

28. Горнунга, Б. В. Индоевропейское именное словообразование / Б. В. Горнунга. Лингвистическое наследие XX века. – Москва: Едиториал, УРСС, 2004. – Изд. 2-е, стереотип. – 264 с.
29. Горовиц, Д. Л. Этнические группы в конфликте: теории, образцы и политика / Д. Л. Горовиц, 1985. Переизданный с новым предисловием, 2000, (украинский перевод, 2004).
30. Григорьев, Д. С. Влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки / Д. С. Григорьев // Изв. Сарат. Ун-та. Нов. сер.: Акмеология образования. Психология развития. – Саратов: 2015. – Т. 4, № 1 (13). – С. 63–66.
31. Гумбольдт, В. Ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Ф. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – Москва, 1984. – С. 156–180.
32. Гумилев, Л. Н. Этнос – состояние или процесс? (Ландшафт и этнос: XXI) / Л. Н. Гумилев // Вестник ЛГУ, 1971. – Т. 2, № 12. – С. 86–95.
33. Дамешек, Л. М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII - начала XX вв. / Л. М. Дамешек // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII-XX вв.: сб. материалов Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2003. – 91 с.
34. Де Вос Дж. Этнический плюрализм: конфликт и адаптация / Дж. Де Вос // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. – Москва, 2001.
35. Дмитриева, Е. В. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа / Е. В. Дмитриева // Социологические исследования. – 1999. – № 8. – С. 133–138.
36. Дробижева, Л. М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе: основные подходы к изучению / Л. М. Дробижева // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. – Москва: РАН. Ин-т этн. и антр. им. Миклухо-Маклая, 1994. – С. 16–47.
37. Дробижева, Л. М. Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ. – Москва: Флинта, 2005.
38. Дробижева, Л. М. Этническая идентичность: советское наследие и современные подходы [Электронный ресурс]: Демоскоп Weekly. – URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_024.html (дата обращения: 10.10.2016).
39. Дройзен, И. Г. Историка / И. Г. Дройзен. – Пер. с нем. Санкт-Петербург, 2004. – 584 с.
40. Дэвис, Н. З. Духи предков, родственники и потомки: некоторые черты семейной жизни во Франции начала нового времени / Н. З. Дэвис // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 201–241.

41. Дятлов, В. И. Этноизация общественного пространства: причины и механизмы процесса / В. И. Дятлов // Этноизация города в миграционном дискурсе. Вестник Томского государственного ун-та. История. – 2015. – № 5 (37).
42. Егизарьянц, А. А. Определение этнической идентичности мигрантов в контексте психоанализа / А. А. Егизарьянц / Вестник МГОУ. Сер. Психологические науки. – 2009. – С. 159 – 164.
43. Ельченко, Ю. Н. Новому человеку – новые обряды / Ю. Н. Ельченко. – Москва: Политиздат, 1976.
44. Ерохина, Е. А. Этническое многообразие в социокультурной динамике России : дис. ... д-ра филос. наук / Е. А. Ерохина. – Новосибирск, 2015. – 451 с.
45. Замаараева, Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры / Ю. С. Замаараева // Современные проблемы науки и образования. – Красноярск, 2014. – № 4.
46. Земсков, В. Спецпоселенцы (1930-1950-е гг.). Население России в 1920-1950-е годы. Численность, потери, миграции: Сб. научных трудов / В. Земсков. – Москва, 1994. – С. 145–194.
47. Зубачевский, М. В. Этническая самоидентификация и ее объективация в культуре / М. В. Зубачевский. – Омск, 2010.
48. Ибрагимов, М. М. Миграционные процессы в России и на постсоветском пространстве / М. М. Ибрагимов. – Саратов, 2001.
49. Иванова, Т. Д. Эмиграция и иммиграция / Т. Д. Иванова, Ж. А. Зайчонковская // Население России. Четвертый ежегодный демографический доклад. – Москва, 1997. – С. 155-158.
50. Иванюшина, В. А. Этническая самоидентификация подростково-мигрантов / Журнал социологии и социальной антропологии / В. А. Иванюшина, Д. А. Александров, Е. В. Казарцева. – Санкт-Петербург, 2016. – Т. XIX, №2. – С. 113–127.
51. Игнатова, И. Б. Культурный шок и пути его преодоления иностранными студентами / И. Б. Игнатова, В. Г. Бурькина. Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2010. – Т. 16, № 4.
52. Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии Наук. [Электронный ресурс]: Интернет-журнал Сибирский этнографический вестник. – URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica> (дата обращения: 21.09.2016).
53. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: Россия и современный мир / В. А. Ионцев. – Москва: МАКС Пресс, 2000. – Вып. 5. – 161 с.

54. Кара-Мурза, С. Г. Кто такие русские / С. Г. Кара-Мурза. – Москва: Алгоритм Эксмо, серия Политические расследования, 2011. – 288 с.
55. Карачурина, Л. Б. Миграционные процессы // В кн.: Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы / Л. Б. Карачурина, С. Г. Синельников-Мурылев, В. А. Мау, А. Д. Радыгин. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2016. – Вып. 37, Гл. 5.2. – С. 320–332.
56. Кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page> (дата обращения: 26.08.2016).
57. Киекбаев, М. Д. Глобализация и национальный фактор: проблемы и противоречия / Национальная идентичность России и демографический кризис / М. Д. Киекбаев. Материалы Всероссийской научной конференции. – Москва, 2006. – С. 578–617.
58. Кириллук, С. Миграция как частный случай маргинальности (на примере Челябинской области 1991-2004гг.) / С. Кириллук // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2005. – Т 10, № 1. – С. 84–89.
59. Кистова, А. В. Влияние этнических миграционных процессов на самоопределение коренных малочисленных народов Сибири (на примере этнической группы «Чулымцы» Тюхтетского района Красноярского края / А. В. Кистова // Современные проблемы науки и образования. – Красноярск, 2015. – № 1(1).
60. Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореф. Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. В. Кистова. – Красноярск, 2013. – 22 с.
61. Клинг, О. А. Литература и культурная память. В кн.: Художественный текст и культурная память. Материалы Международной научной конференции. – Москва, 2013.
62. Козырев, Г. И. Политическая конфликтология / Г. И. Козырев. Москва, 2008. – С. 155.
63. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – Москва, 1980. – С. 231.
64. Копцева, Н. П. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография / Н. П. Копцева, Н. Н. Середкина. – Красноярск: СФУ, 2013. – 183 с.
65. Коркмазов, А. Ю. Проблема этноса и этничности в науке: в поисках парадигмы / А. Ю. Коркмазов // Сборник научных трудов. – Ставрополь: Северо-Кавказский гос. техн. ун-т, 2004. – Вып. 1 (11). Серия Гуманитарные науки.
66. Корнеева, А. Ю. Архетипы культурной памяти. Международный научно-исследовательский журнал / А. Ю. Корнеева. – Томск, 2016. – № 5 (47), Часть 2. – С. 86–88.

67. Костина, А. В. Культурная политика современной России. Соотношение этнического и национального / А. В. Костина, Т. М. Гудима. – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. – Изд. 2. – 240 с.
68. Костина, А. В. Особенности идентичности в границах этнической, национальной, массовой культуры / А. В. Костина // Информационный гуманитарный портал: Знание, понимание, умение / Культурология. – Москва, 2009. – № 4.
69. Красовицкая, Т. Ю. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков, В. В. Трепавлов и др. – Москва, 2012. – 448 с.
70. Крюгер, Р. Фокус-группы. Практическое руководство для прикладных исследований (реферат) / Р. Крюгер. – Sage Publikation, 1988. – 61 с.
71. Культура и культурология / Культурный шок [Электронный ресурс]. URL: http://www.artap.ru/cult/kultura_choc.htm (дата обращения: 22.07.2016).
72. Культурная память современной России: Евро-Арктический север [Электронный ресурс] : Проект Электронная информационная система и база источников Культурная память современной России: Евро-Арктический Север. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда. URL: <http://cultmemory.ru/> (дата обращения: 01.07.2016).
73. Кун, М. Эмпирическое исследование установки личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология. – Москва: МГУ, 1984.
74. Куренной, В. Цифровые медиа и культурная память: парадоксы новой медиасреды [Электронный ресурс] : YouTube Video Editor. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L-w33mE0F80> (дата обращения: 09.09.2016).
75. Ле Гофф, Ж. С небес на землю / Ж. Ле Гофф // Одиссей. – Москва, 1991. – 26 с.
76. Лебедева, Н. М. Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко // Этническая толерантность в поликультурных регионах России. – Москва: Изд-во РУДН, 2002. – С. 252–285.
77. Лебедева, Н. М. Психологические исследования этнической толерантности / Н. М. Лебедева, В. Ю. Хотинец. – Екатеринбург, 2002.
78. Лебедева, Н. М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп / Н. М. Лебедева // Этническая психология и общество. – Москва: Старый сад, 1997. – С. 271–289.

79. Лебедева, Н. М. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – Москва: РУДН, 2009. – 420 с.
80. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении. Избранные статьи / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 200-202.
81. Мазур, Л. Н. Художественное кино и сельская миграция: источниковедческий анализ / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 2(102).
82. Максимов, Д. В. Культурные основания межэтнических конфликтов: на материале Северокавказского региона : дис. ... канд. культурологических наук : 24.00.01 / Д. В. Максимов. – Москва, 2007. – 215 с.
83. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – Москва, 1994.
84. Манн, М. Нации-государства в Европе и на других континентах / М. Манн // Нации и национализм. – Москва, 2002.
85. Мельвиль, А. К. Категории политической науки: учебник / А. К. Мельвиль. – Москва, 2002. – 564 с.
86. Московский центр гендерных исследований [Электронный ресурс] : Фокус-группа: изучение гендерной идентичности. URL: <http://www.gender.ru/pages/resources/catalogue/index.php?prgid=18&id=2&subid=2> (дата обращения: 03.04.2017).
87. Нефёдова, Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки // Т. Г. Нефёдова. – Москва: Новое издательство, 2003.
88. Нехвядович, Л. И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» / Л. И. Нехвядович // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4-3.
89. Новикова, Е. Ю. Формирование правовой культуры у мигрантов: образовательный аспект / Е. Ю. Новикова // Право и образование. – Москва, 2011. – С. 90–99.
90. Ноженко, М. Национальные государства в Европе / М. Ноженко. – Санкт-Петербург: Норма, 2007. – С. 343.
91. Нуркова, В. Свершенное продолжается. Психология автобиографической памяти личности / В. Нуркова. – Москва, 2000.
92. Общественный строй якутов. Якутское государственное издательство, 1945.
93. Павленко, В. Н. Общая и прикладная этнопсихология / В. Н. Павленко, С. А. Таглин. – Москва: Т-во научных изданий КМК, 2005.
94. Павленко, В. Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине. Этническая психология и общество. – Москва: Старый Сад, 1997. – С. 88–97.
95. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва: АспектПресс, 2004.

96. Переведенцев, В. И. Миграция населения и демографическое будущее России (научно-аналитический доклад) / В. И. Переведенцев. – Москва: ИСП РАН, 2003.
97. Пименова, Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки / Н. Н. Пименова // Социодинамика. – 2016. – № 3. – С. 37–45.
98. Питерова, А. Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления / А. Ю. Питерова // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 4.
99. Платонов, Ю. П. Основы этнической психологии / Ю. П. Платонов // Санкт-Петербург, 2003. – 222 с.
100. Поливара, З. В. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении: монография / З. В. Поливара, И. С. Карабулатова. – Москва: ФЛИНТА, 2013. – 152 с.
101. Полян, П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР / П. М. Полян. – Москва: ОГИ-Мемориал, 2001.
102. Почебут, Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие / Л. Г. Почебут. – Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 336 с.
103. Преображенская, Н. М. Миграция в условиях глобализации : автореф. Дис. ... канд. филос. н. : 09.00.11 / Надежда Михайловна Преображенская. – Москва, 2007.
104. Разлогов, К. Э. Память и идентичность / К. Э. Разлогов // Кол. монография : Культурная память в контексте национальной идеи России в XXI веке. – Москва: Совпадение, 2011. – С. 65–80.
105. Резникова, К. В. Образ мигрантов в представлениях современных студентов (на материале анализа Красноярского края и Сибирского федерального университета) / К. В. Резникова // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 77–88.
106. Резникова, К. В. Этничность как категория социального познания / К. В. Резникова // Социодинамика. – 2015. – № 1. – С. 101–111.
107. Ремнев, А. В. Колонизация азиатской России: имперский и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века : монография / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск: Изд. дом Наука, 2013. – 248 с.
108. Роббер, М. А. Групповое интервью / М. А. Робер, Ф. Тильман // Хрестоматия по социальной психологии. – Москва, 1995. – С. 189–193.
109. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения (вопросы теории) / Л. Л. Рыбаковский // РАН. Ин-т соц.-полит. исслед. – Москва, 2003. – 239 с.
110. Рыбаковский, Л. Л. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова. – Москва: ЗАО Экон-информ, 2010. – 296 с.

111. Рыжова, С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности / С. В. Рыжова. – Москва: Альфа-М, 2011. – 280 с.
112. Рюзен, Й. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории / Й. Рюзен // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – Москва, 2003. – Вып. 10. – 48 с.
113. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование / С. В. Рязанцев. – Москва: Формула права, 2007. – 18 с.
114. Садохин, А. П. Культурология. Теория культуры / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
115. Садохин, А. П. Основы этнологии / А. П. Садохин. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
116. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин. – Москва, 2006. – С. 154–155.
117. Садохин, А. П. Этнология: учебн. для студ. высш. учебн. Заведений / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. – Москва: Академия; Высшая школа, 2000. – 52 с.
118. Сайт Вячеслава Игрунова [Электронный ресурс] : Материалы круглых столов. URL: <http://igrunov.ru/prj> (дата обращения: 04.02.2017).
119. Сибирский филиал Российского института культурологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://sfrik.omskreg.ru> (дата обращения: 01.02.2017).
120. Ситникова, А. А. Демография и миграция в поселках коренных малочисленных народов Красноярского края (поселки Пасечное, Ессей, Суринда, Фарково, Носок, Караул) / А. А. Ситникова // Современные проблемы науки и образования. – Красноярск, 2015. – № 1–1.
121. Скворцов, Н. Г. Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты : автореф. дис. ... доктора соц. наук / Скворцов Николай Генрихович. Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1997. – 42 с.
122. Смит, Э. Национализм и историки / Э. Смит, Д. Энтони // Нации и национализм. – Москва: Праксис, 2002.
123. Смит, Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – Москва: Праксис, 2004. – 464 с.
124. Собкина, В. С. Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования / В. С. Собкина. – Москва: Наука, 1998. – 270 с.
125. Соколовский, С. В. Современные концепции этнической идентификации и проблемы атрибуции археологических памятников / С. В. Соколовский // Этничность в археологии или археология этничности? Доклады Всероссийской конференции Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2013.

126. Солдатова, Г. У. Нарушения этнической идентификации у русских мигрантов / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, Е. И. Шлягина. – Москва : Московский университет. Инст-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – № 3. – С. 150–156.
127. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – Москва: Смысл, 1998. – 12 с.
128. Солдатова, Г. У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация / Г. У. Солдатова, Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева // Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. – Москва, 1996. – С. 296–366.
129. Солдатова, Г. У. Этническое самосознание и этническая идентичность / Г. У. Солдатова // Этническая психология: история и методы. Социализация и идентичность. Общение и конфликты: хрестоматия. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – С. 189–196.
130. Солодова, Г. С. Факторы поддержания этнокультурной идентичности мигрантов / Г. С. Солодова // Вести Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – Новосибирск, 2015. – Т. 13, Вып. 2. – С. 83–88.
131. Староверов, В. Социально-демографические проблемы деревни / В. Староверов. – Москва, 1975.
132. Стефаненко, Т. Г. Поведенческий компонент этнической идентичности: за и против / Т. Г. Стефаненко // Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2003. – С. 127–134.
133. Стефаненко, Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Т. Г. Стефаненко // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. – Москва, 2009. – № 2. – С. 3–17.
134. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – Москва: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999.
135. Сусоколов, А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса / А. А. Сусоколов // Расы и народы. – Москва: Наука, 1990. – Т. 20. – С. 5–39.
136. Татарко, А. Н. Методы этнической и кросс-культурной психологии: учеб.-метод. пособие / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева // Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. – Москва: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 238 с.
137. Тишков, В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России / В. А. Тишков. Москва: ИЭА РАН, 1996. – 40 с.
138. Тишков, В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) / В. А. Тишков. – Москва: Наука, 2001. – 552 с.
139. Тишков, В. А. Этнология и политика: Научная публицистика / В. А. Тишков – Москва: Наука, 2001. – 240 с.
140. Тишков, В. А. Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев // Учебник для вузов (Библиотека

- факультета политологии МГУ). – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2011. – 376 с.
141. Тишков, В. А. Этнос или этничность? / В. А. Тишков // Этнология и политика. Научная публицистика. – Москва: Наука, 2001. – 240 с.
142. Токарев, С. А. История зарубежной этнографии: учебн. пособие / С. А. Токарев. – Москва: Высшая школа, 1978. – 352 с.
143. Томилов, Н. А. Итоги и перспективы этнографического изучения народов Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] : сайт Института археологии и этнографии сибирского отделения РАН. – URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/?html=O13.htm&mi=25&iid=659> (дата обращения: 23.04.2017).
144. Томилов, Н. А. Международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» и его вклад в развитие российской этноархеологии / Н. А. Томилов // История и культура Сибири. – Омск, 2001. – С. 91–119.
145. Томилов, Н. А. Народы и национальные группы Западной Сибири в 60–90-е годы XX в. и решение национальных проблем / Н. А. Томилов // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 2001. – Вып. 4. – С. 42–45.
146. Томилов, Н. А. Подготовка кадров этнографов в области изучения культуры народов Сибири / Н. А. Томилов // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. – Омск, 2001. – С. 19–25.
147. Томилов, Н. А. Этничность, этнические общности и процессы (в связи с работами Владимира Федоровича Генинга) / Н. А. Томилов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. – Ижевск, 2000. – С. 15–18.
148. Томилов, Н. А. Этнографическое и этносоциологическое изучение восточных славян Западной Сибири в последней четверти XX века / Н. А. Томилов // Гуманитарные науки в Сибири [Новосибирск]. – 2000. – № 3. – С. 48–51.
149. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – Москва, 2000. – С. 11–32.
150. Триандис, Г. Культура и социальное поведение / Г. Триандис. – Москва, 2007. – 382 с.
151. Усова, Н. В. Особенности идентичности и субъективное благополучие мигрантов / Н. В. Усова // Современные тенденции и проблемы психологической науки: материалы Всероссийской научной конференции. – Саратов, 2015. – С. 141–145.
152. Фромм, Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – Москва: Республика, 1993. – С. 280–282.

153. Халеева, И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / И. Халеева // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – Москва: РАН ИРЯ, 1995. – С. 277–286.
154. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс / Москва: Новое издательство, 2007. – 264 с.
155. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хальбвакс. – Москва, 1998. – 320 с.
156. Холмогоров, Е. Русский националист / Е. Холмогоров. – Москва: Европа, 2006. – 432 с.
157. Чернявская, Ю. В. Идентичность на фоне мифа / Ю. В. Чернявская // Антропологический форум. – Минск, 2008. – № 8. – С. 198–226.
158. Чеховский, И. В. Методология социологических исследований [Электронный ресурс] : Метод фокус-групп в контексте групповых интервью. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=814> (дата обращения: 21.02.2016).
159. Широкогоров, С. М. Исследование основных принципов этнологии и этнографических явлений / Широкогоров С. М. // Академия фундаментальных исследований: этнология. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2012. – 138 с.
160. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
161. Шубин, А. В. От "застоя" к реформам. СССР в 1917–1985 гг. : историческая литература / А. В. Шубин. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 766 с.
162. Щедрина, О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? [Электронный ресурс] : Социологические исследования. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit02.php> (дата обращения: 21.11.2016).
163. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. – Москва: Флинта, 2006. – 342 с.
164. Эткин, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.
165. Юдина, Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов / Т. Н. Юдина // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 102-109.
166. Юсуповский, А. М. От национального кризиса к национальному созреванию: в поисках адекватной модели / А. М. Юсуповский // Общественные науки и современность, 1994. – № 5. – С. 102–112.
167. Юськів, Б. Глобалізація і трудова міграція в Європі / Б. Юськів. – Рівне: видавець О.М. Зень, 2009. – 479 с.
168. Янг, К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность / К. Янг // В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». – Москва: Наука, 1994. – 115 с.

169. Anderson, B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson. – London: Verso Books, 1991. – 224 p.
170. Armstrong, J. *Nations before Nationalism* / J. Armstrong // Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. – 411 p.
171. Assmann, J. *Das Kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und Politische Identität in frühen Hochkulturen* / J. Assmann. – Munich: Verlag C.H. Beck, 1992.
172. Banks, M. *Ethnicity: Anthropological Constructions* / M. Banks. – London : New York, 1996.
173. Banton, M. *Weber on Ethnic Communities: A critique* / M. Banton // *Nations and Nationalism*, 2007. – V. 13 (1). – Pp. 19–35.
174. Barth, F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference* / F. Barth // *Eric Wolf Europe and the People Without History*, 1982. – 381 p.
175. Bates, D. G. *What's in a name? Minorities, identity, and politics in Bulgaria* / D. G. Bates // *J. Identities / Global Studies in Culture and Power*, 2010. – V. 1, Issue 2-3. P. 201–225.
176. Bechhofer, F. *What makes a Gael? Identity, language and ancestry in the Scottish Gàidhealtachd* / F. Bechhofer, D. McCrone // *J. Identities / Global Studies in Culture and Power*, 2014. – V. 21, Issue 2. – P. 113–133.
177. Bell, D. *Ethnicity and Social Change* / D. Bell // *Ethnicity. Theory and Experience*. – New York, 1989.
178. Bennett, T. *Stored Virtue: Memory, the Body and the Evolutionary Museum*, in Susannah Radstone and Katharine Hodgkin (eds) *Memory Cultures: Memory, Subjectivity and Recognition* / T. Bennett. New Brunswick & London. Transaction Publishers, 2006. – Pp. 40–54.
179. Bernal, M. E. *The development of ethnic identity in Mexican American children* / M. E. Bernal, C. P. Knight, C. A. Garza, K. A. Ocampo, M. K. Cota. *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 1990. – Vol. 12. – P. 3–24.
180. Berry, J. W. *Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism* / J. W. Berry, M. Pleasants. – Potsdam, N.J., Wiley, 1984.
181. Berry, J. W. *Immigrant youth: Acculturation, identity and adaptation across national contexts* / J. W. Berry, J. S. Phinney, D. L. Sam, P. Vedder (Eds.). // *Journal of Adolescent Research*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – Vol. 24, № 6. – P. 777–780.
182. Bock, Ph. K. *Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology* / Ph. K. Bock. – New York, 1970.
183. Brettell, C. *Migration Theory: Talking Across Disciplines* / C. Brettell, J. Hollifield. – New York: Routledge, 2007. – 304 p.

184. Brubaker, R. *Ethnicity without groups* / R. Brubaker. – Harvard University Press, 2004.
185. Carol Bunch Davis. *Be Loyal to Yourselves: Jim Crow Segregation, Black Cultural Nationalism, and US Cultural Memory in Ossie Davis' Purlie Victorious* / Carol Bunch Davis // In book: *Critical Insights: Civil Rights Literature, Past & Present*, Publisher: Grey House, Editors: Christopher Varlack, 2017. – P. 36–52.
186. Castles, S. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* / S. Castles, M. J. Miller. 2013. – 401 p.
187. Cebotari, V. *Civic, ethnic, hybrid and atomised identities in Central and Eastern Europe* / V. Cebotary // *J. Identities / Global Studies in Culture and Power*, 2016. – Vol. 23, Issue 6, 2016. – P. 648–666.
188. Cohen, A. *The Lesson of Ethnicity* / A. Cohen // *Theories of Ethnicity: a Classical reader*. – New York, 1996. – Pp. 371–380.
189. Colleen, M. C. *Gender and Cultural Memory in A. S. Byatt's «Jael»: A Cultural History of a Biblical Story. Sex and Slaughter in the Tent of Jael* / M. C. Colleen. – 2016. – P. 146–160.
190. Colombo, E. *Children of Immigrants in a Globalized World: A Generational Experience* / E. Colombo, P. Rebugnini. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2012.
191. Connerton, P. *Bodily Practices. How Societies Remember* / P. Connerton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – Pp. 72–104.
192. Constant, A. *Ethnosizing Immigrants* / A. Constant, L. Gataullina, F. Klaus Zimmermann. – IZA Discussion Paper, 2006. – Vol. 2040. – 33 p.
193. De Vos, G. A. *Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation* / G. A. De Vos // *The Role of Ethnicity in Social History. Ethnic identity: Creation, conflict, and accommodation*, 1995.
194. Demir S. T. *Türk Toplumunun Kültürel Belleği Bağlamında Orhun Abideleri'ni Yeniden Düşünmek: Taşın Bedeni ve Belleği* / S. T. Demir // *Journal of History Culture and Art Research*, 2017. – Vol. 6, N. 2. – P. 422–440.
195. Dolby, N., Rizvi. F., eds. *Introduction: Youth Mobility and Identity. In Youth Moves: Identities and Education in Global Perspective*. – New York: Routledge, 2008. – P. 1–14.
196. Dupré, J-F. *National identity politics and cultural recognition: the party system as context of choice* / J-F. Dupré // *J. Identities / Global Studies in Culture and Power*, 2016. – P. 1–18.
197. Ericson, E. *Childhood and society* / E. Ericson. – New York: Harmond-Tworth, 1993.
198. *Ethnic group* [Электронный ресурс] : Wikipedia. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Ethnic_group.

199. Fairhurst, Z. Cultural memory and remembering tourism in Spain: the re-imagination of the Spanish Civil War through tourism, narrative and place / Z. Fairhurst. – MA(Res) thesis, University of Nottingham, 2016.
200. Gedalof, I. Interruption, Reproduction and Genealogies of «Staying Put» in Diaspora Space / I. Gedalof. – *Feminist Review* 100, 2010. – Pp. 72–87.
201. Geertz, C. Old societies and new states. The Quest for Modernity in Asia and Africa / C. Geertz. – Glencoe, IL: Free Press, 1963. – 310 p.
202. Giddens, A. The consequences of modernity / A. Giddens – Cambridge : Polity Press, 1990.
203. Glazer, N. Ethnicity: Theory and experience / N. Glazer, D. Moynihan. – Cambridge (Mass), 1975. – 17 p.
204. Graves, T. Psychological acculturation in a tri-ethnic community / T. Graves // *South-Western Journal of Anthropology*, 1967. – Vol. 23. – Pp. 337–350.
205. Hansen, M. L. The Problem of the Third Generation Immigrant / M. L. Hansen // *Theories of Ethnicity: a Classical reader*. – New York, 1996. – P. 202–215.
206. Henninger, M. How are the new documents of social networks shaping our cultural memory / M. Henninger, P. Scifleet // *Journal of Documentation*, 2016. – Vol. 72 (2). – P. 277–298.
207. Hernández, B. Place attachment and place identity in natives and non-natives / B. Hernández, M. C. Hidalgo, M. Esther Salazar-Laplace. 2007. – Vol. 27, Issue 4. – P. 310–319.
208. Hidalgo, M.C. Place attachment: conceptual and empirical questions / M. C. Hidalgo, B. Hernandez // *J. of Environmental Psychology*, 2001. – Vol. 21, Issue 3. – P. 273–281.
209. Hobsbawn, E. The Invention of Tradition / E. Hobsbawn, T. Ranger. – New York, 1983.
210. Hoewer, M. Beyond the ethno-national divide: intersecting identity transformations during conflict / M. Hoewer // *J. Identities / Global Studies in Culture and Power*, 2014. – Vol. 21, Issue 5. – P. 448–465.
211. Hollifield, J. Migration, Trade and the Nation-State: The Myth of Globalization / J. Hollifield // *Journal of International Law and Foreign Affairs*, 1998. – Vol. 3 (2). – P. 595–636.
212. Huyssen, A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia, Public Culture / A. Huyssen, 2000. – P. 21–38.
213. John, M. From the Caribbean to the United States: transforming racial and ethnic self-identity / M. John // *J. Migration and Development*, 2016. – Vol. 5, Issue 1. – P. 149–162.
214. Kany, R. Mnemosyne als Programm. Geschichte, Erinnerung und die Andacht zum Unbedeutenden im Werk von Usener, Warburg und Bejanmin / R. Kany. – Tübingen, 1987.

215. Keenan, C. On the Relationship between Personal Photographs and Individual Memory / C. Keenan. – *History of Photography*, 1989. – P. 60–64.
216. Knowles, C. Nigerian London and British Hong Kong: rethinking migration, ethnicity and urban space through journeys / C. Knowles // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2012. – Vol. 19. – P. 510–519.
217. Koresaar, E. Life story and cultural memory on the role of the textual community in post-1989 memory work / E. Koresaar // *Cultural Patterns and Life Stories*, Publisher: Tallinn University Press, Editors: Kirsti Jõesalu & Anu Kannike, 2016. – P. 104–129.
218. Krummel, S. Migrant women, place and identity in contemporary women's writing / S. Krummel // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2015. – Vol. 22, – P. 722–738.
219. Loyko, O. T. The transformation of the cultural memory through a prism of the Cyberspace // O. T. Loyko, V. Tolkacheva and etc // *SHS Web of Conferences*. – Tomsk, 2016. – Vol. 28. – P. 1–5.
220. Madsen, K. R. Loneliness, immigration background and self-identified ethnicity: a nationally representative study of adolescents in Denmark / K. R. Madsen, M. T. Damsgaard, S. S. Jervelung // *J. of Ethnic and Migration Studies*, 2016. – Vol. 42, Issue 12. – P. 1977–1995.
221. Maslow, A. H. *Motivation and Personality* / A. H. Maslow. – New York: Harpaer & Row, 1954.
222. Massey, D. An Evaluation of International Migration Theory / D. Massey// *The North American Case*. Douglas Massey. *Population and Development Review*, 1994. – № 20. – P. 699–751.
223. Messier, P. The nice culture and the good behaviour' state media and ethnic minorities in Lào Cai province, Vietnam / P. Messier, J. Michaud // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2012. – Vol. 19, Issue 3. – P. 339–359.
224. Mitchell, D. On the reliability of unreliable information: Gossip as cultural memory / D. Mitchell, J. J. Bryson and etc. *Interaction Studies*, 2016. – Vol. 17(1). – P. 1–25.
225. Nagel, J. Intersecting identities and global climate change / J. Nagel // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2012. – Vol. 19, Issue 4. – P. 467–476.
226. Nahirny, V. American Immigrant Groups: Identification and the Problem of Generations / V. Nahirny, J. A. Fishman // *Theories of Ethnicity: a Classical reader*. – New York, 1996. – P. 266–280.
227. Nalborczyk, A. S. *Community Life: Cultural Memory and the Construction of a Contemporary Muslim Tatar Identity in Poland* /

- A. S. Nalborczyk // In book: *Contested Memories and the Demands of the Past*, 2017. – P. 149–177.
228. Nijakowski, L. M. *Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny*, Wydawnictwa Akademickie I Profesjonalne / L. M. Nijakowski. – Warszawa, 2008.
229. Nora, P. *The Era of Commemoration* / P. Nora, L. Kritzman // *Realms of Memory: The construction of the French Past*. – New York: Columbia University Press, 1996. – Vol. 3. – P. 609–637.
230. Oberg, K. *Practical Anthropology* / K. Oberg. – New Mexico, 1960.
231. Olabarri, I. *History and Science* / I. Olabarri // *Memory and Myth: towards new relations between historical science and literature*. 18th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Montreal, 1995. – 178 p.
232. Örkény, A. *Constructing border ethnic identities along the frontier of Central and Eastern Europe* / A. Örkény // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2016. – Vol. 23, Issue 6. – P. 667–685.
233. Pantea, M.-C. *On pride, shame, passing and avoidance: an inquiry into Roma young people's relationship with their ethnicity* / M.-C. Pantea // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2014. – Vol. 21, Issue 5. – P. 604–622.
234. Phinney, J. S. *Ethnic Identity, Immigration, and Well-Being: An Interactional Perspective* / J. S. Phinney // *J. of Social Issues*, 2011. – Vol. 57, Issue 3. – P. 493–510.
235. Piore, M. *Birds of Passage: Migrant Labor and Industrial Societies* / M. Piore. – London: Cambridge Univ. Press, 1979. – 217 p.
236. Portes, A. *Immigrant America. A Portrait (Third edition. Revised, Expanded and Updated)* / A. Portes, R. Rumbaut. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2006. – P. 460.
237. Portes, A. *Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities* / A. Portes // *International Migration Review. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in the Making of Americans* [Ed. by J. DeWind, C. Hirschman, P. Kasinitz]. Center for Migration Studies, 1997. – Vol. 31, № 4. – P. 799–825.
238. Postmes, T. *The dynamics of personal and social identity formation*. T. Postmes, G. Baray, S. A. Haslam et al. // *Individuality and the group: Advances in social identity*. Thousand Oaks, CA, US: Sage Publications, 2006. – P. 215–236.
239. Prieto-Flores, Ò. *Overcoming the odds: constricted ethnicity in middle-class Romà* / O. Prieto-Flores // *J. Identities / Global Studies in Culture and Power*, 2012. – Vol. 19, Issue 2. – P. 191–209.

240. Raffaetà, R. Chinese immigrant youth identities and belonging in Prato, Italy: exploring the intersections between migration and youth studies / R. Raffaetà // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2016. – Vol. 23, Issue 4. – P. 422–437.
241. Ravenstein, E. The Laws of Migration / E. Ravenstein // *Journal of the Royal Statistical Society*, 1889. – Vol. 52. – P. 241–301.
242. Razumovskaya, V. A. Cultural Information / Memory and Aesthetic Information in Literary Translation / V. A. Razumovskaya // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – Krasnoyarsk, 2012. – Vol. 6 (5). P. 839–852.
243. Redfield, R. Memorandum on the Study of Acculturation / R. Redfield, R. Linton, M. H. Herskovits // *American Anthropologist*, 1936. – Vol. 38, Issue 1. – P. 149–152.
244. Roccas, S. M. Social Identity Complexity / S. M. Roccar, B. Brever // *Personality and Social Psychology Review*, 2002. – Vol. 6, Issue 2. – P. 88–106.
245. Sabljic, J. Cultural Memory in the Novel *Unterstadt* by Ivana Šojat-Kuči / J. Sabljic, T. V. Oswald // *Journal De Gruyter Open*, 2016. – V. 3, N. 2. – P. 110–126.
246. Sadokhin, A. P. *Osnovy etnologii* / A. P. Sadokhin. – Moskow : YuNITI-DANA, 2003.
247. Sassen, S. *The Mobility of Labor and Capital. A Study in International Investment and Labor Flow* / S. Sassen. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 224 p.
248. Schudson, M. The Present in the Past versus the Past in the Present / M. Schudson // *Communication*, 1989. – Vol. 11. – 109 p.
249. Schwartz, B. *Abraham Lincoln and the Forge of National Memory* / B. Schwartz. – Chicago, 2000. – 251 p.
250. Schwartz, B. Culture and Collective Memory: Two Comparative Perspectives / B. Schwartz, J. R. Hall, L. Grindstaff, M-C. Lo // *Handbook of Cultural Sociology*. – London: Routledge, 2010. – P. 619–628.
251. Schwartz, B. Social Change and Collective Memory: The Democratization of George Washington / B. Schwartz // *American Sociological Review*, 1991.
252. Shils, E. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties: Some Particular Observations on the Relationships of Sociological Research and Theory / E. Shils // *The British Journal of Sociology*, 1957. – Vol. 8, N. 2. – P. 130–145.
253. Shirvani, M. Configurations of the Polyphonic Self-Consciousness: The Complexity of Cultural Memory in Philip Roth's *The Plot Against America* / M. Shirvani // *Multicultural representations. Literature and Discourse as Forms of Dialogue* 4th edition edited by Iulian Boldea, Cornel Sigmirean, 2016. – P. 647–658.

254. Simmel, G. Conflict and the Web of group affiliations / G. Simmel. – Glencoe, Ill., Free Press, 1955.
255. Slooman, M. Substantive signifiers? Ethnic and religious identifications among second-generation immigrants in the Netherlands / M. Slooman // J. Identities. Global Studies in Culture and Power, 2016. – Vol. 23, Issue 5. – P. 572–590.
256. Smith, A. D. The Ethnic Origins of Nations / A. D. Smith. – Oxford, 1986. – 188 p.
257. Sollors, W. Foreword: Theories of American Ethnicity. NYU Press, 1900. – 501 p.
258. Stamenova, S. The specifics of Balkan ethnic identity construction: ethnicisation of localities / S. Stamenova // J. National Identities . Latest Articles, 2016. – P. 1–22.
259. Stewart, S. Objects of desire / S. Stewart // Part I: The Souvenir, On Longing: Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection. – Durham, NC: Duke University Press, 1993. – P. 132–151.
260. Taft, R. Coping with unfamiliar cultures / R. Taft, N. Warren // Studies in Cross-cultural Psychology. – London : Academic Press, 1977. – Vol. 1. – P. 121–153.
261. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // Psychology of intergroup relations. – Chicago : Nelson-Hall, 1986.
262. Tchistiakova, N. How national identification matters: the development of European identification among established ethnic minority groups / N. Tchistiakova, N. Waechter // J. Identities. Global Studies in Culture and Power, 2016. – Vol. 23, Issue 6. – P. 725–744.
263. Terdiman, R. Historicizing Memory, Present Past: Modernity and the Memory Crisis / R. Terdiman. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1993. – P. 3–32.
264. Twark, J. E. Approaching History as Cultural Memory Through Humour, Satire, Comics and Graphic Novels / J. E. Twark // Contemporary European History, 2017. – Vol. 26, Issue 1. – P. 175–187.
265. Van Den Berghe, P. L. The ethnic phenomenon / Van Den Berghe. – Greenwood publishing Group, 1987. – 318 p.
266. Verkaaik, O. Violence and Ethnic Identity Politics in Karachi and Hyderabad / O. Verkaaik // J. South Asia: Journal of South Asian Studies, 2016. – Vol. 39, Issue 4. – P. 841–854.
267. Verkuyten, M. Ethnic Group Identification and Group Evaluation Among Minority and Majority Groups: Testing the Multiculturalism Hypothesis / M. Verkuyten // J. of Personality and Social Psychology, 2005. – Vol. 88 (1) – P. 121–138.

268. Waechter, N. Formation of European identity: ethnic minority groups in Central and Eastern Europe in generational perspective / N. Waechter // *J. Identities. Global Studies in Culture and Power*, 2016. – Vol. 23, Issue 6. – P. 686–704.
269. Warburg, A. M. *Ausgewahlte Schriften und Wurdigungen* / A. M. Warburg, Hg. v. D. Wuttke. – Baden-Baden, 1992.
270. Ward, C. A. *The psychology of culture shock* / C. A. Ward, S. Bochner, A. Furnham. – London : Routledge, 2001. – 367 p.
271. Wettstein, M. How ethnic identity becomes real: the enactment of identity roles and the material manifestation of shifting identities among / M. Wettstein // *J. Asian Ethnicity*, 2016. – Vol. 17, Issue 3. – P. 384–399.
272. Yanghuan, Y. Cultural memory as a new perspective for cultural studies and literary studies: An interview with Svend Erik Larsen / Y. Yanghuan // *China Academic Journal Electronic Publishing House*, 2016.
273. Zimmermann, K. F. *Migrant Ethnic Identity: Concept and Policy Implications* / K. F. Zimmermann // IZA, Bonn University and DIW Berlin. Discussion Paper N. 3056, – Germany, 2007. – P. 1–22.